

ISSN 2587-9510 (print)
ISSN 2782-4632 (online)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

№ 1(52) 2024

- Лингвистика
- Аспекты изучения художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- Концептология
- Журналистика в историко-теоретическом аспекте
- Язык СМИ
- События, обзоры, рецензии

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

№ 1(52) 2024

- Linguistics
- Literary text: aspects of study
- Language and culture studies
- Intercultural communication
- Concept studies
- Journalism in historical and theoretical aspect
- Language of mass media
- Events and reviews

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-70532 от 25.07.2017.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал выходит четыре раза в год.

Подписной индекс в «Каталоге периодических изданий. Газеты и журналы» ГК «Урал Пресс» - 34121. Физические лица могут оформить подписку в интернет-магазине «Деловая пресса» <http://www.ural-press.ru/dlya-fizicheskikh-lits/>.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов материалов.

Редакционная коллегия:

Главный редактор – С.А. Скуридина, доктор филологических наук

Заместитель главного редактора – Л.В. Ковалева, доктор филологических наук

Н.Б. Бугакова, кандидат филологических наук

Ответственный секретарь – О.В. Сулемина, кандидат филологических наук

Члены редакционной коллегии:

Е.А. Акелькина – доктор филологических наук – Омск, Россия; **В.Р. Аминева** – доктор филологических наук – Казань, Россия; **С.М. Белякова** – доктор филологических наук – Тюмень, Россия; **Н.В. Борисова** – доктор филологических наук – Елец, Россия; **Л.Н. Верховых** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.А. Воронова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **В. Гладров** – доктор филологических наук – Берлин, Германия; **А.Э. Еремеев** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **О.В. Загоровская** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.Л. Каминская** – доктор филологических наук – Великий Новгород, Россия; **В.В. Катермина** – доктор филологических наук – Краснодар, Россия; **Л.П. Клобукова** – доктор педагогических наук – Москва, Россия; **Г.Ф. Ковалев** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Л.М. Кольцова** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Э.И. Коптева** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **Е.В. Косинцева** – доктор филологических наук – Ханты-Мансийск, Россия; **Е.О. Кузьминых** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Д. Лесневска** – доктор кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики – София, Болгария; **С.М. Махмудова** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Р.О. Муталов** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Е.С. Обухова** – доктор филологии – Скопье, Северная Македония; **А.В. Полонский** – доктор филологических наук – Белгород, Россия; **Ю.С. Попова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **С.С. Распопова** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Е.К. Рева** – доктор филологических наук – Пенза, Россия; **О.В. Сулемина** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Томтогтох Гомбо** – доктор PhD – Улан-Батор, Монголия; **Р.Б. Унарокова** – доктор филологических наук – Майкоп, Россия; **Е.А. Шаронова** – доктор филологических наук – Саранск, Россия; **В.И. Шульженко** – доктор филологических наук – Пятигорск, Россия; **Г.Н. Ягафарова** – доктор филологических наук – Уфа, Россия.

Дизайн обложки – М.В. Саратова.

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет».

Адрес учредителя и издателя: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84

Адрес редакции: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, ауд. 5203; тел.: (473)271-50-48.

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

The journal is registered by Federal service for supervision in the sphere of connection, information technologies and mass media (Roskomnadzor)

Certificate of registration: PI № FS77-70532 from 25.07.2017.

The journal «Actual Issues of Modern Philology and Journalism» is included into the list of leading scientific publications which publishes the results of thesis for the degree of doctor of science and PhD.

Subscription index in the «Catalog of periodicals. Newspapers and magazines» of the «Ural Press» Group of Companies – 34121.

Individuals can subscribe to it in the online store «Business Press» <http://www.ural-press.ru/dlya-fizicheskikh-lits/>.

The journal is published four times a year.

The authors are responsible for the content of the articles. The opinion of the editorial committee may not coincide with the authors' point of view.

Editorial committee:

Chief editor – S.A. Skuridina, doctor of philology

Deputy chief editor – L.V. Kovaleva, doctor of philology
N.B. Bugakova, PhD in philology

Executive secretary – O.V. Sulemina, PhD in philology

Members of the editorial committee:

E.A. Akelkina – doctor of philology – Omsk, Russia; **V.R. Amineva** – doctor of philology – Kazan, Russia; **S.M. Belyakova** – doctor of philology – Tyumen, Russia; **N.V. Borisova** – doctor of philology – Elets, Russia; **L.N. Verkhovykh** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **T.A. Voronova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **V. Gladrov** – doctor of philology – Berlin, Germany; **A.E. Ereemeev** – doctor of philology – Omsk, Russia; **O.V. Zagorovskaya** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **T.L. Kaminskaya** – doctor of philology – Velikiy Novgorod, Russia; **V.V. Katermina** – doctor of philology – Krasnodar, Russia; **L.P. Klobukova** – doctor of pedagogy – Moscow, Russia; **G.F. Kovalev** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **L.M. Koltsova** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **E.I. Kopteva** – doctor of philology – Omsk, Russia; **E.V. Kosintseva** – doctor of philology – Hanty-Mansiysk, Russia; **E.O. Kuzminykh** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **D. Lesnevska** – PhD – Sophia, Bulgaria; **S.M. Makhmudova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **R.O. Mutalov** – doctor of philology – Moscow, Russia; **E.S. Obukhova** – doctor of philology – Skopje, Northern Makedonia; **A.V. Polonsky** – doctor of philology – Belgorod, Russia; **Yu.S. Popova** - PhD in philology – Voronezh, Russia; **S.S. Raspopova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **E.K. Reva** – doctor of philology – Penza, Russia; **O.V. Sulemina** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **Tomtogtogkh Gombo** – PhD – Ulaanbaatar, Mongol; **R.B. Unarokova** – doctor of philology – Maykop, Russia; **E.A. Sharonova** – doctor of philology – Saransk, Russia; **V.I. Shulzhenko** – doctor of philology – Pyatigorsk, Russia; **G.N. Yagafarova** – doctor of philology – Ufa, Russia.

Cover design - M.V. Saratova.

Founder and publisher: Federal state budget editorial institution of higher education «Voronezh State Technical University».

Address of the founder and publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

The address of the editorial office: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84, room 5203; tel.: (473) 271-50-48.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Скуридина С.А.</i> Вступительное слово главного редактора.....	6
Лингвистика	
<i>Заварзина Г.А., Рыжкова Е.С.</i> О структурированности терминологии воздушно-космических сил в современном русском языке.....	7
<i>Колесникова Е.И.</i> Лексико-семантическое поле «социальная политика» как способ экспликации языковой системности.....	12
Аспекты изучения художественного текста	
<i>Чуйков П.Л.</i> Автобиографические мотивы в романе Э. Золя «Страница любви».....	17
<i>Волкова Е.А., Волков Н.М., Черноусова И.Д.</i> Консервативные взгляды в творчестве Ф.М. Достоевского.....	22
<i>Байдагулова Т.А.</i> Тема безопасности и благополучия детства в рассказе А.А. Солоницына «Маленькой елочке холодно зимой» в контексте традиции рождественской прозы.....	27
<i>Сухова К.И., Карташова Е.Н.</i> Языковая репрезентация женских образов в творчестве В.А. Солоухина.....	32
<i>Васильева О.А.</i> Характеристика центра ономастического поля романа Е. Водолазкина «Брисбен».....	37
<i>Новикова М.В.</i> Вестоним как лингвокультурный идентификатор образа Мармеладова в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».....	45
<i>Архипова Е.Ю.</i> Люди и животные у С.Т. Аксакова и И.С. Тургенева: семантика повествования.....	49
<i>Латинская И.П., Денисова М.А.</i> Текстовый статус цикла произведений.....	53
<i>Вязовская В.В.</i> Ономастика Н.С. Лескова в филологической науке.....	59
К юбилею А. Платонова	
<i>Бугакова Н.Б.</i> Семантический потенциал библионима повести А. Платонова «Джан».....	65
Лингвокультурология	
<i>Жердева О.Н., Абубакарова Е.В.</i> Сравнительный анализ переводов А.А. Фета и М.Л. Михайлова стихотворений Г. Гейне: лингвокультурологический аспект.....	69
<i>Богатырев А.В.</i> Паук-долгожитель у Брэма Стокера: вымысел и правда.....	78
<i>Селеменова О.А., Попова О.П.</i> Экклезионимы как лингвистические средства представления культурного регионального бренда «Липецкая земля».....	83
<i>Зубарева Ю.М.</i> Исследование региональной идентичности в лингвокультурологическом аспекте.....	90
Межкультурная коммуникация	
<i>Ефимиади Л.К., Каритиди А.Г.</i> Исследование лингвистических методик транслатологии и заимствования в IT-сфере.....	96
<i>Козлова Л.Н.</i> Переводческий аспект употребления повтора-подхвата в романе Б. Шлинка «Чтец».....	103
Журналистика в историко-теоретическом аспекте	
<i>Белова А.В.</i> Александр Чехов – редактор.....	109
<i>Анисимова Т.В.</i> Похвала и одобрение как жанры выражения положительной оценки на интернет-канале.....	115
Язык СМИ	
<i>Панин В.В.</i> Способы образования и функции социально-политических эвфемизмов в современной американской прессе.....	125
События, обзоры, рецензии	
<i>Иванян Е.П., Агафонцев М.С.</i> Вопросы изучения и преподавания русского языка на VII Международной научной конференции «Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты».....	135
<i>Бугакова Н.Б., Скуридина С.А.</i> Итоги II Всероссийской научно-практической конференции «Дух, душа и тело в массовой культуре» (Воронеж, ВГТУ, 6 декабря 2023 г.).....	141
Правила оформления статей	145

CONTENTS

<i>Skuridina S.A.</i> Opening remarks of the chief editor	6
Linguistics	
<i>Zavarzina G.A., Ryzhkova E.S.</i> On the structuring of the terminology of aerospace forces in modern Russian language.....	7
<i>Kolesnikova E.I.</i> The lexical and semantic field of “social police” as a way of explication of linguistic consistency.....	12
Literary text: aspects of study	
<i>Chuiikov P.L.</i> Autobiographical motifs in E. Zola's novel «The Page of Love».....	17
<i>Volkova E.A., Volkov N.M., Chernousova I.D.</i> Conservative views in the works of F. M. Dostoevsky.....	22
<i>Baydagulova T.A.</i> The theme of the safety and well-being of childhood in the story of A.A. Solonitsyn “The little fir tree is cold in winter” in the context of Christmas prose tradition.....	27
<i>Sukhova K.I., Kartashova E.N.</i> Language representation of female images in V.A. Soloukhin’s creativity.....	32
<i>Vasilieva O.A.</i> Characteristics of the center of the onomastic field of E. Vodolazkin’s novel «Brisbane».....	37
<i>Novikova M.V.</i> Vestonym as a linguocultural identifier of the image of Marmeladov in the novel by F.M. Dostoevsky “Crime and punishment”.....	45
<i>Arkhipova E.Y.</i> People and animals in the prose of S.T. Aksakov and I.S. Turgenev: semantics of narratory... ..	49
<i>Lapinskaya I.P., Denisova M. A.</i> The text status of the cycle of works.....	53
<i>Vyazovskaya V.V.</i> N.S. Leskov’s onomastics in philological science.....	59
On A. Platonov’s anniversary	
<i>Bugakova N.B.</i> Semantic potential of the biblionym of A. Platonov’s novella “Jan”.....	65
Language and culture studies	
<i>Zherdeva O.N., Abubakarova E.V.</i> Comparative analysis of A.A. Fet’s and M.L.Mikhailov’s translations of H. Heine’s poems: linguocultural aspect.....	69
<i>Bogatyrev A.V.</i> Bram Stoker’s long-living spider: fiction and truth.....	78
<i>Selemeneva O.A., Popova O.P.</i> Ecclesionyms as the linguistic means of representing the cultural regional brand “Lipetsk land”.....	83
<i>Zubareva Y. M.</i> Research of regional identity in the linguocultural aspect.....	90
Intercultural communication	
<i>Efimiadi L.K., Karipidi A.G.</i> Research of linguistic methods of translatology and borrowing in the IT field....	96
<i>Kozlova L.N.</i> The translation aspect of anadiplosis used in B. Shlink’s novel “The Reader”.....	103
Journalism in historical and theoretical aspect	
<i>Belova A.V.</i> Alexander Chekhov – editor.....	109
<i>Anisimova T.V.</i> Praise and approval as genres of expressing a positive assessment on the Internet channel....	115
Language of mass media	
<i>Panin V.V.</i> Ways of formation and functions of socio-political euphemisms in modern American press.....	125
Events and reviews	
<i>Ivanyan E.P., Agafontsev M.S.</i> Issues of studying and teaching the Russian language at the VII International scientific conference “Text: philological, socio-cultural, regional and methodological aspects”.....	135
<i>Bugakova N.B., Skuridina S.A.</i> Results of the II All-Russian scientific and practical conference “Spirit, soul and body in popular culture” (Voronezh, VSTU, December 6, 2023).....	141
Layout of the articles	145

Вступительное слово главного редактора

Представляем вниманию читателей сорок девятый выпуск научного журнала «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики» Воронежского государственного технического университета. Выпуск включает работы, посвященные актуальным проблемам различных областей научного знания – лингвистическим, литературоведческим, методическим и др.

Научный журнал состоит из следующих разделов: I – «Лингвистика», II – «Аспекты изучения художественного текста», III – «К юбилею А. Платонова», IV – «Лингвокультурология», V – «Межкультурная коммуникация», VI – «Журналистика в историко-теоретическом аспекте», VII – «Язык СМИ», VIII – «События, обзоры, рецензии».

Авторы научных статей – доктора и кандидаты наук российских и зарубежных вузов. Публикуются также статьи молодых ученых (магистрантов, аспирантов). В выпуске содержится 23 научные работы. Раздел «Лингвистика» включает статьи, рассказывающие о структурированности терминологии воздушно-космических сил в современном русском языке (*Г.А. Заварзина, Е.С. Рыжкова*), рассматривающие лексико-семантическое поле «социальная политика» как способ экспликации языковой системности (*Е.И. Колесникова*). Раздел «Аспекты изучения художественного текста» содержит статьи, выявляющие автобиографические мотивы в романе Э. Золя «Страница любви» (*П.Л. Чуйков*), представляющие консервативные взгляды в творчестве Ф.М. Достоевского (*Е.А. Волкова, Н.М. Волков, И.Д. Черноусова*), раскрывающие тему безопасности и благополучия детства в рассказе А.А. Солоницына «Маленькой елочке холодно зимой» в контексте традиции рождественской прозы (*Т.А. Байдагулова*), анализирующие языковую репрезентацию женских образов в творчестве В.А. Солоухина (*К.И. Сухова, Е.Н. Карташова*), характеризующие центр ономастического поля романа Е. Водолазкина «Брисбен» (*О.А. Васильева*), описывающие вестоним как лингвокультурный идентификатор образа Мармеладова в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (*М.В. Новикова*), трактующие семантику повествования у С.Т. Аксакова и И.С. Тургенева (*Е.Ю. Архипова*), определяющие текстовый статус цикла произведений (*И.П. Латинская, М.А. Денисова*), классифицирующие ономастические единицы в произведениях Н.С. Лескова (*В.В. Вязовская*). В разделе «К юбилею А. Платонова» представлена работа, выявляющая семантический потенциал библионима повести А. Платонова «Джан» (*Н.Б. Бугакова*). Раздел «Лингвокультурология» содержит работы, которые проводят сравнительный анализ переводов А.А. Фета и М.Л. Михайлова стихотворений Г. Гейне в лингвокультурологическом аспекте (*О.Н. Жердева, Е.В. Абубакарова*), исследуют образ паука-долгожителя у Брэма Стокера (*А.В. Богатырев*), рассматривают экклезионимы как лингвистические средства представления культурного регионального бренда «Липецкая земля» (*О.А. Селеменова, О.П. Попова*), осуществляют исследование региональной идентичности в лингвокультурологическом аспекте (*Ю.М. Зубарева*). В разделе «Межкультурная коммуникация» анализируются лингвистические методики транслатологии и заимствования в IT-сфере (*Л.К. Ефимиади, А.Г. Карипиди*), а также переводческий аспект употребления повтора-подхвата в романе Б. Шлинка (*Л.Н. Козлова*). В разделе «Журналистика в историко-теоретическом аспекте» рассматривается редакторская деятельность Александра Чехова (*А.В. Белова*) и похвала и одобрение как жанры выражения положительной оценки на интернет-канале (*Т.В. Анисимова*). Раздел «Язык СМИ» рассказывает о способах образования и функции социально-политических эвфемизмов в современной американской прессе (*В.В. Панин*). В разделе «События, обзоры, рецензии» подводятся итоги VII Международной научной конференции «Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты» (*Е.П. Иванян, М.С. Агафонцев*) и II Всероссийской научно-практической конференции «Дух, душа и тело в массовой культуре» (*Н.Б. Бугакова, С.А. Скуридина*).

Содержащиеся в выпуске 1 (52) научные работы затрагивают проблемы современной лингвистики, журналистики, концептологии, межкультурной коммуникации, изучения языка художественных текстов и СМИ. Данное издание может быть интересно специалистам-филологам, журналистам, методистам, преподавателям русского языка как иностранного, учителям школ, гимназий и лицеев, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

Главный редактор научного журнала
доктор филологических наук

С.А. Скуридина

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК 81

DOI 10.36622/2587-9510.2024.73.77.001

Воронежский государственный педагогический университет

Доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка, современной русской и зарубежной литературы

Заварзина Г.А.

Россия, Воронеж, тел.: +7(473)264-44-17 e-mail: zga1311@mail.ru

Военный учебно-научный центр

Военно-воздушных сил

«Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»

Старший преподаватель 141 кафедры русского языка

Рыжкова Е.С.

Россия, Воронеж, тел.: +929-011-40-09

e-mail: ryzhkova.katerina@yandex.ru

*Voronezh State Pedagogical University
Ph.D., Head of the Department of the Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature
Zavarzina G.A.*

*Russia, Voronezh, tel.: +7(473)264-44-17
e-mail: zga1311@mail.ru*

Military Training and Research Center of the Air Force

«Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and

Yu.A. Gagarin»

Senior teacher of the Department of the Russian Language

Ryzhkova E.S.

Russia, Voronezh, tel.: +929-011-40-09

e-mail: ryzhkova.katerina@yandex.ru

Г.А. Заварзина, Е.С. Рыжкова

О СТРУКТУРИРОВАННОСТИ ТЕРМИНОЛОГИИ ВОЗДУШНО-КОСМИЧЕСКИХ СИЛ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящей статье предпринята попытка структурирования современной терминологии воздушно-космических сил (ВКС) РФ и выявления ее особенностей. Актуальность исследования обусловлена необходимостью упорядочения и систематизации исследуемой терминологии, переживающей в настоящее время период динамического развития, что определяется активизацией интереса к воздушно-космической сфере вследствие изменения характера и степени угроз РФ и необходимости решения вопросов безопасности и стратегической стабильности российского государства. В составе терминологии ВКС выделены тематические группировки двух типов с учетом соотношенности с тремя родами российских войск и в соответствии с понятийным членением данной области научных знаний. Представлена разноаспектная характеристика терминов, входящих в исследуемую терминосистему, и перечислены их особенности с точки зрения структуры, степени терминологизации, времени возникновения и мотивированности. Отмечено, что по организации плана содержания и освоенности в русском языке термины ВКС являются, как правило, однозначными и полностью освоенными номинациями. Делается вывод о том, что системные связи тематических группировок терминологии и составляющих ее единиц свидетельствует об упорядоченном характере всех элементов исследуемой подсистемы.

Ключевые слова: терминология, терминосистема, термин, воздушно-космические силы, структура, тематическая группа.

G.A. Zavarzina, E.S. Ryzhkova

ON THE STRUCTURING OF THE TERMINOLOGY OF AEROSPACE FORCES IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE

This article attempts to structure the modern terminology of the aerospace forces of the Russian Federation and identify its features. The relevance of the study is due to the need to streamline and systematize the terminology under study, which is currently undergoing a period of dynamic development, which is determined by the increased interest in the aerospace sector due to changes in the nature and degree of threats to the Russian Federation and the need to address

issues of security and strategic stability of the Russian state. As part of the terminology of the VKS, thematic groupings of two types are identified, taking into account their correlation with the three branches of the Russian armed forces and in accordance with the conceptual division of this field of scientific knowledge. A multidimensional characteristic of the terms included in the studied terminological system is presented, and their features are listed in terms of structure, degree of terminologization, time of occurrence and motivation. It is noted that according to the organization of the content plan and mastery in the Russian language, the terms of the VKS are, as a rule, unambiguous and fully mastered nominations. It is concluded that the systemic connections of the thematic groupings of terminology and its constituent units indicate the ordered nature of all elements of the subsystem under study.

Key words: terminology, terminosystem, term, aerospace forces, structure, thematic group.

Изучение военно-политической ситуации в мире в современную эпоху позволяет обнаружить серьезные изменения характера вооруженной борьбы, основные усилия которой переносятся в воздушное и космическое пространство: «Ведущие военные державы главную ставку делают на завоевание господства в воздушно-космической сфере» [1, с. 87]. В этих условиях проблема обеспечения безопасности России в воздушно-космической сфере становится весьма актуальной. В интересах ее решения с 1 августа 2015 года в соответствии с указом Президента Российской Федерации к выполнению поставленных задач приступил новый вид Вооруженных сил – Воздушно-космические силы (ВКС).

В этой специальной сфере сформировалась особая терминология, которая переживает в настоящее время период весьма активного развития. Как известно, терминосистема в качестве модели некоторой специальной области знаний появляется на той ступени, когда эта область сложилась в достаточной степени, имеет свою теорию, выявила и осознала основные свои объекты и связи между ними [2, с. 119; 3]. Для формирования терминосистемы необходимо выполнение определенных условий, а именно: наличие специальной области, имеющей достаточно четко очерченные границы; наличие системы общих понятий, относящихся к этой области; наличие достаточно строгой теории (концепции), описывающей эту область; наличие определенного естественного языка и сложившегося в его рамках языка для специальных целей, лексические единицы которого могут быть использованы для обозначения понятий (объектов и их признаков) данной системы понятий [4, с. 556]. При этом ведущим признаком любой терминосистемы является структурированность, под которой следует понимать упорядоченность отношений между ее элементами и иерархический характер их уровней. Лучше всего понять особенности структуры исследуемой терминологии, как известно, позволяет тематическая классификация и разноаспектное исследование составляющих ее единиц.

Проведенные исследования позволяют утверждать, что современная российская терминология воздушно-космических сил (ср.: воздушно-космические силы – «вид Вооруженных Сил Российской Федерации, предназначенный для отражения агрессии в воздушно-космической сфере, ведения разведки воздушно-космической обстановки, вскрытия начала воздушного и ракетного нападения, фактов воздействия на отечественные космические аппараты...поражения критически важных объектов и войск противника с применением обычных и ядерных средств поражения, авиационной поддержки и обеспечения боевых действий войск Вооруженных Сил, обеспечения запусков космических аппаратов и управления ими в орбитальном полете [5; 6]) сформировалась путем объединения двух самостоятельных терминосистем военно-воздушных сил (ВВС) и войск воздушно-космической обороны (ВВКО), что было обусловлено экстралингвистическими причинами, а именно: созданием нового вида вооруженных сил российской армии (действительно, современные реалии подразумевают освоение космического пространства не только в плане научного и технического развития: космос – это важнейший с военной точки зрения стратегический объект), и представляет собой разветвленную, сложно организованную систему, которую можно структурировать по двум основаниям:

1) в соответствии с тремя родами российских войск:

По данному критерию можно выделить три тематические группировки (ТГ):

ТГ «Военно-воздушные силы» (ВВС), включающая наименования средств отражения агрессии в воздушной сфере и защиты от ударов с воздуха, способов поражения объектов и войск противника с применением как обычных, так и ядерных средств поражения; понятий авиационного обеспечения боевых действий войск других видов и родов войск и состоящая из следующих подгрупп ТПГ «Дальняя авиация» (напр., *стратегический бомбардировщик, ракетоноситель, самолет для дальних полетов, крылатая ракета с максимальной и средней дальностью, авиационная бомба, Ту-160* и др.), ТПГ «Фронтальная авиация» (напр., *ракета управляемая, ракета неуправляемая, реактивный снаряд для поражения це-*

лей с воздуха до земли, авианулика, Су-30 и др.), ТПП «Авиация разведки» (напр., *разведывательный комплекс, самолет СУ-24МР* и др.), ТПП «Авиация истребителей» (напр., *СУ-27, СУ-33, МиГ-25* и др.), ТПП «Армейская авиация» (напр., *самолет АН-26* и др.), ТПП «Военно-транспортная авиация» (напр., *стратегический самолет; самолет, способный пролетать большие расстояния; самолет, предназначенный для перелета на средние дистанции* и др.), ТПП «Зенитно-ракетные войска» (напр., *зенитный комплекс, ЗРК «Бук», комплекс «Оса»* и др.), ТПП «Радиотехнические войска» (напр., *управление самолетов-союзников, радиооптический комплекс распознавания космических объектов* и др.);

ТГ «Космические войска» (КВ), которая включает названия средств наблюдения за космическими объектами и способов выявления угроз России в космосе и из космоса, обозначения космических аппаратов и мероприятий по их выведению на орбиты, обозначения видов управления спутниковыми системами военного и двойного (военного и гражданского) назначения в полете; наименования действий по поддержанию в установленном составе и готовности к применению спутниковых систем военного и двойного назначения, средств их запуска и управления и ряд других задач; управления космических аппаратов, противоспутниковой борьбы и разведки космического пространства и состоит из ТПП «Космические аппараты и управление ими» (напр., *космический аппарат, полигон, коррекция орбиты космического аппарата, космическая станция, средства наземного автоматизированного комплекса управления космическими аппаратами (НАКУКА)* и др.), ТПП «Противоспутниковая борьба» (напр., *боевые космические системы, одиночный удар по орбитальной группировке космических аппаратов противника, бортовой вариант системы лазерного оружия* и др.) и ТПП «Разведка космического пространства» (напр., *главный центр разведки космической обстановки, опасные сближения по трассе полета отечественных пилотируемых космических аппаратов* и др.);

ТГ «Войска противовоздушной и противоракетной обороны» (ПВО-ПРО), включающая в свой состав в первую очередь названия способов отражения агрессии в воздушно-космической сфере и поражения головных частей баллистических ракет вероятного противника, атакующих важные государственные объекты и состоящая из ТПП «Противовоздушная оборона» (напр., *ПВО, оснащенные зенитными ракетными системами, зенитная ракетная система средней дальности, ЗРПК Панцирь-С1* и др.) и ТПП «Противоракетная оборона» (напр., *радиолокационные станции нового поколения "Воронеж" системы предупреждения о ракетном нападении, ПРО Москвы А-135* и др.);

2) в соответствии с понятийным членением данной области научных знаний: ТГ «Органы управления и специалисты» (напр., *главнокомандующий, генеральный штаб, главное командование, начальник штаба командования, генерал-лейтенант* и др.); ТГ «Вооружение и его разновидности» (напр., *ЗРК, установка по запуску баллистических и межконтинентальных ракет, ракета класса «воздух-воздух» малой дальности, многочастотный радиолокационный комплекс/ МРК, стратегический бомбардировщик, крылатая ракета с максимальной дальностью, СУ-27, МиГ-25*, и др.); ТГ «Оснащение и его характеристики» (напр., *адаптивность системы управления космическими аппаратами, автономность космического аппарата, аэродромное покрытие, безопасность космического аппарата, боевая готовность космического аппарата, выживаемость авиационного комплекса* и др.); ТГ «Организационно-технические мероприятия» (напр., *аварийно-восстановительная операция в космическом полете, аэродинамический спуск, ввод космического аппарата в систему* и др.); ТГ «Боевые (военные) задачи» (напр., *боевой полет, боевой наряд* и др.); ТГ «Документация и ее виды» (напр., *программа полета, табуляграмма с баллистическими расчетами, орбитальная карта, план применения средств наземного комплекса управления космическим аппаратом* и др.); ТГ «Действия противника» (напр., *воздушно-космическое нападение, прорыв противовоздушной обороны, поражение радиотехнических и радиоэлектронных средств зенитных ракетных комплексов, поражение СВКН* и др.); ТГ «Проблемные ситуации» (напр., *небоевые потери авиационных комплексов, неисправность космического средства, сложные метеорологические условия* и др.).

Следует отметить, что тематические группировки современной российской терминосистемы ВКС обеих разновидностей формируются за счет терминов, различающихся по целому ряду параметров:

а) в структурном отношении термины ВКС представлены однословными единицами (ср.: *апоцентр, астродатчик, истребитель* и др.) и многословными образованиями, среди которых встречаются двухкомпонентные (ср.: *тактическая ракета, беспилотный истребитель, воздушное судно, достоверность информации, межорбитальный буксир* и др.), трехкомпонентные (ср.: *тяжелый многофункциональный истребитель, транспортное орбитальное средство, использование воздушного пространства* и др.), четырехкомпонентные (ср.: *топливный модуль орбитального средства, метеорологическое обеспечение космических средств* и др.), пятикомпонентные (ср.: *комплекс авиационного вооружения летательного аппарата, обеспечивающий бортовой комплекс космического аппарата* и др.), шестикомпо-

нентные (ср.: *космический аппарат исследования природных ресурсов Земли, подвижная пусковая установка ракеты космического назначения* и др.) и более (ср.: *информационное обеспечение автоматизированной системы управления космическими аппаратами, двигательная установка ориентации и стабилизации космического аппарата* и др.) [7] сочетания. На наш взгляд, многокомпонентность в отношении к термину следует понимать как его «неоднословность с субстантивным ядром и числом однозначных компонентов более двух» [8]. Будучи «раздельнооформленными, семантически целостными сочетаниями» [9], многокомпонентные термины носят определенный устойчивый терминологический характер [10], что свидетельствует об их важности и значительном удельном весе в лексиконе различных специальных подязыков: «многокомпонентные термины не только называют и дифференцируют возникающие понятия, но и систематизируют парадигматические отношения между ними, отражая системные связи единиц конкретной терминосистемы» [11, с. 58]. Как отмечают исследователи, многокомпонентные термины наиболее характерны как для новых, так и быстро развивающихся областей научного знания [12].

Основные модели двухкомпонентных терминов в исследуемой подсистеме – это, как правило, сочетание имя прил. + имя сущ.: *дальний перехватчик, ограниченный доступ, космический объект, беспилотный разведчик, боевая устойчивость* и др. – и реже имя сущ. + имя сущ.: *безопасность полетов, доступ к информации, перехват на взлете* и др. Ср. также участие ядерного терминологического компонента многокомпонентного термина в процессе формирования целых словообразовательных гнезд: *группировка истребительной авиации, группировка сил управления космического аппарата, группировка зенитных ракетных войск, группировка сил запуска и управления космических войск; войска противовоздушной и противоракетной обороны, войска ракетно-космической обороны, войска единой региональной системы воздушной обороны* и др.

Многие многокомпонентные термины имеют в составе терминологии ВКС синонимические варианты, функционирующие в форме аббревиатур: *ПРО – противовоздушная оборона, ВВС – военно-воздушные силы, КА – космический аппарат, СВКН – стратегическое воздушно-космическое направление, РВСН – Ракетные войска стратегического назначения* и др.

б) с точки зрения степени терминологизации исследуемые термины могут быть отнесены к собственно терминам, полностью сформировавшимся наименованием научных понятий сферы ВКС и характеризующимся смысловой точностью и однозначностью, а также единством дефиниций, представленных в лексикографических источниках (ср.: *авиационная система* и др.), предтерминам, которые отличаются неустойчивостью формы (ср.: *автоматизированная система управления силами и средствами воздушно-космической обороны; воинские части и подразделения связи, РТО и АСУ*; и др.). Особую группу образуют номены (номенклатурные единицы), которые отличаются именным характером, выступая единичными названиями конкретного предмета (ср.: *командно-измерительная система «Фазан», радиолокационная станция «Дон», ракета-носитель тяжёлого класса «Ангара», тяжёлая ракета-носитель «Протон-М»* и др.), и профессионализмы (в том числе жаргонного характера), которые являются неофициальными номинациями специальных понятий и характеризуются разговорной окраской (ср.: *мухобойная авиация – нереактивная авиация, фишка – штепсельный разъём подключения наземного электропитания к самолёту, беспилотник* и др.);

в) по времени возникновения термины ВКС могут быть представлены новыми (ср.: *воздушно-космические силы, Роскосмос* и др.) и устаревшими (ср.: *военно-космические силы, войска воздушно-космической обороны* и др.) языковыми знаками;

г) с точки зрения мотивированности термины могут быть мотивированными (ср.: *ракетоноситель, бомбардировщик, самолет-штурмовик, ракета-носитель, космический аппарат, ударный вертолетный комплекс* и др.; ср. также: *капсула* – одно из названий бескрылого спускаемого аппарата искусственных спутников и космических кораблей; *юстировочный космический аппарат* – (юстировка от нем. justieren «вымерять»), совокупность операций по выравниванию конструкций и конструктивных элементов вдоль некоторого направления, а также по приведению меры, измерительного или оптического прибора, механизмов в рабочее состояние, обеспечивающее точность, правильность и надёжность их действия) – «космический аппарат, предназначенный для проведения контроля, настройки и испытаний радиоэлектронных и/или оптических средств наземного и космического базирования» [5]) и немотивированными (ср.: *X-15* – американский экспериментальный ракетоплан, созданный по заказу NASA для изучения условий полёта на гиперзвуковых скоростях и входа в атмосферу крылатых аппаратов);

С точки зрения организации плана содержания и освоенности в русском языке термины ВКС представлены однозначными и полностью освоенными номинациями (ср.: *воздушное судно* – «летательный аппарат, поддерживаемый в атмосфере за счет взаимодействия с воздухом, отличного от взаимодействия с воздухом, отраженным от поверхности земли или воды» [5; 6]) или реже – многозначными номинациями, которые в данной подсистеме реализуют только одно, узкоспециальное значение (ср.: *эпоха* (навигационного спутника) – момент времени, в который спутник находится в некоторой точке орбиты [7; 5]).

Исследование показало, что терминология ВКС является новой областью специального знания, формирующейся на базе двух самостоятельных терминосистем военно-воздушных сил и войск воздушно-космической обороны, и отличается динамикой развития. Детальное изучение и описание современной российской терминологии воздушно-космических сил, на наш взгляд, будет способствовать упорядочению и систематизации данной терминосистемы.

Библиографический список

1. Кураченко П. Воздушно-космические силы – новый щит России // Воздушно-космическая сфера. №1 (86). 2016. С. 87-93.
2. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М., 2006. 256 с.
3. Проблемы современной терминологии: монография/Т.Н. Данькова, О.В. Загоровская. Воронеж, 2018. 219 с.
4. Васильева Н.В. Термин // Русский язык: энциклопедия. М., 2003. С. 556-557.
5. Справочник по терминологии в оборонной сфере // <https://dictionary.mil.ru/folder/123087/item/130068/>
6. Толковый словарь в области военного управления, связи и информационных технологий: Военно-теоретический труд/ под общ. ред. В.М. Буренка. М., 2017. 232 с.
7. Девнина Е.Н. Большой англо-русский и русско-английский авиационный словарь/ под ред. акад. И.И. Павловца. М., 2011. 512 с.
8. Дроздова Т.В. Типы и особенности многокомпонентных терминов в современном английском языке (на материале терминологии производства искусственного холода): дис. канд. филол. наук. М., 1989. 210 с.
9. Кудрявцева И.Г. Особенности формальной структуры и семантические характеристики терминологических словосочетаний (на материале английской и русской специальной лексики научно-технической области «Интернет»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 21 с.
10. Додонова Н.Э. Англо-русские соответствия в акцентно-ритмической реализации многокомпонентных терминов: дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2000. 173 с.
11. Кудинова Т.А. К вопросу о природе многокомпонентного термина (на примере английского подъязыка биотехнологий) // Вестник Перм. ун-та. Сер. «Российская и зарубежная филология». 2011. Вып. 2 (14). С. 58-61.
12. Заварзина В.А. Многокомпонентность как особенность структурной организации терминов современного образования // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2022. С. 149-154.

References

1. Kurachenko P. Aerospace forces - the new shield of Russia // Aerospace sphere. No. 1 (86). 2016. Pp. 87-93.
2. Leichik V.M. Terminology: subject, methods, structure. M., 2006. 256 p.
3. Problems of modern terminology: monograph/T.N. Dankova, O.V. Zagorovskaya. Voronezh, 2018. 219 p.
4. Vasilyeva N.V. Term // Russian language: encyclopedia. M., 2003. Pp. 556-557.
5. Directory of terminology in the defense sector // <https://dictionary.mil.ru/folder/123087/item/130068/>
6. Explanatory dictionary in the field of military control, communications and information technology: Military theoretical work / edited by. ed. V.M. Burenka. M., 2017. 232 p.
7. Devnina E.N. Large English-Russian and Russian-English aviation dictionary / ed. acad. I. I. Pavlovets. M., 2011. 512 p.
8. Drozdova T.V. Types and features of multicomponent terms in modern English (based on the terminology of artificial refrigeration production): dis. Ph.D. Philol. Sci. M., 1989. 210 p.
9. Kudryavtseva I.G. Features of the formal structure and semantic characteristics of terminological phrases (based on the material of English and Russian special vocabulary of the scientific and technical field "Internet"): abstract. dis. ...cand. Philol. Sci. M., 2010. 21 p.
10. Dodonova N.E. English-Russian correspondences in the accentual-rhythmic implementation of multicomponent terms: dis. ...cand. Philol. Sci. Pyatigorsk, 2000. 173 p.
11. Kudinova T.A. On the question of the nature of a multicomponent term (using the example of the English sublanguage of biotechnology) // Vestnik Perm. unta. Ser. "Russian and foreign philology". 2011. Issue. 2 (14). Pp. 58-61.
12. Zavarzina V.A. Multicomponentity as a feature of the structural organization of terms of modern education // News of the Voronezh State Pedagogical University. 2022. Pp. 149-154.

УДК 81'27

DOI 10.36622/2587-9510.2024.44.87.002

Воронежский государственный педагогический университет

Аспирант гуманитарного факультета Колесникова Е. И.

Россия, Воронеж, тел.: +7(905)6513616

e-mail: kolesnikovaeki@mail.ru

Voronezh State Pedagogical University

PhD Student of the Faculty of Humanities Kolesnikova E.I.

Russia, Voronezh, tel.: +7(905)6513616

e-mail: kolesnikovaeki@mail.ru

Е.И. Колесникова

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА» КАК СПОСОБ ЭКСПЛИКАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМНОСТИ

Настоящая статья посвящена проблеме системности русского языка, рассмотренной на примере лексико-семантического поля «социальная политика» как одной из наиболее динамичных подсистем современной эпохи. Динамизм исследуемой подсистемы обусловлен в первую очередь экстралингвистическими причинами, а именно: чрезвычайной важностью вопросов социального характера, связанных с необходимостью повышения уровня и качества жизни народа российского государства. Исследуются типы группировок языковых единиц лексико-семантического поля «социальная политика» и характер их взаимодействия друг с другом, эпидигматические отношения, а также условия и формы языкового выражения результатов семантического варьирования словесных знаков. Парадигматические связи между элементами исследуемого поля представлены отношениями гипонимии, синонимии и антонимии, синтагматические отношения реализованы на уровне устойчивых словосочетаний разных структурных моделей, о деривационных возможностях элементов исследуемой подсистемы свидетельствуют примеры словообразовательных цепочек и словообразовательных гнезд, где в качестве производящих для образования многочисленных дериватов выступают чаще всего иноязычные непродуцируемые и производные лексические единицы. Установлено, что многочисленные системные связи обнаруживаются не только между словесными знаками лексико-семантического поля «Социальная политика», но и между лексико-семантическими группами, формирующими его состав. Доказано, что полевая методика позволяет представить состав лексико-семантического фрагмента «Социальная политика» не как простой перечень лексических единиц, а как целостную систему.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, социальная политика, системность, парадигматические отношения, синтагматические связи, эпидигматические отношения.

E.I. Kolesnikova

THE LEXICAL AND SEMANTIC FIELD OF "SOCIAL POLICY" AS A WAY OF EXPLICATION OF LINGUISTIC CONSISTENCY

This article is devoted to the problem of the system of the Russian language, considered by the example of the lexical and semantic field "social policy" as one of the most dynamic subsystems of the modern era. The dynamism of the subsystem under study is primarily due to extralinguistic reasons, namely, the extreme importance of social issues related to the need to improve the level and quality of life of the people of the Russian state. The types of groupings of linguistic units of the lexico-semantic field "social policy" and the nature of their interaction with each other, epidigmatic relations, as well as the conditions and forms of linguistic expression of the results of semantic variation of verbal signs are investigated. Paradigmatic connections between the elements of the studied field are represented by relations of hyponymy, synonymy and antonymy, syntagmatic relations are implemented at the level of stable word combinations of different structural models, the derivational capabilities of the elements of the studied subsystem are evidenced by examples of word-formation chains and word-formation nests, where foreign non-derivative and derivative lexical units are most often used as producers for the formation of numerous derivatives. It is established that numerous systemic connections are found not only between the verbal signs of the lexico-semantic field "Social Policy", but also between the lexico-semantic groups forming its composition. It is proved that the field methodology allows us to present the composition of the lexico-semantic fragment "Social Policy" not as a simple list of lexical units, but as an integral system.

Keywords: lexico-semantic field, social policy, consistency, paradigmatic relations, syntagmatic connections, epidiigmatic relations.

Понимание лексики как системы давно стало общепризнанным, однако принципы ее организации однозначного толкования до сих пор не получили. Отмеченный факт обусловлен, прежде всего, отсутствием универсального способа проникновения в эту системность, наблюдения за ней и последующего ее описания. Одним из методов экспликации объективно существующей в языке лексической системности может служить лексико-семантическое поле (ЛСП), поскольку «законы семантики выявляются не в отдельных словах, а в группах и системах слов, в полях слов» [1, с. 439]. Как показало исследование, среди целого ряда динамических лексико-семантических подсистем [2; 3] в русском языке новейшего периода несомненной значимостью и активностью отличается ЛСП «Социальная политика», что обусловлено возросшей необходимостью решения таких актуальных проблем, как социальное неравенство, низкий уровень рождаемости и др. Ср.: «Проблемы, связанные с обеспеченностью населения жильем, социальной защитой, здравоохранением, образованием и рядом других показателей, которые входят в современное понятие «качество жизни», обостряются» [4, с. 417].

Общей характеристикой полевой модели социальной политики, используемой для объединения и систематизации лексических единиц с семами «направленная на повышение уровня жизни», «ориентированная на обеспечение жизнедеятельности» и др., является наличие комплекса отношений между составляющими ее элементами, среди которых наиболее значимыми традиционно признаны синтагматические (линейные, сочетаемостные), парадигматические (ассоциативные) и эпидигматические (деривационные) связи. Ср.: «Лексико-семантическое поле получает не только парадигматическую, но и синтагматическую интерпретацию как систему согласовательных классов, связанных с семантикой соотносимых парадигматических классов» [5, с.10]. Ср. также: «К лексико-семантической системе относится вся область смысловых отношений лексических единиц, своеобразий типов их группировок и характер взаимодействия их друг с другом (лексическая парадигматика) и с элементами других подсистем языка, условия и формы языкового выражения результатов семантического варьирования словесных знаков (лексическая синтагматика)» [6, с. 78]. По мнению ученых, «обусловленные разными причинами изменения этих отношений оказывают воздействие на развитие значения отдельного слова, на самый состав лексико-семантической группы и ее дальнейшую судьбу, рост или сужение количества компонентов группы и даже ее распад, замену одних слов другими» [7, с.26].

Как показали исследования, парадигматические отношения между элементами лексико-семантического поля «Социальная политика» представлены, прежде всего, отношениями гипонимии, синонимии и антонимии.

Лексическая гипонимия как важный тип универсальных связей словесных знаков, основанная на логико-семантической субординации, «отражает закономерности человеческого мышления, в котором тенденция к обобщению органически сочетается с тенденцией к конкретизации мысли» [8, с.66]. Гиперо-гипонимические отношения характерны, прежде всего, для словесных знаков ЛСГ «Направления социальной политики» и «Виды социальных услуг». Так, гипероним *управление*, имеющий обобщающее значение, возглавляет группу гипонимов с раскрывающим значением: *управление наукой и образованием, управление в области культуры, управление в области труда и социального развития, управление в области здравоохранения, физической культуры и спорта* и др. В комплексе, вершиной которого является гипероним, обозначающий родовое понятие *пособие*, представлены соподчиненные гипонимы: *пособие по потере кормильца, пособие чернобыльцам, пособие за особые достижения* и др.; ср.: *возраст – возраст пенсионный, возраст старше трудоспособного, возраст «третий»* и др. Лексические единицы, обозначающие видовые понятия «*льгота на проезд в общественном транспорте*», «*льгота в сфере здравоохранения*», «*льгота по оплате жилищно-коммунальных услуг*», «*льгота по оплате капремонта*», являются гипонимами по отношению к единице, соответствующей родовому понятию «*льгота пенсионерам*». Следует отметить, что в исследуемом поле можно выделить согипонимы (или когипонимы), которые относятся к одной лексико-семантической группе и являются гипонимами относительно друг друга. Так, например, гипероним *субсидия*, описывающий родовое понятие, входит и в другой иерархический ряд и объединяет гипонимы, обозначающие видовые понятия: *прямая субсидия, косвенная субсидия, безналичная субсидия, безвозмездная субсидия, «ковидная» субсидия, жилищная субсидия, субсидия жителям аварийных домов, субсидия малоимущим, субсидия на открытие бизнеса* и др.

Достаточно разнообразными в лексико-семантическом поле «Социальная политика» являются отношения синонимии, которые наиболее характерны для слов и словосочетаний ЛСГ «Виды социальных услуг» (ср.: *президентская стипендия – стипендия президента, выплаты при рождении ребенка – ежемесячные выплаты на детей – президентские выплаты – путинские выплаты, адресная помощь – адресное социальное пособие – адресная социальная выплата; вычет по расходам на физкультурно-оздоровительные услуги – «оздоровительный» налоговый вычет* и др.), ЛСГ «Модели социальной политики» (ср.: *государство социальной защиты – государство социальной безопасности* и др.), ЛСГ «Потребители социальных услуг» (ср.: *малоимущие слои населения – малообеспеченные социальные группы* и др.). Действительно, связь членов лексико-семантического поля может быть обусловлена «семантической близостью значений, присутствием единого семантического компонента у всех слов конкретного поля, семантическими корреляциями» [9, с. 202]. Для синонимии важны наряду с общностью номинации такие формы представления данных реалий, в которых осуществляется дифференциация качества обозначаемой реалии разными лексическими средствами языка. При этом важным моментом при анализе синонимических рядов является выделение среди них доминанты, в качестве которой может выступать стилистически нейтральный синоним, имеющий наиболее простые сочетательные свойства, тесно связанные с сочетательными свойствами всей синонимической группы в целом: *денежная субсидия, выплачиваемая при рождении или усыновлении ребёнка – мера государственной поддержки российских семей, воспитывающих детей – материнский капитал – семейный капитал – маткапитал (разг.) – детские деньги (разг.); негосударственный пенсионный фонд – НПФ* и др. Ср. также стилистические синонимы ЛСГ «Субъекты социальной политики»: *Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций – (разг.) Минцифры, Министерство науки и высшего образования Российской Федерации – (разг.) Минобр, Министерство просвещения Российской Федерации – (разг.) Минпрос* и др.; ЛСГ «Виды социальных услуг»: *интеграционная мастерская – (устар.) профессиональное училище* и др.

Как показало исследование, отношения антонимии, или противопоставленности по самому общему и существенному для их значения семантическому признаку, свойственные лексическим единицам, которые находятся на крайних точках соответствующей лексико-семантической парадигмы, реализуются в следующих лексико-семантических группах: «Виды социальных услуг» (ср.: *прямая субсидия – косвенная субсидия; краудфандинг (от англ. crowdfunding «коллективное сотрудничество людей, которые добровольно объединяют свои деньги или другие ресурсы вместе, как правило через интернет, чтобы поддержать усилия других людей или организаций» [10, с.358]) без вознаграждения – краудфандинг с вознаграждением* и др.), «Социальные проблемы» (ср.: *опасный конфликт – неопасный конфликт; открытый конфликт – скрытый конфликт; созидательный конфликт – разрушительный конфликт; актуальный конфликт – привычный конфликт* и др.)

Словесным знакам исследуемого лексико-семантического поля свойственны синтагматические связи («лексические солидарности» [11]), основанные на законе семантического согласования языковых единиц, в значении которых есть общие повторяющиеся семы. Синтагматические связи внутри ЛСП «Социальная политика» определяются семантическими и/или грамматическими свойствами слов и проявляются, прежде всего, в устойчивых словосочетаниях, обнаруживающихся в составе различных ЛСГ: *семейная политика, вынужденный переселенец, социальная услуга, группа риска, дети с ограниченными возможностями здоровья, договор на оказание социальных услуг, жизненный цикл семьи, жестокое обращение с детьми, индивидуальная помощь* и др. При этом «чем шире сочетаемость слова с другими, тем больше семантических свойств обнаруживается при его функционировании в речи» [12, с. 171]. Структура плана содержания словосочетания, как правило, определяется значением слов, формирующих его модель: «потенциально каждое слово обладает открытым числом этих семантических компонентов, чем и определяется неконечный характер сочетаний, образуемых тем или иным словом» [13, с. 284]: *интеграционная мастерская, мастерская фитодизайна, мастерская цветоводства, мастерская механизации, мастерская зеленого строительства, мастерская швейного дела, мастерская изготовления изделий из дерева; допрофессиональное образование, профессиональное образование, послевузовское образование; пенсионный счет негосударственного пенсионного обеспечения, пенсионный счет накопительной пенсии; социальная работа в условиях глобализации, социальная работа групповая, социальная работа на улице, социальная работа превентивная, социальная работа с детьми на улице, социальная работа с индивидуальным случаем; страхование медицинское, страхование пенсионное, страхование социальное* и др.

В лексико-семантическом поле «Социальная политика» широко представлены эпидигматические связи и отношения (или отношения семантического и формального словообразования), которые чаще всего являются или отношениями равнозначности, отношениями параллельной деривации (между производными одной и той же ступени), или отношениями включения, подчинённости, отношениями последовательной деривации [14, с. 137]. В качестве производящих для образования многочисленных дериватов выступают чаще всего иноязычные непроизводные и производные лексические единицы [15]. Достаточно многочисленными являются словообразовательные парадигмы, представленные лексическими единицами, сформированными на основе непроизводных иноязычных слов: *дотация – дотировать, дотирование, дотационный; субсидия – субсидировать, субсидирование, субсидник, квота – квотирование, квотный, квотник; ипотека – ипотечный, ипотечник; фандрайзинг* (от англ. fundraising – сбор денег и других ресурсов, предназначенных для поддержки социально-значимых проектов [10, с.973]) – *фандрайзинговый; краудфандинг – краудфандинговый* и др.

На основании проведенного исследования можно утверждать, что многочисленные системные связи обнаруживаются не только между словесными знаками ЛСГ, формирующими лексико-семантическое поле «Социальная политика», но и между самими ЛСГ. Наиболее ярко представлены являются парадигматические отношения рода и вида, которыми связаны многие единицы ЛСГ «Федеральная социальная политика», «Муниципальная социальная политика», «Региональная социальная политика»: *социальная политика – федеральная социальная политика, региональная социальная политика, муниципальная социальная политика*. Ср. также ЛСГ «Социальная политика в сфере образования и науки», «Социальная политика в сфере природных ресурсов и экологии», «Социальная политика в сфере транспорта», «Социальная политика в сфере жилищно-коммунального строительства», «Социальная политика в сфере здравоохранения и спорта», «Социальная политика в сфере культуры», «Социальная политика в области труда» «Социальная политика в сфере цифрового развития, связи и массовых коммуникаций» [16]: *социальная политика – социальная политика в сфере образования и науки, социальная политика в сфере природных ресурсов и экологии, социальная политика в сфере транспорта, социальная политика в сфере жилищно-коммунального строительства* и др.

Таким образом, возможность описания исследуемого фрагмента действительности как лексико-семантического поля, включающего разного рода словесные знаки, связанные друг с другом системными отношениями парадигматического, синтагматического и деривационного характера, является доказательством его внутренней системной организации. По мнению Трира, компоненты семантического поля – «бегущие на гонках лошади», которые бегут к цели во времени и пространстве и между которыми в зависимости от их положения постоянно меняются их взаимоотношения и значимость» [17, с. 12]. Безусловно, любое слово получает свое значение, «только находясь в связи со словами-соседями по семантическому полю. По содержанию – слова в поле находятся во взаимной зависимости друг от друга. В зависимости от структуры целого – отдельное слово принимает его содержательную понятийную определенность» [18, с. 68].

Библиографический список

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. 685 с.
2. Заварзина Г.А. Лексико-семантическое поле «Государственное управление» как одно из доминантных полей языковой картины мира русского народа // Филология и культура. Philology and culture. 2016. № 4 (46). С. 32-36.
3. Заварзина Г.А. О законах развития лексической системы русского языка (на материале лексической подсистемы государственного управления) // Известия Воронежского государственного педагогического университета. Серии «Педагогические науки», «Гуманитарные науки», «Естественные науки». 2015. Т.269. № 4. С. 96-99.
4. Савина Т.Н., Концова И.М. Социальная политика современной России: проблемы и перспективы // Финансы и кредит. 2017. Т. 23. Вып. 7. С. 412-428.
5. Абрамов В.П. Синтагматика семантического поля. Ростов-на-Дону, 1992. 107 с.
6. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957. 295 с.
7. Тиллоева С. М. Понятийный аспект структуры семантического поля: монография. Екатеринбург, 2020. 57 с.
8. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. М., 1989. 216 с.
9. Городецкий Б. Ю. К проблеме семантической типологии. М., 1969. 564 с.
10. Российская энциклопедия социальной работы / под общ. ред. проф. Е.И. Холостовой. М., 2016. 1030 с.
11. Косериу Э. Лексические солидарности // Вопросы учебной лексикографии. М., 1969. С. 93-104.
12. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968. 272 с.

13. Шмелев Д.Н. Современный русский язык: Лексика. М., 1977. 335 с.
14. Вендина Т.И. Введение в языкознание. М., 2001. 288 с.
15. Заварзина Г.А. Русская лексика государственного управления: история формирования и современные процессы развития: дис. доктора...филол. наук. Воронеж, 2015. 381 с.
16. Заварзина Г.А., Колесникова Е.И. О полево́м подходе в исследовании лексико-семантической подсистемы «Социальная политика» // Известия ВГПУ. 2021. №2 (291). С.190-194.
17. Trier J. Altes und Neues vom sprachlichen Feld. Rede anlaBlich der feierlichen Ueberreichung des Konrad-Duden-Preises der Stadt Mannheim durch den Herrn Oberbiirgermeister am 3. Marz 1968. Mannheim/Zurich, Duden-Verlag, 1968. 20 p.
18. Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Von den Anfängen bis zum Beginn des 13. Jahrhunderts. Heidelberg, 1973. 347 p.

References

1. Linguistic encyclopedic dictionary / ch. ed. V. N. Yartseva. M., 1990. 685 p.
2. Zavarzina G.A. Lexico-semantic field "Public Administration" as one of the dominant fields of the linguistic picture of the world of the Russian people // Philology and culture. 2016. No. 4 (46). pp. 32-36.
3. Zavarzina G.A. On the laws of development of the lexical system of the Russian language (based on the lexical subsystem of public administration) // Izvestiya of the Voronezh State Pedagogical University. Series "Pedagogical Sciences", "Humanities", "Natural Sciences". 2015. T.269. No. 4. pp. 96-99.
4. Savina T.N., Kontsova I.M. Social policy of modern Russia: problems and prospects // Finance and credit. 2017. T. 23. Issue. 7. pp. 412-428.
5. Abramov V.P. Syntagmatics of the semantic field. Rostov-on-Don, 1992. 107 p.
6. Akhmanova O. S. Essays on general and Russian lexicology. M., 1957. 295 p.
7. Tilloeva S. M. Conceptual aspect of the structure of the semantic field: monograph. Ekaterinburg, 2020. 57 p.
8. Kuznetsova E.V. Lexicology of the Russian language. M., 1989. 216 p.
9. Gorodetsky B. Yu. On the problem of semantic typology. M., 1969. 564 p.
10. Russian encyclopedia of social work / edited by. ed. prof. E.I. Holostovoj. M., 2016. 1030 p.
11. Coseriu E. Lexical solidarities // Issues of educational lexicography. M., 1969. P. 93-104.
12. Ufimtseva A.A. Word in the lexical-semantic system of language. M., 1968. 272 p.
13. Shmelev D.N. Modern Russian language: Lexicon. M., 1977. 335 p.
14. Vendina T.I. Introduction to linguistics. M., 2001. 288 p.
15. Zavarzina G.A. Russian vocabulary of public administration: history of formation and modern processes of development: dis. doctors...philol. Sci. Voronezh, 2015. 381 p.
16. Zavarzina G.A., Kolesnikova E.I. On the field approach in the study of the lexical-semantic subsystem "Social Policy" // Izvestiya of the Voronezh State Pedagogical University. 2021. No. 2 (291). P.190-194.
17. Trier J. Altes und Neues vom sprachlichen Feld. Rede anlaBlich der feierlichen Ueberreichung des Konrad-Duden-Preises der Stadt Mannheim durch den Herrn Oberbiirgermeister am 3. Marz 1968. Mannheim/Zurich, Duden-Verlag, 1968. 20 p.
18. Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Von den Anfängen bis zum Beginn des 13. Jahrhunderts. Heidelberg, 1973. 347 p.

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА LITERARY TEXT: ASPECTS OF STUDY

УДК 811.161.1 ББК 81.2 Рус-5
DOI 10.36622/2587-9510.2024.39.18.003

*ФГК ВОУ ВО «Военный университет имени князя
Александра Невского» Министерства Обороны Рос-
сийской Федерации
канд. филол. наук, преп. кафедры № 8 (языкознания и
литературы)
Чуйков П.Л.
Россия, г. Москва, тел. 8(909)6961916
e-mail: chuikovpav@yandex.ru*

*FGK HEU HE «Military University named after
Prince Alexander Nevsky»
of the Ministry of Defense of the Russian Federa-
tion
Candidate of Philological Sciences, teacher of the
Department No. 8 (Linguistics and Literature)
Chuykov P.L.
Russia, Moscow, 8(909)6961916
e-mail: chuikovpav@yandex.ru*

П.Л. Чуйков

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ Э. ЗОЛЯ «СТРАНИЦА ЛЮБВИ»

В статье рассматриваются малоизвестные факты биографии Э. Золя, который справедливо считается классиком мировой литературы. В частности рассматриваются обстоятельства его трагической гибели. Возможно, одной из причин этого стало активное участие писателя в защите невинно осужденного французского офицера, капитана Альфреда Дрейфуса. Из России А.П. Чехов следил за этим делом, он высоко ценил выступление французского писателя в пользу Дрейфуса и называл Золя «благородной душой». В статье также говорится о том, как отразилась тема врачевания в романе Золя «Страница любви» (1878), в котором автор затронул вопросы медицины. Возможно, память об одном случае из детства подтолкнул Золя обратиться к медицинской тематике в психологическом романе «Страница любви». В этом произведении, как и во многих других романах Золя, объективно описываются все слои французского общества и человеческие характеры. Золя осуществляет свой давний замысел: создает в романе образ Парижа, города, ставшего одним из действующих лиц произведения, внимательно следящим за судьбами других героев. История молодой женщины Элен и ее дочери Жанны полна драматизма: Золя показывает конфликт искренних чувств Элен с окружающей действительностью, где встречается и невежество, и равнодушие, и предательство. Даже Париж, ставший в какой-то момент близким и понятным Элен, оказывается в итоге лишь безучастным наблюдателем за ее несчастной судьбой. Согласно воспоминаниям современников и исследователей творчества Золя, писатель предстает человеком высокой нравственности и признанным мастером натуралистического романа.

Ключевые слова: Эмиль Золя, «дело Дрейфуса», «Страница любви», справедливость, натуралистический роман.

P.L. Chuikov

AUTOBIOGRAPHICAL MOTIFS IN E. ZOLA'S NOVEL «THE PAGE OF LOVE»

The article examines the little-known facts of the biography of E. Zola, who is rightly considered a classic of world literature. In particular, the circumstances of his tragic death are being considered. Perhaps one of the reasons for this was the active participation of the writer in the defense of the innocently convicted French officer, Captain Alfred Dreyfus. From Russia, A.P. Chekhov also followed this case, he highly appreciated the French writer's speech in favor of Dreyfus and called Zola a "noble soul." The article also talks about how the topic of healing was reflected in Zola's novel «The Page of Love» (1878), in which the author touched upon medical issues. Perhaps the memory of one incident from his childhood prompted Zola to turn to medical topics in the psychological novel «The Page of Love». In this work, as in many other novels by Zola, all strata of French society and human characters are objectively described. Zola carries out his long-standing plan: in the novel he creates the image of Paris, a city that has become one of the characters in the work, closely following the fates of other characters. The story of a young woman Helene and her daughter Jeanne is full of drama: Zola shows the conflict of Helen's sincere feelings with the surrounding reality, where ignorance, indifference, and betrayal are found. Even Paris, which at some point became close and understandable to Helen,

turns out to be only an indifferent observer of her unhappy fate. According to the memoirs of contemporaries and researchers of Zola's work, the writer appears to be a man of high morality and a recognized master of the naturalistic novel.

Key words: Emile Zola, «the Dreyfus affair», «The Page of Love», justice, a naturalistic novel.

29 сентября 1902 года Париж облетела печальная новость: умер Эмиль Золя. За день до этого он с супругой Александриной Меле вернулся в столицу Франции из Медана. Шестидесятидвухлетний писатель был полон творческих планов и не чувствовал себя старым. В его парижской квартире было холодно, поэтому там разожгли камин. Ночью супруги проснулись от головной боли и приступов тошноты. На предложение мадам Золя позвать слуг писатель ответил отказом. Он надеялся на то, что боль пройдет сама собой, из деликатности ему не хотелось никого беспокоить понапрасну. Утром же слуги сами стали волноваться, почему их не зовут. Войдя в комнату Золя, они обнаружили там писателя мертвым, а его супругу в состоянии обморока. Согласно медицинскому заключению, мужчина умер от удушья, от отравления угарным газом, который проникал в комнату из горевшего камина. Оказалось, что дымоход был неисправен. Мадам Золя врачам удалось спасти.

Полвека спустя рассматривалась версия о том, что писатель был убит, так как, возможно, дымоход его квартиры намеренно заблокировал злоумышленник. Такое предположение высказал журналист Жан Бореля в статье «Убит ли Золя?» (1953). Журналист опирался на слова фармацевта Пьера Акина, которому трубочист Анри Буронфоссе признался в том, что специально закрыл дымоход.

Причиной убийства могла послужить общественно-политическая деятельность Золя. В 1898 году он принимает участие в процессе по обвинению в шпионаже французского офицера-еврея, капитана Альфреда Дрейфуса. В либеральной газете «Аврора» Золя публикует открытое письмо «Я обвиняю» к Президенту республики в защиту офицера. Писатель не сомневается: «дело Дрейфуса» сфабриковано, и капитан невиновен. В итоге, к такому же решению приходит и суд. Часть населения Франции, среди которой были сильны антисемитские настроения, с ненавистью упрекает Золя в том, что он защищает еврея и шпиона. Писателю угрожали, однако, доказательств того, что его убили, получить не удалось. Были у Золя и тревожные предчувствия: незадолго до трагедии он рассказывает супруге, что видел во сне, как они вдвоем горели в топке [См. об этом: 1].

А.И. Пузиков в монографии «Золя» (Серия ЖЗЛ, 1969) отмечает, что будущему писателю в детстве угрожала серьезная опасность: «Двухлетним ребенком он перенес тяжелое мозговое заболевание. Что это было? В то время разные болезни нередко обозначались одним словом: человек с больным сердцем умирал “от удара”; неразделенная любовь, семейные огорчения и прочее и прочее вызывали “чахотку”; нынешние менингиты, энцефалиты именовались “воспалением мозга»» [2, с. 9-10]. Однако маленький Эмиль поправился, благодаря жизненным силам.

Возможно, эта история, память о которой сохранилась в семье Золя, подтолкнула писателя обратиться к медицинской тематике в психологическом романе «Страница любви» (1878). В этом произведении, как и во многих других романах Золя, объективно описываются все слои французского общества и человеческие характеры.

«Страница любви» – одного из двадцати произведений цикла «Ругон-Маккары», повествующего о жизни французской семьи в эпоху Второй империи. Так называется период бонапартистской диктатуры в истории Франции 1852-1870 годов, когда в стране была установлена конституционная монархия во главе с императором Наполеоном III. Одну из основных целей создания своего цикла автор обозначил так: «Воплотить в типах современное общество подлецов и героев» [3, с. 76].

В «Странице любви» рассказывается о чувствах молодой женщины Элен Гранжан и доктора Анри Деберля. Приехав с семьей в Париж из провинции, Элен пережила тяжелую утрату. Умер ее муж, после чего она с маленькой дочерью Жанной осталась одна в чужом городе среди незнакомых людей, словно в пустыне.

Однажды с Жанной случился страшный приступ, во время которого она покрылась мертвенной бледностью и дико озиралась по сторонам. Ребенка сводят настолько сильные судороги, что мать не узнает дочь: «Черты лица ее ангелочка, обычно такие кроткие, были искажены; глаза закатились, обнажив синеватые белки» [4, с. 10]. На помощь приходит доктор Деберль, их сосед. Заботливый врач умело массирует шею девочки, дает лекарство и не отходит от постели больной, пока ее дыхание не становится ровным.

После этого случая молодая вдова знакомится с женой доктора Жюльеттой и их многочисленными друзьями, морально-этические взгляды которых оказываются Элен чуждыми: «Г-н Летелье

рассказывал, как он ездил в Лион последить за выполнением одного заказа – партии шелка, – и там увидел, что воды Соны не смешиваются с водами Роны, – это чрезвычайно его поразило. Г-н де Гиро, важный чиновник судебного ведомства, ронял наставительные фразы о необходимости поставить предел падению нравственности в Париже. <...> г-жа Тиссо объявила, что Бальзака невозможно читать; Малиньон не опровергал этого утверждения, ограничившись замечанием, что у Бальзака изредка попадаетея хорошо написанная страница» [4, с. 176]. Как видим, этому праздному обществу свойственно не только ведение пустых разговоров, в том числе о скабрзных происшествиях, но и высокомерное отношение к таким талантливым художникам слова, как Оноре де Бальзак.

Элен же и Анри постепенно сближаются, ухаживая спустя время за больной тетушкой Фетю, бедно живущей в убогой каморке вдали от высшего света: «Часто они (Элен и Анри – П.Ч.) понимали друг друга без слов – сердцем, внезапно переполнявшимся одинаковым чувством сострадания. И для Элен не было ничего сладостнее этой симпатии, которая возникла вне обычных людских отношений и которой она поддавалась без сопротивления, размягченная состраданием» [4, с. 31-32]. Милосердное отношение к ближнему – одно из основных качеств Элен, характеризующее ее, как доброго, отзывчивого человека.

Золя снова противопоставляет ей супругу доктора, которая в своих увлечениях следовала моде и общественному мнению. Жюльетте было важно только, как она выглядит в глазах окружающих, например, при посещении храма: «Религия нравилась ей, как эмоция хорошего тона. Жертвовать церквям цветы, общаться со священниками, людьми учтивыми, скромными и хорошо пахнущими, посещать в нарядном туалете церковь, как бы оказывая светское покровительство богу бедняков, – все это доставляло ей ничем не заменимое удовольствие, тем более что муж ее не был богомольным, и благочестие ее носило поэтому оттенок запретного плода» [4, с. 115]. Госпожа Деберль не способна глубоко осмыслить слова священника, с которыми он обращается к прихожанам: «Бог предал себя вам, ваше сердце исполнено его присутствием, ваша душа – вместилище его благодати» [4, с. 115]. В душе Жюльетта равнодушна к сказанному, поэтому вскоре она охладела к церкви, заинтересовавшись благотворительными базарами, на которых ей нравилось председательствовать.

Золя осуществляет свой давний замысел: создает в романе образ Парижа, города, ставшего одним из действующих лиц произведения, внимательно следящим за судьбами других героев. И, когда Элен понимает, что полюбила доктора, ей становится близок бывший недавно чужим, переменчивый Париж: «Он был бездонно глубок и изменчив, как океан, детски ясен в часы утра и охвачен пожаром в час заката, проникаясь и радостью и печалью отраженного в нем неба. Солнце прорезало его широкими золотистыми бороздами, туча омрачала его и вздымала в нем бурю. Он был вечно нов: то недвижимое оранжевое затишье, то вихрь, мгновенно затягивавший свинцом все небо; ясные, светлые часы, когда на гребне каждой крыши играет легкий отблеск, – и ливни, затопляющие небо и землю, стирающие горизонт в исступлении бушующего хаоса. Здесь, у окна, Элен переживала всю грусть, все надежды, рождающиеся в открытом море. Ей даже чудилось, что она ощущает на своем лице его мощное дыхание, его терпкий запах, и неумолчный рокот города порождал в ней иллюзию прилива, бьющего о скалы крутого берега» [4, с. 47-48]. Наслаждаясь удивительным пейзажем за окном, женщина убеждается, что снова любит и мечтает.

Лирический роман Золя полон глубокого психологического смысла. Так А.И. Пузиков отмечает, что автор «тонко изобразил мельчайшие движения человеческой души. Но особенно удались ему картины Парижа. Роман состоит из пяти частей, и каждая из них завершается описанием одного и того же, но постоянно меняющегося пейзажа. Эти мастерски выполненные картины служат как бы фоном к душевным переживаниям его героев» [2, с. 125]. Чувство Элен оказывается взаимным. Анри признается ей в любви, но о его внутренних переживаниях автор пишет мало. Мы больше узнаем о нем, как о враче, всегда ответственно выполняющем профессиональный долг.

Жанна опять в тяжелом состоянии. У нее сильный жар, девочка бредит и стонет. Несмотря на свой опыт, доктор затрудняется вынести диагноз, подозревая то тиф, то сердечное заболевание, то чахотку. Преодолевая отчаяние, Анри и Элен спасают девочку, во многом благодаря хладнокровию и решительности врача: «Решался вопрос о жизни и смерти. То были страшные, потрясающие всю душу минуты» [4, с. 133].

Благоразумная Элен не отвечает согласием на любовное признание Анри: «Сладостные часы, в течение которых они, не говоря ни слова о своем чувстве, непрерывно беседовали о нем – жестом, интонацией, даже молчанием, – все возвращало их к этой любви, все питало в них страсть. Они уносили ее в себе, с собой, словно единственный воздух, которым могли жить» [4, с. 118]. Случайно узнав о предстоящем любовном свидании госпожи Деберль с напыщенным и легкомысленным Ма-

линьоном, Элен, несмотря на свое чувство к доктору, пытается остановить Жюльетту от рокового шага, спасая тем самым ее брак.

Госпожа Деберль и Малиньон не чувствуют искреннего чувства друг к другу, их роман для обоих лишь игра, развлечение: «Он захватил Жюльетту в полосе скуки, под конец утомительной зимы, когда привычные удовольствия – обеды, балы, премьеры – начали удручать ее своим однообразием. Мысль о специально для нее обставленной квартирке, снятой на глухой улице, таинственность подобного свидания, чудившийся ей привкус порочности соблазнили Жюльетту» [4, с. 207]. Золя подчеркивает, что такое безнравственное, лицемерное поведение – не единичный случай. Это стало нормой общественной жизни того времени: «... в этом уважающем себя мире, среди этой буржуазии, внешне, такой почтенной, не было ни одной женщины, верной своему долгу? Элен, с ее провинциальным ригоризмом (Строгостью – П. Ч.), изумляли эти тайные, но всем известные связи, допускаемые укладом парижской жизни. <...> Супружеская измена явилась ей здесь как составная часть буржуазного быта, узаконенная лицемерием, с оттенком кокетливо-острой утонченности» [4, с. 175].

Элен хочет уговорить Жюльетту не разрушать свою семейную жизнь, но дружба, привязанность к людям были такими же преходящими, как и другие увлечения госпожи Деберль, поэтому она встречает Элен с равнодушием, не желая даже выслушать: «... она обожала, лелеяла, ласкала человека в течение трех месяцев, жила, казалось, только для него, и вдруг в одно прекрасное утро, неизвестно почему, она встречала его, словно незнакомого. По-видимому, в этом, как и во всем другом, она подчинялась моде, потребности любить тех людей, которых любили вокруг нее» [4, с. 195].

Между тем у Жанны пробуждается ревность к доктору, она не хочет делить свою мать с Анри. Девочка замыкается в себе. Аббат Жув, друг Элен, советует женщине выйти замуж за своего брата, добродушного господина Рамбо, человека, который ее любит, привязан к Жанне и может стать для ребенка хорошим отцом. Дочитав роман до конца, читатель увидит, что история молодой женщины и ее дочери полна драматизма: Золя показывает конфликт искренних чувств Элен с окружающей действительностью, где встречается и невежество, и равнодушие, и предательство. Даже Париж, ставший в какой-то момент близким и понятным Элен, оказывается в итоге лишь безучастным наблюдателем за ее несчастной судьбой: «... он был все тот же – не знающий сострадания, безмолвный свидетель смеха и слез, потоки которых, казалось, уносила Сена. Раньше Элен чудились в нем то свирепость чудовища, то доброта колосса. Теперь она чувствовала, что он навеки останется неведомым ей, безбрежный и равнодушный. Он ширился. Он был – жизнь» [4, с. 280].

Друзья Золя запомнили писателя, как человека, честного в своих поступках. Они дорожили дружбой с ним. На Монмартрском кладбище в Париже можно увидеть бюст Золя, созданный скульптором Филиппом Солари. Эмиль и Филипп подружились в детстве, в частном пансионе «Нотр-Дам», расположенном в окрестностях Экса, города, в котором жиласемья будущего литератора. В речи, произнесенной на похоронах Золя, писатель Анатолий Франс подчеркнул: «Сквозь чисто внешний пессимизм, сквозь мрачный колорит, лежащий на некоторых его страницах, отчетливо проступают глубокий оптимизм и упрямая вера в победу разума и справедливости» [5, с. 60]. В этом может убедиться каждый, кто обратится к творчеству Золя, человека высокой нравственности и признанного мастера натуралистического романа.

А.П. Чехов тоже следил за «делом Дрейфуса» и верил в честность капитана Альфреда Дрейфуса. Он высоко ценил выступление Золя в пользу невинно осужденного, называл французского писателя «благородной душой» и сожалел, узнав о его внезапной смерти. «Дело Дрейфуса» сыграло важную роль в жизни Чехова: он навсегда разорвал отношения с газетой А.С. Суворина «Новое время», в которой выливалась грязь на Золя и его сторонников. Так, в издании сообщалось, что защитники капитана Дрейфуса подкуплены еврейским синдикатом. Чехов называл такое поведение своего бывшего издателя Суворина отвратительным. 6 февраля 1898 года Чехов пишет ему из Ниццы: «В этом своем процессе он (Золя. – П. Ч.), как в скипидаре, очистился от наносных сальных пятен и теперь засиял перед французами в своем настоящем блеске. Это чистота и нравственная высота, каких не подозревали» [Цит. по: 3, с. 77].

Библиографический список

1. Чуйков П.Л. С верой в справедливость. 120 лет со дня трагической гибели Эмиля Золя // Медицинская газета. № 25 от 29 июня 2022. С. 15.
2. Пузииков А.И. Золя. М.: Молодая гвардия, 1969. 271 с. (Серия ЖЗЛ).

3. Луков В.А. Эмиль Золя // Зарубежная литература XX века. 1871-1917. Хрестоматия. Под ред. Н.П. Михальской и Б.И. Пуришева. Т. 1. М.: Просвещение, 1981. С. 76-77.
4. Золя Э. Страница любви // Страница любви. Доктор Паскаль. М.: Правда, 1983. Перевод М. Столярова. С. 5-280.
5. Франс А. Речь, произнесенная на похоронах Эмиля Золя на кладбище Монмартр // Зарубежная литература XX века. 1871-1917. Хрестоматия. Под ред. Н.П. Михальской и Б.И. Пуришева. Т. 1. М.: Просвещение, 1981. Перевод Н. Любимова. С. 60-61.

References

1. Chuykov P.L. With faith in justice. 120 years since the tragic death of Emile Zola // Medical newspaper. №25 dated June 29, 2022. P. 15.
2. Puzikov A.I. Zola. M., 1969. 271 p.
3. Lukov V.A. Emil Zola // Foreign literature of the XX century. 1871-1917. A textbook. Edited by N.P. Mikhalskaya and B.I. Purishev. Vol. 1. M., 1981. Pp. 76-77.
4. Zola E. The page of love // The page of love. Dr. Pascal. M., 1983. Translated by M. Stolyarova. Pp. 5-280.
5. France A. The speech delivered at the funeral of Emile Zola at the cemetery of Montmartre // Foreign literature of the XX century. 1871-1917. A textbook. Edited by N.P. Mikhalskaya and B.I. Purishev. Vol. 1. M., 1981. Translated by N. Lyubimov. Pp. 60-61.

УДК 555

DOI 10.36622/2587-9510.2024.38.99.004

Воронежский государственный технический университет
доктор исторических наук, профессор кафедры философии, социологии и истории Волкова Е.А.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(952)5479124
e-mail: volkne@bk.ru

Voronezh State Technical University
Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Philosophy, Sociology and History
Volkova E.A.
Russia, Voronezh, tel. +7(952)5479124
e-mail: volkne@bk.ru

Воронежский государственный технический университет
кандидат технических наук, доцент кафедры строительной техники и инженерной механики имени профессора Н.А. Ульянова
Волков Н.М.
Россия, г. Воронеж, тел. +79042146847
e-mail: volkne@bk.ru

Voronezh State Technical University Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Construction Machinery and Engineering Mechanics named after Professor N.A. Ulyanov
Volkov N.M.
Russia, Voronezh, tel. +79042146847
e-mail: volkne@bk.ru

Воронежский государственный технический университет
кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и истории Черноусова И. Д.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(919)2389379
e-mail: i.chernousova73@mail.ru

Voronezh State Technical University Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and History Chernousova I.D.
Russia, Voronezh, tel. +7(919)2389379
e-mail: i.chernousova73@mail.ru

Е.А. Волкова, Н.М. Волков, И.Д. Черноусова

КОНСЕРВАТИВНЫЕ ВЗГЛЯДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье анализируется становление консервативных взглядов Ф.М. Достоевского. Авторы показывают, как происходила эволюция политических взглядов писателя, какие факторы влияли на их формирование, кто из видных государственных сановников оказал существенное влияние на их эволюцию. Авторы приходят к выводу, что, являясь в молодости сторонником революционных преобразований, Ф.М. Достоевский впоследствии становится приверженцем почвенничества и монархизма. Самодержавие, по мысли писателя, - это не только единоличное правление царя, а, прежде всего, правление в единении с народом. Сила самодержавия в единстве царя с верующим православным народом. Консервативные взгляды мыслителя были отражены в его поздних произведениях, в которых показана вся сущность его идей. Авторы доказывают, что мировоззрение великого русского писателя прошло серьезную эволюцию от революционных идей через гуманизм и почвенничество, одним из идеологов которого он являлся, к традиционным идеалам и ценностям консерватизма. Будучи человеком чрезвычайно эмоциональным, он глубоко проникался идеями определенного направления, пропуская через себя и через образы героев произведений концептуальные их основы. Однако Ф.М. Достоевский был глубоко религиозным человеком, что и отразилось в его тяготении к консерватизму, к идеям сильного государства и сильной власти монарха.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, реформа, исторический процесс, публицистика, отечественная история, консерватизм, монархизм, революция.

Е.А. Volkova, N.M. Volkov, I.D. Chernousova

CONSERVATIVE VIEWS IN THE WORKS OF F. M. DOSTOEVSKY

The article analyzes the formation of the conservative views of F. M. Dostoevsky. The authors show how the evolution of the writer's political views took place, what factors influenced their formation, and which of the prominent

government dignitaries had a significant influence on their evolution. The authors come to the conclusion that, being a supporter of revolutionary changes in his youth, Dostoevsky came to *pochvennichestvo* and monarchism. The article analyzes that autocracy, according to the writer, is not only the sole rule of the king, but, above all, about rule in unity with the people. The strength of autocracy lies in the unity of the tsar with the believing Orthodox people. The thinker's conservative views were reflected in his later works, which show the whole essence of his ideas. The authors prove that the worldview of the great Russian writer underwent a serious evolution from revolutionary ideas, through humanism and *pochvenism*, of which he was one of the ideologists, to the traditional ideals and values of conservatism. Being an extremely emotional person, he was deeply imbued with the ideas of a certain direction, passing through the prism of himself and his works their conceptual foundations. However, being a deeply religious man, politically his faith was reflected in the ideas of conservatism, a strong state and the strong power of the monarch.

Keywords: F. M. Dostoevsky, reform, historical process, journalism, national history, conservatism, monarchism revolution.

В течение нескольких последних лет в России наблюдается интенсивный процесс изменения ценностных ориентаций общества, аксиологические интересы которого устремляются к традиционным для российского самосознания идеям гуманизма, человеколюбия, почитания церкви и православия. В этих условиях значительно актуализируется потребность в пристальном изучении творческого и интеллектуального наследия русских философов, писателей и общественных деятелей, являвшихся представителями не только отдельных исторических эпох, но и конкретных философских направлений. Среди всей совокупности философских течений, существовавших в России прошлого, особое внимание привлекают концепции представителей консервативного направления, поскольку их научные изыскания были во многом связаны с выработкой так называемой «национальной идеи» и национального самосознания общества, рассмотрением различных путей социально-экономического развития страны.

Более того, по своим ценностным ориентациям идеологи консерватизма во многом были противопоставлены представителям революционной демократии, впоследствии унаследовавшим концепцию большевизма; для русских философов-консерваторов, трудившихся в течение всего XIX века, незыблемыми являлись понятия совести, религиозности, патриотизма, что обусловило их приверженность идеалам гуманизма и стремление к воспрепятствованию социальному прогрессу, если его результатом становится принуждение и насилие над личностью, излом коренных и традиционных устоев.

Среди выдающихся отечественных мыслителей XIX – начала XX веков особое и значительное место занимает писатель и публицист Федор Михайлович Достоевский (1821-1881). Он прожил нелегкую жизнь и был не только великим создателем бессмертных произведений, но и, в отличие от многих его современников, настоящим патриотом своей Родины.

Становление Достоевского как гражданина происходило в тесном переплетении с его общественной практикой. В молодости Достоевский преследовал оппозиционные взгляды, был причастен к революционной деятельности кружка петрашевцев, за что его сослали на каторжные работы. В процессе отбывания наказания мировоззрение будущего великого прозаика значительно изменилось: уже к 1870-м годам он активно выступает в качестве сторонника монархии и ратует за сильную государственную власть.

Укреплению мировоззренческих позиций Достоевского способствовала его редакторская работа над журналом «Гражданин», в ходе которой писатель не только глубоко погружался в изучение внутри- и внешнеполитической проблематики современного ему общества, но и знакомился с руководителями правительственного курса, тем самым обеспечивая себе почетное место среди высокопоставленных личностей, оказывающих воздействие на мнение широких масс и умы интеллигенции.

Журнал становится для Достоевского своеобразной политической трибуной, откуда он транслирует в общественность собственные политические идеи, в частности, идеи о всеславянском единстве, о великом предназначении русских в Азии и о просветительской роли России на Ближнем Востоке. Эти идеи особенно актуальны сегодня, о чем постоянно подчеркивают исследователи его творчества, видные политики и общественные деятели.

Публицистические произведения Достоевского активно читает будущий обер-прокурор Константин Петрович Победоносцев. Они познакомились в 1871 году в салоне князя Мещерского и стали сотрудничать в данном журнале. Победоносцев был эрудированным человеком, настоящим интеллигентом, входил в круг литераторов и публицистов. Он понимал, что периодическая печать имела в то время прогрессивное значение, соответственно, журнал можно использовать для распространения своих консервативных идей. Также Победоносцев осознавал, что сотрудничество с великим писателем помогало продвижению его идей, так как Достоевский занимал уникальное место в духовной и общественно-политической жизни России.

Однако, Достоевский уходит из журнала и концентрирует все внимание на популярном общественно-политическом издании «Дневник писателя». В ходе работы над журналом, между Победоносцевым и Достоевским складываются весьма дружеские отношения, основанные на взаимном уважении и общности консервативных взглядов. Показателен тот факт, что Победоносцев после смерти Федора Михайловича в 1881 году организовал похороны писателя, помог с назначением пенсии и стал опекуном его детей.

При жизни писателя будущий обер-прокурор сделал все возможное, чтобы укрепить монархические взгляды писателя. Он рекомендовал членам царской семьи читать гениальные произведения писателя и приносил для прочтения «Дневники писателя». Именно он познакомил Достоевского с членами царской семьи, беседовал с наследниками престола и их родственниками. «Достоевский охотно принимал помощь консервативного сановника – и поэтому, что во многом их взгляды были близки, и, потому, что, видимо, испытывал потребность в поддержке человека безоговорочно уверенного в своей правоте, избавленного от сомнений, которые постоянно мучили его самого. Победоносцев, в свою очередь, видимо, стремился воздействовать на Достоевского, пытаясь скорректировать те аспекты его творчества, которые звучали слишком амбивалентно, выглядели не вполне приемлемо для консервативного сановника. Так, давая оценку «Легенде о великом инквизиторе», он сожалел, что не нашел в этом произведении прямого опровержения изложенных в нем заблуждений. Одобрив Пушкинскую речь, обер-прокурор, в то же время без комментариев переслал Достоевскому статью К.Н. Леонтьева «О всемирной любви», где писатель обвинялся в излишне легком, оптимистическом и неканоническом понимании христианства. Видимо, Победоносцев надеялся, что со временем, взгляды Достоевского примут менее беспокойный характер, в большей степени согласующийся с его собственными воззрениями» [1, с. 106].

Творческое наследие Достоевского – это не только его произведения, но и огромная ценность, несущая философские воззрения, которые сочетают в себе одновременно идеализм, религию и мистику. Как рассуждал талантливый писатель, основой человеческого бытия является Бог и духовность природы. Что же касается человека, то он в этой системе лишь «противозаконное дитя» высшей духовности, которое способно, увы, не разумом, а только своим сердцем познать всю полноту божественного творения – душу, природу, любовь. Вынося свои взгляды общественности на суд, он старался это делать через философию и искусство, так как считал их высшим откровением.

В то же время проза Ф.М. Достоевского, выступавшего последователем идеалистической философии, пестрит идеями гуманизма, которые выражаются в форме сострадания по отношению ко всем «униженным и оскорбленным». Гуманистическая направленность литературного творчества Достоевского является отголоском его приверженности идеологии утопического социализма. По его мнению, большую роль также играли свободолюбивые и просветительские традиции русской классической литературы. Придя на определенном этапе своей жизни к консерватизму и мистической философии, он выступал сторонником поддержки существующего общественного строя, который в большей степени опирался на самодержавие, православие и народность. Однако следует отметить, что кажущееся на первый взгляд явное противоречие мировоззрения и творчества Достоевского является лишь закономерным результатом его глубокой симпатии к представителям мелкобуржуазных слоев, изменение (чаще ухудшение) социального положения которых толкает Достоевского на поиски новой идеологии, способной раз и навсегда разрешить жизненную трагедию «униженных и оскорбленных».

Революционер в молодости, в зрелом возрасте Достоевский выступает против великой исторической роли революции и отрицает ее статус как единственного и возможного из путей существующих условий жизни. При этом трансформация личных ценностных ориентаций писателя сопровождается либерализацией общества в ходе реформ 1860-70-х годов; не сумев в полной мере оценить правильность развития России как капиталистического государства, Достоевский находит выход своим философским воззрениям в религиозно-нравственном совершенствовании личности. Оставаясь приверженцем идеалистической модели мира, писатель настойчиво продвигает идею о необходимости нравственного совершенствования отдельного человека как единственного способа очищения нравов всего общества; для более полного погружения в проблему Достоевский начинает уделять внимание вопросам этики и эстетики, религии, отчасти социологии. Отвергая всякое материалистическое начало, поскольку оно приводит к моральному разложению социума, Достоевский уповает на силу чувства, на веру в Бога как на способ развития нравственного компонента личности.

Несмотря на строгое отрицание капиталистических и буржуазно-демократических тенденций, Достоевский, стоящий на позициях утопического социализма в ранний период своего творчества, позже,

перейдя на позиции консерватизма, не сумел сформировать концепцию, которая сочетала в себе и христианство и консерватизм.

Мировоззрение Достоевского в 1860-70-х годы характеризуется и другой не менее значимой чертой – поддержкой теории «почвенничества», условным придатком позднего славянофильства. Площадкой для продвижения данной концепции Достоевский выбирает издаваемые им совместно с братом Михаилом журналы «Время» и «Эпоха». Помимо издателей сторонниками теории почвенничества считали себя и прочие сотрудники редакции, например, Н.Н. Страхов и А.А. Григорьев.

В основе теории почвенничества лежит представление о необходимости примирения всех социальных классов, возвращения самосознания интеллигенции к идеалам православия и самодержавия, воспитания в человеке терпеливости и кротости. Сущность представленной концепции Достоевский хорошо объяснил в одной из своих заметок: «Быть на почве, быть с своим народом, значит верить, что через этот-то именно народ и спасется все человечество и окончательная идея будет внесена в мир, и царство небесное в нем». Писатель считал, что «отрыв от почвы» есть источник нигилистических, социалистических, атеистических идей, подрывающих традиционные общественные устои. Теория почвенничества, как и все философские концепции зрелого Достоевского, носила идеалистический характер, отрицала научный социализм и материализм. «Почвеннические идеи нашли свое отражение в заключительном публичном выступлении Достоевского – речи «О Пушкине»» (1880) [2]. Уже в XX веке теория почвенничества трансформировалась и в измененной версии была унаследована «веховцами».

Следует заметить, что особую актуальность в настоящий момент отражает идея того, Достоевский является основателем и проповедником современного консерватизма. Эта мысль была высказана государственной элитой Российской Федерации уже в 2009 году. По мысли политика Генри Киссинджера, российский президент несет в себе идеи и мысли Ф.М. Достоевского, которого он очень часто цитирует в своих выступлениях. И речь здесь не только о ценностной роли идей великого писателя, но и о психологии авторитарного правления, о сильной руке и сильной власти, которая так необходима русскому народу.

Достоевский создал оригинальную, свойственную русскому духу политическую концепцию, далеко выходящую за рамки традиционного славянофильства. Диаметрально противоположными по отношению к этике Достоевского оказываются идеи русских революционных демократов, продвигавших обратную концепцию, согласно которой духовно-нравственное совершенство человека есть продукт воздействия социальной среды. Великий писатель не принимал эту теорию, поскольку она, по мнению Достоевского, ущемляет свободу и значимость личности, препятствует ее нравственному перерождению и тем самым ограничивает возможность улучшения общественной среды.

Изменение внутривнутриполитического курса в начале XX века привело к переоценке роли Достоевского как общественного деятеля и философа-мыслителя. Поскольку мировоззренческие позиции писателя были резко противоположны каноничным для всего XX столетия идеям русской революционной демократии, творческое наследие Достоевского, являющееся выражением его консервативно-религиозных позиций, нередко встречало серьезную критику со стороны ярых приверженцев идеала социалистической революции. Вместе с тем нападки на философскую концепцию Достоевского, опирающуюся на веру в «божественную душу человека», не отменяло поклонения его развитому литературному таланту: так, Добролюбов, Писарев, Салтыков-Щедрин высоко оценивали Достоевского как художника-реалиста.

Несмотря на явные пробелы и недостатки отечественного государственного устройства, Ф.М. Достоевский доказывал высшее предназначение русского самодержавия – быть Третьим и Последним Римом. По мнению мыслителя, это великое, Богом данное предназначение стоит на страже исправления пути России. Даже Пётр Первый, которого писатель не слишком чествовал, создал условия для небывалого ранее мощного расширения её державных границ и влияния: «через реформу Петра произошло расширение прежней же нашей идеи, русской московской идеи, получилось умножившееся и усиленное понимание её: мы сознали тем самым всемирное назначение наше» [3, т. XXIII, с. 46-47].

Консерватизм в понимании действительности привел писателя ко многим открытиям, которые позволяют нам, особенно сегодня, говорить о Достоевском как о пророке. В наибольшей степени это выразилось в проблеме славянского единения. Мыслитель с волнением наблюдал вражду между самими славянскими народами. Эти опасения писателя оправдались, когда в Балканских войнах славянские государства воевали друг против друга. События Русско-турецкой войны 1877-1878 годов Достоевский принял крайне восторженно. Он увидел в этих событиях подлинную народную войну.

Война, точнее, ее неизбежность, как будто подтверждала тезис публициста, который был основан на его понимании всей специфики российской действительности о своеобразном единстве народа и верховной власти. Достоевский, однако, оправдывал войну как необходимое патриотическое событие,

укрепляющее дух нации и способствующее единению народа с императором. Идеализация войны как явления, убеждала Достоевского в мысли о непобедимости России и русского народа. К сожалению, писатель-гуманист, кроме вышеуказанного положительного значения войны, не захотел увидеть огромных жертв, которые народ принес на алтарь войны, какой бы справедливый и необходимый характер она ни носила и какие бы великие цели ни преследовала.

Достоевский не углублялся в характер и причины войны, слабо понимал ее сущность как специфического феномена общественно-политической жизни. Он, как и В. Гегель, рассматривал войну на основе консервативных взглядов, видя в ней определенный двигатель общественного прогресса. Для России, как считали консерваторы, войны с Западом не заканчивались, а переходили из одной фазы в другую. Причем все войны имели в себе цель – воссоздание Православного Востока, и идея такой войны несла в себе не материальную составляющую, как это было заложено в смысловой корень западной цивилизации, сколько отчасти религиозное, духовное, идеологическое и нравственное начало.

«Так, войны против стран Западной Европы воспринимались как в контексте реального военного столкновения, так и в историософском смысле. В теоретических построениях консерваторов центральное место занимала идея «Россия – Запад», которая явилась отправной точкой для развития русской философии истории. Столкновения России со странами Запада расценивались консерваторами как проявление традиционных противоречий, обусловленных исторически» [4].

Противостояние между последователями различных социальных и философских течений продолжается и сегодня; эта борьба пока не привела ни к какому положительному результату. Приверженцы буржуазного либерализма и идеализма, а также реакционеры, церковники, теологи и теософы используют творческое наследие Достоевского, выдергивая из него наиболее реакционные куски с целью продвижения своих философских систем, опирающихся на религиозно-мистические заблуждения и не способствующих развитию ценностных ориентаций общества. Однако более верным кажется проповедуемый «веховцами» предыдущего столетия подход к творчеству Достоевскому как к выражению его гуманистической идеи о необходимости проявления всеобщей любви и сострадания.

Таким образом, мировоззрение великого русского писателя прошло серьезную эволюцию от революционных идей через гуманизм и почвенничество, одним из идеологов которого он являлся, к традиционным идеалам и ценностям консерватизма. Будучи человеком чрезвычайно эмоциональным, он глубоко проникался идеями определенного направления, пропуская их через себя и свои произведения. В политическом плане его вера отразилась в идеях консерватизма, сильного государства и сильной власти монарха.

Библиографический список

1. Полунов А.Ю. Победоносцев. Русский Торквемада Москва: Молодая гвардия, 2017. 332 с.
2. Достоевская А.Г. Воспоминания. М.: Художественная литература, 1981. 518 с.
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 томах АН СССР, Институт русской литературы (Пушкин. дом). Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972-1990.
4. Мелешенко Е.В. Письма Ф.М. Достоевского в контексте исследования личности и творчества писателя: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01. Барнаул, 2004. 29 с.

Reference

1. Polunov A.Yu. Pobedonostsev. Russian Torquemada Moscow: Young Guard, 2017. 332 p.
2. Dostoevskaya A.G. Memoirs. Moscow: Fiction, 1981. 518 p.
3. Dostoevsky F.M. Complete works: in 30 volumes of the USSR Academy of Sciences, Institute of Russian Literature (Pushkin House). Leningrad: Science. Leningr. department, 1972-1990.
4. Meleshenko E.V. Letters from F.M. Dostoevsky in the context of the study of the personality and creativity of the writer: abstract of thesis. ... Candidate of Philological Sciences: 01.10.01. Barnaul, 2004. 29 p.

УДК 821.161.1; 364.273
DOI 10.36622/2587-9510.2024.10.22.005

*Томский государственный педагогический
университет
специалист по учебно-методической работе
историко-филологического факультета
Байдагулова Т.А.
Россия, г. Томск
тел. +79609756524
e-mail: bay.tatyana@yandex.ru*

*Tomsk State Pedagogical University
specialist in educational and methodological
work of the Faculty of History and Philology
Baydagulova T.A.
Russia, Tomsk
+79609756524
e-mail: bay.tatyana@yandex.ru*

Т.А. Байдагулова

**ТЕМА БЕЗОПАСНОСТИ И БЛАГОПОЛУЧИЯ ДЕТСТВА В РАССКАЗЕ
А. А. СОЛОНИЦЫНА «МАЛЕНЬКОЙ ЁЛОЧКЕ ХОЛОДНО ЗИМОЙ»
В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИИ РОЖДЕСТВЕНСКОЙ ПРОЗЫ**

(Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации (тема № QZOY-2023-0004 «Психолого-педагогическое сопровождение семьи и педагогов в сфере обеспечения безопасности и благополучия детства»))

Статья посвящена анализу современного рождественского рассказа А. А. Солоницына «Маленькой ёлочке холодно зимой» с учётом раскрытия в нём актуальной для общества темы безопасности и благополучия детства, в аспекте которой произведение изучается впервые. Прослеживается связь анализируемого произведения с зародившейся во второй половине XIX века литературной традицией, вводящей в искусство изображение страдающих детей из социальных низов и нашедшей своё отражение в творчестве В. Г. Короленко, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова и др. Продолжая эту традицию, А. А. Солоницын в своём рассказе средствами поэтики рождественской прозы раскрывает судьбу ребёнка, социального сироты, оказавшегося в тяжёлых жизненных обстоятельствах и не сумевшего найти из них выход. В работе исследуется специфика пространственной организации произведения, рассматривается связь локусов со значимой семантической оппозицией «темнота – свет». Выявляются образы взрослых, встретившихся на пути центрального героя и не сумевших изменить трагическую траекторию земной жизни ребёнка. Анализ рассказа доказывает важность осознания взрослыми того факта, что они являются субъектами судьбы детей, в силу возраста не способных защитить себя самостоятельно и нуждающихся в тех, кто уберёжёт их от опасности, станет для них «чудесным доктором». Рассматриваемые произведения вписываются в контекст современной литературы о социально неблагополучных детях. Материалы исследования могут быть использованы учителями литературы при изучении рождественской прозы для акцентировки темы безопасности и благополучия детства.

Ключевые слова: современная литература для детей, рождественский рассказ, Алексей Солоницын, безопасность детства, благополучие детства.

T.A. Baydagulova

**THE THEME OF THE SAFETY AND WELL-BEING OF CHILDHOOD IN THE STORY
OF A.A. SOLONITSYN "THE LITTLE FIR TREE IS COLD IN WINTER"
IN THE CONTEXT OF THE CHRISTMAS PROSE TRADITION**

(The article was prepared within the framework of the state task of the Ministry of Education of the Russian Federation (topic no. QZOY-2023-0004 "Psychological and pedagogical support of families and teachers in the field of ensuring the safety and well-being of childhood"))

The article is devoted to the analysis of A. A. Solonitsyn's modern Christmas story "The Little Fir Tree is Cold in Winter", taking into account the disclosure in it of the topic of safety and well-being of childhood that is relevant to society, in the aspect of which the work is studied for the first time. The author traces the connection of the analyzed work with the literary tradition that originated in the second half of the XIX century, introducing the image of suffering

children from the social bottom into art and reflected in the works of V. G. Korolenko, F. M. Dostoevsky, A. P. Chekhov, etc. Continuing this tradition, A. A. Solonitsyn in his story by means of the poetics of Christmas prose reveals the fate of a child, a social orphan who found himself in difficult life circumstances and failed to find a way out of them. The paper explores the specifics of the spatial organization of the work, considers the connection of loci with the significant semantic opposition "darkness – light". The images of adults who met on the path of the central character and failed to change the tragic trajectory of the child's earthly life are identified and characterized. The analysis of the story proves the importance of adults realizing the fact that they are subjects of the fate of children who, due to their age, are not able to protect themselves independently and need those who will protect them from danger, will become a "wonderful doctor" for them. The works in question fit into the context of modern literature about socially disadvantaged children. The research materials can be used by literature teachers when studying Christmas prose, to emphasize the topic of safety and well-being of childhood.

Keywords: modern literature for children, Christmas story, Alexey Solonitsyn, childhood safety, childhood well-being.

Развитие личности ребёнка зависит от совокупности различных факторов: физических, психологических, социальных, духовных и т. д. Дети нуждаются в особом внимании и заботе со стороны общества и государства, поскольку, в силу своего возраста, не способны самостоятельно создать благоприятные условия для своего развития. Кроме того, ребёнок не обладает достаточными знаниями и не владеет специальными механизмами для обеспечения собственной безопасности, что в определённых обстоятельствах может служить источником разного рода угроз и опасных для него ситуаций [1, с. 228]. С течением времени для российского общества не теряют актуальности различные явления, обуславливающие детское неблагополучие: беспризорность, бродяжничество детей, детские и подростковые девиации (хулиганство, воровство, курение и пр.), физическое и моральное насилие над детьми (в том числе домашнее), социальное сиротство и пр.

Эти и другие проблемы, связанные с безопасностью и благополучием детства, со второй половины XIX века начинают поднимать в своих произведениях писатели-реалисты Л. Н. Толстой, Н. Г. Гарин-Михайловский, В. Г. Короленко, Л. Н. Андреев, Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов и др. В центре внимания авторов судьбы детей разных сословий, в изображении которых можно выявить, как отметила Е. А. Полева, определённые тенденции. Так, в литературе о детях из высших сословий, – ярким примером которой является автобиографическая повесть Н. Г. Гарина-Михайловского «Детство Тёмь», – отражаются педагогические искания времени: как правило, на первый план выходят вопросы воспитания, внутрисемейных отношений. В таких произведениях доминирует критический и драматический пафос, однако переживаемые ребёнком горести не формируют безысходно-мрачной картины, характерной для литературы о детях из социальных низов – детях городской бедноты, рабочих, крестьян [2]. Как было отмечено Е. А. Полевой, одно из новаторств эпохи реализма – введение в искусство героя-ребёнка из низших сословий, «лишённого детства, оказавшегося без покровительства, любви, заботы родителей, насильственно закинутого во взрослую жизнь и беззащитного перед тиранией бездушного, равнодушного к нему социального мира» [2, с. 14]. Внутри этой зарождающейся литературной традиции претерпевает изменения и устоявшийся жанр рождественского рассказа.

Одиноким, страдающим, умирающим ребёнком всё чаще становится центральным героем рождественской прозы рубежа XIX-XX веков, поэтика которой позволяет обнажить проблемы детей-сирот или детей из социально неблагополучных семей, поскольку трагедия маленького героя разворачивается на фоне всеобщего праздника, установленного в память о рождении младенца Иисуса Христа. Контрастно атмосфере Рождественского торжества даются и образы окружающих взрослых, не разделяющих ценностей христианства и не протягивающих руку помощи нуждающемуся в поддержке ребёнку.

Особо следует отметить творчество Фёдора Михайловича Достоевского, остро переживающего детскую боль и часто отражающего её в своих художественных и публицистических произведениях. В 1876 году в январском номере «Дневника писателя» между очерками «Мальчик с ручкой» и «Колония для малолетних преступников...» Ф. М. Достоевский публикует рождественский рассказ «Мальчик у Христа на ёлке». Маленький герой, мальчик «лет шести или даже менее» [3, с. 232], просыпается в сыром подвале рядом с окоченевшим телом своей умершей мамы. В этом неудобном пристанище нет еды, к тому же восьмидесятилетняя старушонка-соседка не перестаёт ворчать на ребёнка, поэтому голодный малыш вынужден выйти на улицу. Однако и там он не находит внимания и сочувствия: блюстителю порядка поспешил отвернуться, «чтоб не заметить мальчика», безликие люди

на него «закричали и замахали», какая-то барыня «сунула ему в руку копеечку, а сама отворила... дверь на улицу», незнакомый «злой мальчик» ударил героя по голове и сорвал с него картуз [3, с. 234-235]. Трагичный финал, по мысли А. Н. Рымаревой и А. В. Себелевой, здесь неизбежен, «потому что у мальчика нет будущего в этом мире: никто не подаст ему руку помощи, никто не будет милостив» [4, с. 384]. Замёрзший на улице равнодушного города ребёнок обретает счастье только после смерти, попав в спасительные объятия Иисуса Христа.

Актуальные для Ф.М. Достоевского темы сиротства и безразличного отношения людей к страданиям детей продолжает Антон Павлович Чехов. В рассказе «Ванька» (1886) повествуется об отданном в ученики к сапожнику девятилетнем мальчике, который в канун Рождества пишет пронзительное письмо своему дедушке, где умоляет того забрать его домой: «Приезжай, милый дедушка, <...> Христом-Богом тебя молю, возьми меня отседа. Пожалей ты меня, сироту несчастную, а то меня все колотят и кушать страсть хочется, а скука такая, что и сказать нельзя, все плачу» [5, с. 36]. Вся трагичность ситуации осознаётся читателем, когда он понимает, что никто не придёт на помощь несчастному, забитому ребёнку, ведь письмо адресовано «на деревню дедушке». Рождественское чудо происходит лишь во сне, в котором дед получает письмо и возникает мимолётная иллюзия спасения [6, с. 483].

К образцам рождественской прозы А. П. Чехова и Ф. М. Достоевского типологически восходит рассказ современного писателя Алексея Алексеевича Солоницына «Маленькой ёлочке холодно зимой». В аспекте указанной темы рассказ анализируется впервые. Материалы исследования могут быть использованы учителями литературы при изучении рождественской прозы для акцентировки темы безопасности и благополучия детства.

В рассказе А. Солоницына раскрывается драматизм жизни маленького героя Коли Лепёшкина, ребёнка из неблагополучной семьи, социального сироты, лишённого детства из-за жестокого пьяницы-отца, избивающего жену и сына, и выпивающей вместе с мужем безвольной матери. Автор соблюдает каноны рождественского рассказа, поэтому смерть мальчика в финале не описывается: трагическое завершение земной жизни Коли представлено как переход в новый счастливый мир, где не будет больше холода, голода и страданий.

До того как совершилось чудесное спасение Коли Николаем Чудотворцем (с именем и образом которого связан жанрообразующий мотив чуда), мальчик какое-то время ночевал в подвале девятиэтажки, а новогоднюю – свою последнюю – ночь провёл в заброшенном сарае вместе с дворнягой Диком, единственным другом. Ужас и парадоксальность ситуации в том, что у Коли есть семья, есть дом – «своё» пространство, которое должно быть родным, но из-за разрушения, атрофированности связи ребёнка с семьёй таковым не является.

Семья, первичный институт социализации ребёнка, в данном рассказе не обеспечивает мальчику заботу и защиту, необходимые для его благополучия: «Отец, <...> когда напивался, мрачнел, язвил, злора, накопленная за день, прорывалась, и ему обязательно надо было подраться, избить кого-то из собутыльников, жену, сына. Предлог для буйства отыскивался всегда, <...> ужиться с ним смогла только Колина мать. Уйти ей было некуда, <...> к тому же и она стала выпивать вместе с ним...» [7, с. 244]. Когда родители не исполняют свои обязанности, и атмосфера в семье неблагоприятна для полноценного и гармоничного развития личности, функцию заботы о ребёнке берёт на себя государство, помещая его в детский дом. Но место государственного попечения, которое должно было стать для Коли домом, защитой от опасностей внешнего мира (что заложено уже в самой семантике словосочетания «детский дом», т. е. «дом для детей») становится источником новых испытаний: «...в детдоме так же, как в колонии – непокорных бьют стаей, издеваются, а преподаватели с этим ничего поделать не могут» [7, с. 242]. Недопустимость возвращения домой к пьющим родителям и страх попасть в детский дом определяют невозможность получения Колей образования, являющегося одним из критериев детского благополучия: «Я в школу перестал ходить. Потому что на меня облава и хотят упереть в детдом» [7, с. 242], и, что страшнее, – бездомность, бродяжничество ребёнка.

Положение беспризорного приводит к тому, что Коля вынужден находиться в обстановке, представляющей опасность для его жизни и здоровья (ночёвка в одном подвале с бомжами или в сарае на грязной подстилке в сорокаградусный мороз, всевозможные угрозы физической и психологической безопасности героя на улице), а также провоцирующей девиантное поведение хорошего и доброго по своей природе мальчика: курение сигарет, воровство еды на рынке, проникновение со взломом в подвальное помещение чужого дома. В суровом, безжалостном мире, в котором оказывается Коля, необходимым, ценным предметом становится «хорошая отмычка», ведь благодаря ей «замок с люка в подвал снялся без особых усилий» [7, с. 241]. Об опасности такого положения для бу-

душего детей писал ещё Ф. М. Достоевский в своём очерке «Мальчик с ручкой», размышляя о судьбах городских попрошаек, не по своей воле оказавшихся в тяжёлой жизненной ситуации и постепенно становящимися преступниками: «Они бродяжат по городу и знают такие места в разных подвалах, в которые можно пролезть и где можно переночевать незаметно» [3, с. 232].

Пространственная поэтика рассказа – ещё одно свидетельство опоры Солоницына на традицию реалистической литературы второй половины XIX века о детях: находящийся в городском топосе ребёнок оказывается в страшном, безысходном положении бездомного и вынужден находиться там, где ему отведено «маргинальное, тупиковое место» [2, с. 14]. Если же у маленького героя есть жилище, то это мрачное, неудобное пространство, обладающее чертами антидома (например, такое помещение мы видим в рождественском рассказе Л. Н. Андреева «Ангелочек»: «Он низкий, плохо освещен, не смотря на горящую печку и горячие полы, в нем холодно всем, кроме матери, он грязный, пахнущий чадом и водкой» [8, с. 137]). И подвал, где Коля вынужден прятаться от бомжей за трубой, «забившись в дальний угол» [7, с. 241], и «пустой сарайчик», в котором он спит вместе с собакой на «подстилке из старой телогрейки и истрёпанного одеяла» [7, с. 243], производят жуткое впечатление, которое усиливается посредством образов темноты и пустоты, в данном произведении тесно связанных с темой одиночества маленького героя. Подвал, где Коля одинок (хоть физически и не один), – помещение, куда совсем не попадает солнце, из-за чего создаётся ощущение пребывания в склепе; в сарае же, как в пространстве, где мальчик обретает друга в лице хромого пса, свет пробивается «сквозь щели между досок» [7, с. 243], мерцает тусклым пламенем огарок свечи в консервной банке. Однако этого света оказывается слишком мало, чтобы разогнать тьму. Мрак в жизни несчастного ребёнка рассеется только в финале, в спасительном сне героя, где доминируют образы с семантикой света, сияния: исцелённый пёс Дик, глаза которого «засияли»; «сверкающий серебром каток»; «огромная ёлка, усыпанная огнями и белыми светящимися шарами»; «серебряные искры»; белое «с золотистыми звёздами» платье учительницы Марины Николаевны; Николай Чудотворец, лицо которого «светится», «бородка серебрится, а от глаз исходят тонкие лучики»; белый хитон Иисуса Христа [7, с. 246-247].

Писатель подчёркивает уязвимость детской жизни: герой погибает, замерзает, став жертвой жестокости и равнодушия взрослых (родителей-алкоголиков, отца приятеля, выдающего местопребывание Коли отцу и матери), неготовности общества взять ответственность за судьбу ребёнка: две встречи со способным откликнуться на беду мальчика людьми – учительницей Коли Мариной Николаевной Крутиковой и хозяином кафе армянином Маратом – не меняют трагическую траекторию земной жизни мальчика. Природный холод служит в рассказе метафорой холода людских сердец.

Традиционный рождественский рассказ предполагает, что он должен оканчиваться «непрерывно весело» [9, с. 3]. Настоящим рождественским чудом, например, предстает встреча семьи Мерцаловых с доктором Пироговым, вылечившим больную девочку и спасшим всю семью от голодной смерти, подарив им надежду (сюжет рассказа Александра Ивановича Куприна «Чудесный доктор»). Таким образом, альтернатива трагичному финалу реализуется при наличии в произведении образа страдающего, милосердного, бескорыстного взрослого, ставящего на первое место в своей жизни служение людям. Однако в рассказе А. А. Солоницына ни Марина Николаевна, ни Марат маленького героя не спасают. Герои оказываются не способны стать «чудесным доктором» для чужого ребёнка. Любимая школьниками учительница русского языка и литературы, которая в 1990-е годы выживает, работая на рынке, так как «была уволена в прошлом году, потому что вошла в комитет, выступавший не только против сокращения преподавателей в связи с объединением школ, но и против самой реформы, проводимой и московским, и местным руководством» [7, с. 242], хозяин кафе, «небритый, с тёмными кругами под глазами, только и думающий о том, как поскорее уйти домой» [7, с. 242] – оба не осознают глубину трагедии и опасности, в которой находится Коля, не понимают тот факт, что они тоже могут быть субъектами судьбы, и это приводит к страшным последствиям.

Итак, А. А. Солоницын продолжает традицию рождественской реалистической прозы, поднимающей проблему детского неблагополучия. Образ маленького бродяги, замёрзшего в новогоднюю ночь, служит напоминанием читателям об уязвимости детей, необходимости защиты детства.

Позднее писатель переписал концовку своего рассказа: он ввёл в повествование пожилого дворника, спасшего мальчика от смерти, забравшего его и Дика в свою семью. В иной версии финала рассказа праздничное чудо происходит, конфликт решается, что, вероятно, выражает надежду автора,

что в современном обществе есть те, кто готов взять на себя ответственность за находящихся в трудной жизненной ситуации детей.

Библиографический список

1. Поляков А.Н., Унусян У.В. Проблема безопасности детства как приоритет национальной политики Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 2. С. 227-239.
2. Полева Е.А. Образы детей и тема детства в русской литературе и живописи 1860-1890 годов // Сибирская литература для детей и юношества: тенденции и контекст развития (1850-2010-е гг.): коллективная монография / Под ред. Е.А. Полевой, Е.К. Макаренко. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2019. С. 5-22.
3. Достоевский Ф.М. // Дневник писателя / Сост., комментарии А.В. Белов / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 880 с.
4. Рымарева Е.Н., Себелева А.В. К вопросу изучения рассказа Ф.М. Достоевского «Мальчик у Христа на ёлке» // Достоевский в смене эпох и поколений: материалы II Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2021. С. 380-384.
5. Чехов А.П. Ванька // Рассказы / А.П. Чехов. «АСТ», 2018. С. 35-37.
6. Есаулов И.А. О некоторых особенностях рассказа А.П. Чехова «Ванька»: [Электронный ресурс] / И.А. Есаулов // Проблемы исторической поэтики. 1998. С. 480-484. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-osobennostyah-rasskaza-a-p-chehova-vanka/viewer> (дата обращения: 25.05.2023).
7. Солоницын А.А. Маленькой ёлочке холодно зимой // Отечественная рождественская проза и поэзия XIX–XXI веков: Хрестоматия с вопросами и заданиями / Сост. Е.К. Макаренко, Е.А. Полева, Е.А. Сафонова. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2018. С. 240-248.
8. Скуридина С.А., Кузьминых Е.О., Новикова М.В. Бинарные оппозиции в рождественском рассказе Л. Андреева «Ангелочек» // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 3. С. 124-144.
9. Лесков Н.С. Святочные рассказы. М., 1886. 403 с.

References

1. Polyakov A.N., Unusyan U.V. The problem of childhood safety as a priority of the national policy of the Russian Federation // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2019. Vol. 21. No. 2. Pp. 227-239.
2. Poleva E.A. Images of children and the theme of childhood in Russian literature and painting of 1860-1890 // Siberian literature for children and youth: trends and context of development (1850-2010): collective monograph / Edited by E.A. Polevoy, E.K. Makarenko. Tomsk: Publishing House of Tomsk State Pedagogical University, 2019. Pp. 5-22.
3. Dostoevsky F.M. // Diary of a writer / Comp., comments by A.V. Belov / Ed. by O.A. Platonov. M.: Institute of Russian Civilization, 2010. 880 p.
4. Rymareva E.N., Sebeleva A.V. On the question of studying the story of F.M. Dostoevsky "The Boy at Christ on the Christmas tree" // Dostoevsky in the change of epochs and generations: materials of the II International Scientific Conference dedicated to the 200th anniversary of the birth of F.M. Dostoevsky. Omsk: Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, 2021. Pp. 380-384.
5. Chekhov A.P. Vanka // Stories / A.P. Chekhov. "AST", 2018. Pp. 35-37.
6. Yesaulov I.A. About some features of A.P. Chekhov's story "Vanka": [Electronic resource] / I.A. Yesaulov // Problems of historical poetics. 1998. Pp. 480-484. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-osobennostyah-rasskaza-a-p-chehova-vanka/viewer> (accessed: 05/25/2023).
7. Solonitsyn A.A. The little Christmas tree is cold in winter // Russian Christmas prose and poetry of the XIX–XXI centuries: A textbook with questions and tasks / Comp. E.K. Makarenko, E.A. Poleva, E.A. Safonova. Tomsk: Publishing House of Tomsk State Pedagogical University, 2018. Pp. 240-248.
8. Skuridina S.A., Kuzminykh E.O., Novikova M.V. Binary Oppositions in L. Andreev's Christmas Story "Angelochek" // The Problems of Historical Poetics. 2023. Vol. 21. No. 3. Pp. 124-144.
9. Leskov N.S. Yuletide stories. M., 1886. 403 p.

УДК 808.2

DOI 10.36622/2587-9510.2024.61.73.006

Воронежский государственный технический университет

*доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации*

Сухова К.И.

Россия, г. Воронеж, +7(4732)71-50-48,

e-mail: ksyu.kushnir.93@mail.ru,

Voronezh State Technical University

*The chair of Russian language
and cross-cultural communication*

PhD, associate professor

Suhova K.I.

Russia, Voronezh, +7(4732)71-50-48,

e-mail: ksyu.kushnir.93@mail.ru,

доцент

кафедры русского языка

и межкультурной коммуникации

Карташова Е.Н.

Россия, г. Воронеж, +7(4732)71-50-48

e-mail: elena.perceva.00@mail.ru

The chair of Russian language

and cross-cultural communication

PhD, associate professor

Kartashova E.N.

Russia, Voronezh, +7(4732)71-50-48,

e-mail: elena.perceva.00@mail.ru

К.И. Сухова, Е.Н. Карташова

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В ТВОРЧЕСТВЕ В.А. СОЛОУХИНА

В статье рассматриваются способы репрезентации женских образов, представленных в творчестве В.А. Солоухина, выделяются лексические единицы, раскрывающие особенности героинь: их внешний облик, одежда и её цветовая характеристика (одной из основных функций цвета в портретном описании является отражение позитивной/негативной семантики образа), возраст (автор часто акцентирует внимание на возрасте с целью передать все тяготы и лишения военного времени), взгляд (глаза и взгляд обладают символическим значением, отражая психологическое состояние женщин). Для исследования выбраны женские образы, представленные в цикле лирических миниатюр В.А. Солоухина «Камешки на ладони». В работах, посвященных изучению языка произведений писателя, образ женщины не подвергался детальному лингвистическому анализу. В статье проводится исследование образа русской женщины в миниатюрах В.А. Солоухина, а также, выявляется специфика создания портрета героинь посредством анализа семантики репрезентантов; исследуются особенности функционирования лексем, актуализирующих образ русской женщины и участвующих в раскрытии идейно-художественного замысла писателя. В ходе анализа выявлены основные репрезентанты, характеризующие возраст, внешность (черты лица, губы, нос, кожа, глаза, взгляд), одежду, обувь героинь. Описание «неженской» одежды подчеркивает роль женщины-«добытчицы», выполняющей мужскую работу. Большое внимание в статье уделяется колоративам – лаконичным, но емким средствам репрезентации женских образов: синий, черный, серый, полупрозрачный, блеклый – данные цвета подчеркивают тяжелое положение женщин в послевоенное время.

Ключевые слова: женские образы, портрет, лексема, языковая характеристика, возраст, В.А. Солоухин.

K.I. Suhova, E.N. Kartashova

LANGUAGE REPRESENTATION OF FEMALE IMAGES IN CREATIVITY V.A. SOLOUKHINA

The article examines the ways of representing female images presented in the works of V.A. Soloukhin, lexical units are identified that reveal the characteristics of the heroines: their appearance, clothing and its color characteristics (one of the main functions of color in a portrait description is to reflect the positive/negative semantics of the image), age (the author often focuses on age in order to convey all the hardships and deprivations of wartime), gaze (eyes and gaze have a symbolic meaning, reflecting the psychological state of women). The female images presented in the cycle

of lyrical miniatures by V.A. were selected for the study. Soloukhin «Pebbles in the palm of your hand». In studies devoted to the study of the language of the writer's works, the image of a woman was not subjected to linguistic analysis. The article conducts a study of the image of a Russian woman in miniatures by V.A. Soloukhin, and also reveals the specifics of creating a portrait of heroines by analyzing the semantics of the representatives of their description; the features of the functioning of lexemes that actualize the image of a Russian woman and participate in the disclosure of the writer's ideological and artistic intention are explored. The analysis identified the main representatives characterizing the age, appearance (facial features, lips, nose, skin, eyes, gaze), clothes, shoes of the heroines. The description of "non-female" clothing emphasizes the role of a woman as a breadwinner who does men's work. Much attention is paid in the article to coloronyms, as laconic but capacious means of representing female images: blue, black, gray, translucent, faded - these colors emphasize the plight of women in the post-war period.

Key words: female images, portrait, lexeme, linguistic characteristics, age, V.A. Soloukhin.

В.А. Солоухин – один из писателей XX века, прозаические произведения которого полностью отражают русский национальный характер [1]. Многие произведения, такие как «Смех за левым плечом», «Владимирские проселки», «Капля росы», «Мать-мачеха», «Дом и сад», «Черные доски», «Терновник» и проч., включают образы, в которых раскрываются национальные черты. Здесь следует отметить, что национальный характер не исчерпывается проявлением определенных качеств отдельного человека, в связи с чем нельзя говорить об исследовании единственного конкретного образа [2]. Важно изучить разных героев произведения, наделяемых совокупностью анализируемых черт.

Для исследования выбрана галерея женских образов, представленных в цикле лирических миниатюр В.А. Солоухина «Камешки на ладони». Такой выбор далеко не случаен, поскольку женщина имеет особое значение в русском самосознании: «Она (русская женщина) излучает из себя внутреннюю гармонию, в которой в женской форме находят свое выражение и вечно-женственное, и вечно-мужественное, достигая в ней желанного равновесия... Русский национальный характер сам по себе имеет женственную доминанту» [3; с. 492]. Так, большое внимание постижению образа женщины и ее характера уделяли писатели, филологи, философы, культурологи, историки.

В данной работе предпринята попытка изучения образа русской женщины в прозе В.А. Солоухина, а именно, выявление специфики портретирования героинь, осуществляемой на основе исследования особенностей функционирования лексем, актуализирующих женский русский национальный характер.

Обратимся к анализу портретов женщин лирических миниатюр В.А. Солоухина, в основе которого исследование системы элементов портретного описания, разработанной К.Л. Сизовой [4]. Не все элементы названной системы будут рассматриваться, что обусловлено их отсутствием в ткани исследуемого языкового материала. Подробно остановимся на элементах, к которым относятся: характеристика возраста, характеристика одежды героинь, характеристика формы, черт лица; характеристика выражения взгляда, цветовая характеристика.

Репрезентанты возраста героинь. Персонажи женского пола В.А. Солоухина условно разделены на 4 возрастные группы: маленькие девочки, девушки, женщины и героини пожилого возраста. Каждая из названных групп включает свои вебраллизаторы, характерные для определенного возраста. Так, например, при характеристике маленьких девочек автор отмечает отсутствие гендерной дифференциации – он употребляет лексику *ребятишки*: «...побывали в горнице и трое *ребятишек* Татьяны Сергеевны» [5; с. 91] с целью показать сплоченность детей внутри одной семьи, кроме того, большим значением здесь обладает суффикс субъективной оценки, отражающий доброжелательное отношение автора к детям. Однако, следуя за авторской мыслью, мы обнаруживаем после этого краткую характеристику каждого из детей. У В.А. Солоухина дети общительные и задорные, так, Сережа «приучен здороваться с посторонними людьми» [5; с. 91], Маша пришла в горницу «вся перепачканная в киселе из смородины» [5; с. 92], Вовочка сразу же залез к матери на колени и «стал показывать на еду» [5; с. 92] – кроме выражения авторской положительной оценки, названный суффикс актуализирует семантику детского озорства, чрезмерной подвижности, неаккуратности. Что касается возрастной характеристики, при описании детей автор лишь однажды дает точное указание, говоря о «четырёхлетней» Маше. На наш взгляд, это связано с его стремлением не ограничивать друг от друга мальчиков и девочек в возрасте до отрочества, поскольку в прозаических произведениях исследуемого автора важен сам факт их присутствия в жизни семьи и пространстве родного дома.

Следующий возрастной промежуток у В.А. Солоухина – отрочество, где лексемы *девочка*, *девчонка* употребляется не при характеристике ребенка, а при описании мыслей семнадцатилетнего мальчика-студента из текста «Каравай заварного хлеба», кроме данных слов отсылкой к возрасту женского персонажа служит лексема *однокурница*: «...кажется, что обязательно видит, как ты идешь, твоя *однокурница*

ца... девочка Оксана» [5; с. 15], «...глаза самой красивой *девчонки со всего курса...* смотрят на меня...» [5; с. 19]. К этому же периоду относится лексема *девушка*, к употреблению которой прибегает автор при создании образа молодой женщины, уставшей от работы, которую достаточно легко обмануть: «черноглазая и как бы полупрозрачная *девушка*» [5; с.37], «черноглазая, бледная, худая *девушка* торопливо смахнула...» [5; с. 37]. Так, в прозаических произведениях с помощью названных лексем строится образ молодой женщины лет 17-24, внешне привлекательной для противоположного пола, хоть и очень худой, бледной, иногда «легкомысленной», временами «озабоченной» проблемами, но всегда трудолюбивой.

Более широко представлен ряд лексем, репрезентирующих женщин. В эту большую группу условно включены женские образы от 25 до 65 лет, примечательно, что при описании этих героинь, автор часто акцентирует внимание на их возрасте с целью, как мы считаем, передать все тяготы и лишения, испытанные ими во время войны и по ее окончании (для анализа были взяты тексты, написанные в шестидесятые годы, многие из которых посвящены описанию военного времени). К ним относятся:

– непосредственно лексема *женщина*: «одинокая *женщина*» [5; с. 23], «было слышно, что *женщина* за дверью с трудом выталкивает деревянный засов из петель» [5; с. 23], «Женщина (ей на вид было лет пятьдесят-пятьдесят пять – значит, надо считать, что около сорока) достала с печи валенки...» [5; с. 23], «кругом *женщины*» [5; с. 75];

– *баба/бабенка*: «Пять-шесть мужиков, а то все больше *бабенки*» [5; с. 69], «*Бабы* завопили, причитая» [10; с. 74], «*Бабы* таскали ведрами воду» [5; с. 75];

– использование наименований по родству:

тетя: «Я ел, а *тетя* Маша (так звали *женщину*) смотрела на меня...» [5; с. 23], «...горе одинокой и доброй *тети* Маши» [5; с. 29], «Открыла бы мне *тетя* Пелагея или *тетя* Анна, или *тетя* Груша...» [5; с. 26], «старая *сторожиха тетя Поля*» [5; с. 67], «Как *тетя Поля* ударила в набат» [5; с. 73];

мать/мама: «вложила *мать* в каравай» [5; с. 29], «*мать* пожалела меня» [10; с. 54], «Мама помирает» [10; с. 90];

дочь: «Две *дочери* на чужой стороне замужем» [5; с. 91];

– использование антропонимов:

модель имя+отчество: «Бригадиром была *женщина лет сорока, по имени Татьяна Сергеевна*» [5; с. 90], «...наша *Татьяна Сергеевна*, видная, *сорокалетняя...*» [5; с. 92], «...а она все живет, отсоборованная, совсем было уж преставившаяся *русская женщина Варвара Ивановна*» [5; с. 94];

– использование *феминтивов*: «старая *сторожиха тетя Поля*» [5; с. 67], «*Подавальщица* – черноглазая ... *девушка*» [5; с. 37], «блеклая, усталая *раздатчица*» [5; с. 37];

– использования *сокращенного имени* в исследуемых текстах выявлено не было.

Отметим, что все эти образы объединяет похожая трагическая судьба – это одинокие женщины, чьих мужчин и сыновей забрала война. Широкая представленность лексем данной группы вполне закономерна. Часто по контексту мы понимаем, что лексемы *женщина*, *тетя*, *баба*, а также использование наименований по имени и отчеству обладают семантикой материнства – все эти героини в первую очередь матери – не только детей, которых, к слову, они не разделяют на своих и чужих, но и всей Родины. Здесь автором мастерски передана роль женщины, стремящейся возродить разрушенный войной домашний очаг, дать тепло и уют всем, кто в них нуждается. Исключение составляют только женщины – дочери, вышедшие замуж и уехавшие с семьей за границу, они уже не принадлежат своей Родине, не разделяют тяжелую долю русских женщин, подтверждением чего служит лексема *чужой* при их описании.

Группа героинь пожилого возраста репрезентирована лексемами: *пожилая*: «*пожилая, усталая женщина*» [5; с. 40]; *старая/старенькая/старушка*: «*Старенькая сторожиха тетя Поля*» [5; с. 67], «Богомольные *старушки* причитали» [5; с. 64], «и увидел на кровати *старуху*» [5; с. 90], «*Старуха, почти покойница*» [5; с. 92]; *бабка*: «...и трое сироток возле мертвой *бабки*» [5; с. 94]. Все названные лексемы передают авторское отношение к героиням: уважительное, доброжелательное при описании женщин, измученных военным временем и его последствиями – в случае употребления слов, включающих в свой состав суффиксы субъективной оценки; пренебрежительное, негативное при описании женщин, приближающихся к кончине и оставляющих внуков сиротами. Однако следует отметить, что во втором случае автор не категоричен в своей оценке и в связи с чудесным выздоровлением пожилой женщины, проявившей силу духа (несколькими часами ранее погибла ее сноха, поэтому внуки рисковали остаться сиротами), В.А. Солоухин полностью меняет свое отношение к героине на восхищенное – уважительное, что сразу отражается на лексическом уровне произведения: *старуха, бабка* превращается в *Варвару Ивановну*.

Репрезентанты одежды героинь. Отметим, что в исследуемом материале был обнаружен единственный пример описания одежды героини: «Татьяна Сергеевна в стеганке, в мужских кожаных сапогах» [5; с.92], что, на наш взгляд свидетельствует о недостаточном авторском интересе к элементам женского гардероба. Однако данный контекст интересен уходом от классического изображения одежды женщины: В.А. Солоухин намеренно награждает Татьяну Сергеевну неженской одеждой, подчеркивая таким образом мужскую должность, которую она занимает, соответственно, мужскую работу, выполняемую ею в колхозе, и роль «добытчицы» в семье. Доказательством этого служат принадлежащие ей же слова о трудностях работы и нехватке времени дома: «Да когда мне, колхозному бригадиру, за чистотой в доме следить. От зари до зари на ногах да на нервах» [5; с. 91]. Так, ее женская роль хранительницы домашнего очага нивелируется в соответствии с требованиями послевоенного времени, когда весь народ, сплотившись, стремился восстановить каждый колхоз в частности и страну – в целом, не было четкого разграничения мужской и женской деятельности – женщины должны были становиться и становились *сильными, выносливыми*, так как осознавали, что помощи ждать неоткуда, весь груз ответственности за Родину ложился на их уже далеко не хрупкие плечи. Ведением дома и воспитанием детей в это время занимались женщины, не способные к мужскому труду в силу своего возраста или болезней: тещи, свекрови, бабушки, одежду которых автор не описывает вообще, что, на наш взгляд, связано с недостатком средств и стремлением отдать все лучшее детям и облагородить свое жилище. Причем, делали они это достаточно качественно и вполне успешно, дома у них *справные, прибранные, теплые*, половицы *выскобленные*, печка *недавно побеленная*, дети *незапущенные*, видно, что «*в хороших женских руках*» [5; с. 92] – в этом традиционно и проявляется женское начало, которое в рассказах военного времени В.А. Солоухина свойственно в основном женщинам старшего поколения, что обусловлено исторически.

Здесь же следует отметить, что сила солоухинских героинь не только физическая, но и духовная: особо красноречивым примером здесь выступает миниатюра, в которой женщина восьмидесяти пяти лет, умирающая, уже *отсоборованная*, «старуха, почти покойница» [5; с. 92] при известии о смерти матери своих внуков встает и продолжает вести хозяйство и ухаживать за внуками – «некогда ей помирать... откуда берутся *силы*» [5; с. 94].

Репрезентанты формы и черт лица. Подробное портретное описание мы встречаем лишь в миниатюре «Варвара Ивановна», где приводятся характеристики лиц героинь, противопоставленных в силу возраста, восприятия окружающей действительности и жизненной энергии. Это умирающая «бабка», чье лицо и его элементы вербализуются в основном с помощью глаголов и адъективов: «Да она *с лица* и была уже *готовая покойница: кожа желтая, щеки ввалились, губы натянуло до синевы, нос востренький, надбровные дуги выступили и прояснились*» [5; с. 90], с помощью которых репрезентируются действия, совершенные с женщиной временем и приближающейся кончиной. Автор намеренно использует здесь именно глаголы, стремясь отразить в динамике ухудшение физического состояния, которое испытывает человек под действием недуга. В противовес ей выступает маленькая девочка, пышущая здоровьем «четырёхлетняя Маша... *круглолицая, розовощекая крепышка...*» [5; с.92], в качестве вербализаторов выступают сложные адъективы и субстантив, обладающие общим компонентом значения – «здоровый, крепкий» [6; с. 284, 287].

Репрезентанты взгляда, действий глаз. Признано, что глаза и взгляд в изображении героя обладают особым, часто символическим, значением. Прибегая к помощи этих портретных деталей в исследуемом материале, автор отражает состояние женщин как психологическое: «... *с безнадежно усталыми, военного времени глазами*» [5; с. 41], так и физическое: «... *с раздатчицы, пожилой, усталой женщины (не то, чтобы усталой, но с какой-то устойчивой усталостью в глазах)*» [5; с. 37], которые часто репрезентируются одной лексемой – *усталый* – «ослабевший от какой-нибудь продолжительной деятельности, испытывающий слабость, утомление» [6; с. 879]. Кроме того, достаточно часто с помощью действий, совершаемых глазами, и выражения взглядов дается оценочная характеристика того человека, который смотрит: «... и раздатчица стала *искать глазами нас, и нашла, и долго смотрела на нас...*» [5; с. 40], и того, на которого направлен взгляд: «Мы сидели как прикованные *под испытующим и принимающим решение взглядом...*» [5; с.40] – так выражается авторская интенция. В произведениях В.А. Солоухина все детали портретных характеристик героинь среднего возраста отражают тяжелую жизнь рабочих военного и послевоенного времени, исключение не составляют описание глаз и взгляда.

Репрезентанты цветовой характеристики. Одной из основных функций цвета при портретном описании является отражение позитивной/негативной семантики, связанной с персонажем, индивидуального авторского стиля. Портрет персонажа, при описании которого используется колоративная лексика, представлен в динамике, направлен на уточнение читательского восприятия характеризуемой женщины [7, с. 126]. При описании глаз В.А. Солоухин обычно использует лексемы *синий*: «самая красивая со всего

нашего курса *синеглазая* девчонка» [5, с. 27] – здесь автор не отходит от народной традиции: в его картине мира данный колороним обладает семантикой чистоты, «цвета неба», в христианской культуре небо – это место пребывания Бога, здесь же находятся ангелы и праведники [8, с. 178]; *черный*: «с этой *черноглазой* и как бы *полупрозрачной* девушки» [5; с. 37] – колороним *черный* в данном контексте обладает семантикой «мрачный, тяжелый, безотрадный, связанный с невзгодами», чему подтверждением служит лексическое окружение – соседствующее положение с лексемой *полупрозрачный* – и контекст произведения. Лексемы *полупрозрачный*, *блеклый* отражают безжизненность, усталость, душевный упадок сил: «*блеклая, усталая* раздатчица» [5; с. 37], однако акцентируем: автор отнюдь не категоричен в оценке своих героинь, как может показаться на первый взгляд – он оставляет им шанс выдержать все трудности и невзгоды, именно поэтому девушка награждена лексемой *полупрозрачная*.

В.А. Солоухин при описании лица умирающей пожилой женщины использует колоронимы *серый* – «болезненно-белый», *пепельный* – «светло-серый»: «И этот, знаете, *серый, пепельный* налет на лице» [5; с. 90] с целью показать ее психологическое и физическое состояние, граничащее со смертью.

Таким образом, при описании женских портретов В.А. Солоухин использует различные колоронимы (синий, черный, серый, полупрозрачный, блеклый), отражая собственное отношение и описывая трудности, обусловленные временем, выпавшие на женскую долю.

Итак, при анализе образов женщин лирических миниатюр В.А. Солоухина были выявлены основные репрезентанты, характеризующие возраст: *девочка/девчонка, ребятишки, девушка, однокурсница, женщина, тетя, мать/мама, дочь, баба/бабенка, наименования по имени и отчеству, старая/старуха/старушка, бабка*; одежду героинь: *стеганка, мужские сапоги*; черты лица и его частей: *кожа желтая, щеки ввалились, губы потянуло до синевы, нос востренький, надбровные дуги выступили и прояснились, круглолицый, розовощекий*; выражение взгляда: *испытующий, принимающий решение*, глаз: *безнадёжно усталые, военного времени*, движения глаз: *искать, найти, долго смотреть*; дающие цветовую характеристику: *синий, черный, серый, блеклый, полупрозрачный*.

Как видим, В.А. Солоухин ставит в центр своего повествования одиноких женщин с несложившейся личной жизнью, у которых нивелируется традиционная роль хранительницы домашнего очага (обустройством уюта и воспитанием детей занимаются пожилые женщины), в приоритете роль женщины-труженицы, стремящейся прокормить семью, восстановить разрушенный колхоз, вернуть Родине первоначальный вид, что обусловлено историческими событиями, предшествовавшими написанию миниатюр. Это женщины-героини, для которых основной формой деятельности сейчас является общественная работа, в чем и проявляется русский национальный характер, одной из главных черт которого является забота об общем благе и своей стране.

Библиографический список

1. Сухова К.И. Вербализация образа малой родины в лирике В.А. Солоухина. Дисс. ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Елец, 2022.
2. Карташова Е.Н. Специфика репрезентации женских образов в прозе В.М. Шукшина. Дисс. ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Елец, 2021.
3. Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. Москва, 1996.
4. Сизова К.С. Типология портрета героя (На материале художественной прозы И.С.Тургенева. Дисс. ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Воронеж, 1995.
5. Солоухин В.А. Камешки на ладони: рассказы. Москва, 2007.
6. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. Москва, 1999.
7. Скуридина С.А. Ономастический код художественных текстов Ф.М. Достоевского. Дисс. ... доктора филологических наук: 10.02.01. Воронеж, 2020.

References

1. Sukhova K.I. Verbalization of the image of a small homeland in the lyrics of V.A. Soloukhina. Diss. ... Candidate of Philological Sciences: 10.02.01. Yelets, 2022.
2. Kartashova E.N. Specifics of the representation of female images in the prose of V.M. Shukshina. Diss. ... Candidate of Philological Sciences: 10.02.01. Yelets, 2021.
3. Ilyin I.A. The essence and originality of Russian culture. Moscow, 1996.
4. Sizova K.S. Typology of the portrait of a hero (based on the fictional prose of I.S. Turgenev. Diss. ... candidate of philological sciences: 10.02.01. Voronezh, 1995.
5. Soloukhin V.A. Pebbles in the palm of your hand: stories. Moscow, 2007.
6. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions. Moscow, 1999.
7. Skuridina S.A. Onomastic code of literary texts by F.M. Dostoevsky. Diss. ... doctor of Philology: 10.02.01. Voronezh, 2020.

УДК 81

DOI 10.36622/2587-9510.2024.67.61.007

*Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
Доцент кафедры русского языка
Кандидат филологических наук
Васильева О.А.
Россия
Сызрань, т. 8-927-216-71-30*

*Military Educational-Research Centre of Air Force
«Air Force Academy named after professor
N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin»
Associate professor of the department of Russian
language
Candidate of philological sciences
Vasilieva O. A.
Russia
Syzran, 8-927-216-71-30*

О.А. Васильева

ХАРАКТЕРИСТИКА ЦЕНТРА ОНОМАСТИЧЕСКОГО ПОЛЯ РОМАНА Е. ВОДОЛАЗКИНА «БРИСБЕН»

Настоящая статья посвящена анализу романа Е. Водолазкина «Брисбен» с точки зрения ономастики, так как произведение наполнено онимами различных разрядов. Для лингвистического анализа нами была выбрана полевая концепция. На наш взгляд, именно ядерно-периферийная структура определяет системно-структурные отношения между ономастическими единицами в романе. Анализ всей ономастической системы романа в одной статье не представляется возможным, поэтому мы концентрируем свое внимание на характеристике центра ономастического поля произведения. Роман Е. Водолазкина «Брисбен» содержит 166 антропонимов, которые образуют определенную систему, но к центру ономастического поля относим лишь 84 единицы, 7 из которых относятся к ядру поля, 77 входят в околоядерное пространство. 82 антропонима, которые формируют тематические группы «исторические личности», «прецедентные имена», «библейские имена», «литературные герои», вошли в дальнюю периферию ономастического поля романа; их характеристика является перспективой нашего исследования. Основным методом, применяемым в исследовании, является описательный. В рамках указанного метода используются приемы наблюдения, обобщения, классификации полученных данных. При моделировании ономастического поля применялся приём количественных подсчётов. Результатом исследования является классификация и характеристика антропонимов центра ядерно-периферийной структуры романа Е. Водолазкина. При моделировании ономастического поля антропонимов художественного произведения ядром будем считать варианты именования главного героя романа и имена членов его семьи. К околоядерному пространству относим 77 единиц, которые разбиваем на тематические группы. Конституенты центра ономастического поля романа «Брисбен» анализируются с точки зрения структуры, семантики, этимологии. Автор статьи приходит к выводу, что через «повторы», трансформацию центральных ономастических единиц романа Е. Водолазкина транслирует личностную трансформацию главного героя или трансформацию его отношений с близкими.

Ключевые слова: Е. Водолазкин, «Брисбен», ономастическая лексика, антропонимы, ядерно-периферийные отношения, полевая концепция.

О.А. Vasilieva

CHARACTERISTICS OF THE CENTER OF THE ONOMASTIC FIELD OF E. VODOLAZKIN'S NOVEL «BRISBANE»

This article is devoted to the analysis of E. Vodolazkin's novel "Brisbane" from the onomastic aspect view since the work is filled with onyms of various categories. We have chosen a field concept for linguistic analysis. In our opinion, it is the nuclear-peripheral structure that determines the system-structural relations between onomastic units in the novel. It is not possible to analyze the entire onomastic system of the novel in one article, so we focus our attention on the work onomastic field center characterizing. The novel by E. Vodolazkin "Brisbane" contains 166 anthroponyms that form a certain system, but we attribute only 84 units to the center of the onomastic field, 7 of which belong to the core of the field, 77 are included in the perinuclear space. 82 anthroponyms that form the thematic groups "historical figures", "precedent names", "biblical names", "literary heroes" entered the far periphery of the novel onomastic field. Their characteristics are the perspective of our study. The main method used in the study is descriptive. This method

framework includes methods of observation, generalization and classification of the obtained data. The quantitative calculations were used in the onomastic field modeling. The result of the study is the classification and characterization of the nuclear-peripheral structure center anthroponyms of E. Vodolazkin's novel. In the onomastic field modeling of anthroponyms of this work of art, the naming options for the novel protagonist and his family members will be considered as the core. We refer 77 units to the perinuclear space, which we divide into thematic groups. The constituents of the center of the onomastic field of the novel "Brisbane" are analyzed from the point of view of structure, semantics, and etymology. The author of the article comes to the conclusion that through "repetitions" and transformation of the central onomastic units of the novel, E. Vodolazkin conveys the personal transformation of the main character or the transformation of his relationships with loved ones.

Keywords: E. Vodolazkin, "Brisbane", onomastic vocabulary, anthroponyms, nuclear-peripheral relations, field concept.

Настоящая статья посвящена анализу системы антропонимов романа Е. Водолазкина «Брисбен». Романы современного писателя обладают своеобразными пространственно-временными, образными, поэтическими особенностями, которые становятся объектом научного интереса. Изучением романа с точки зрения его языковой и художественной организации занимаются О.А. Гримова, К.А. Жулькова, К. Калинин, Г. Юзefович, Д.А. Судакова, Я.В. Солдаткина и др.

К.А. Жулькова рассматривает сюжетно-композиционные, тематические и стилистические особенности романа Е.Г. Водолазкина «Брисбен». Основное внимание уделяется переменной повествовательной перспективе, созданной путем чередования двух временных планов – прошлого и настоящего. Выявляются ключевые образы-концепты «музыка», «жизнь», «смерть» [1; с. 167]. О.А. Гримова анализирует текст романа как сложноорганизованный нелинейный нарратив, конструируемый с опорой на актуальный для средневековой литературы «принцип абстрагирования», описанный Д.С. Лихачевым. Автор видит суть названного принципа в стремлении увидеть конкретное, частное, вещественное как «производные» вневременного, вечного, невещественного [2; с. 239]. К. Калинин обращается к изучению несобственно-прямой речи как средства художественной выразительности в современном романе популярного писателя. Отмечается, что несобственно-прямая речь помогает передать отношения персонажей друг к другу и к описываемым событиям, а также раскрывает авторскую позицию. Отсутствие уверенности в том, что слова были произнесены, размывает границы между сказанным и несказанным. По мнению К. Калинина, этот факт переводит фразы в область мысленного постижения мира [3; с. 66]. Литературный критик Г. Юзefович подчеркивает, что в романе «Брисбен» кроме вербального и стилистического талантов проявляется также музыкальный талант Е. Водолазкина; делается вывод, что повествование в романе распадается на два голоса в соответствии с законами сольфеджио [4]. Д.А. Судакова обращает внимание на специфику пространственно-временной организации романа [5]. Отметим, что роман Е. Водолазкина «Брисбен» наполнен ономастическими единицами различных разрядов, которые, безусловно, представляют интерес для понимания авторской идеи. Именно ономастическая система романа служит предметом нашего изучения.

Роман «Брисбен» включает широкий спектр именовании, связанных с судьбой главного героя Глеба Яновского. Для описания ономастической системы романа нами выбрана полевая концепция. Ономастическое поле подробно описал В.И. Супрун, на концепцию которого мы опираемся в своей работе. Ономастическое пространство, по определению В.И. Супруна, представляет собой совокупность имён собственных, безотносительно к её внутреннему устройству. Ономастическое поле предполагает наличие системно-структурных отношений и связей, выступает как упорядоченная, иерархизированная совокупность имён собственных. Эта структура стабильна и устойчива, но обладает чертами функциональной подвижности. Ядерно-периферийные отношения – центральный принцип полевой организации ономастического пространства [6]. В.И. Супрун заключает, что в центре ономастического поля оказывается незначительное по объёму входящих конститuentов ядро; далее располагаются околоядерное пространство и периферия, имеющая зональную структуру. Центральное место в ономастическом пространстве исследователь закрепляет за антропонимами и смежными с ними ономастическими разрядами: теонимами, мифонимами, зоонимами [6; с. 11].

При моделировании ономастического поля романа «Брисбен», мы, следуя за В.И. Супруном, в центр помещаем антропонимы (любые имена собственные, которые может иметь человек [7; с. 14-15]), обозначающие имена героев романа; ближнюю периферию поля формируют топонимы (имена собственные любого географического объекта [7; с.14-15]); дальнюю периферию представляют эрго-

нимы (имена собственные делового объединения людей [7; с. 14-15]), идеонимы (номинации объектов умственной, идеологической и художественной сферы деятельности человека [8]) и некоторые имена собственные. Наряду с идеонимами к дальней периферии отнесем именованные тематических групп «исторические лица» (имена ученых, писателей, композиторов, музыкальных исполнителей, актеров, спортсменов), «литературные герои», «библейские имена», «прецедентные имена». Отметим, что антропонимы, отнесенные нами к дальней периферии представлены в романе в количестве 82 единиц. Ономастические единицы обозначенных тематических групп служат для именования героев или авторов научных, литературных или музыкальных произведений, что сближает их с идеонимами. Ономастическое поле романа «Брисбен» обширно, охарактеризовать его в рамках одной статьи не представляется возможным, поэтому в данной статье остановимся на характеристике центра ономастического поля. Характеристика периферийных зон является перспективой нашего исследования.

Центр ономастического поля романа «Брисбен» формируют антропонимы, обозначающие имена героев романа, представленные в романе в количестве 84 единиц. Центр состоит из ядра (7 единиц) и околядерного пространства (77 единиц). Ученые Е.В. Гулыга и Е.И. Шендельс при изучении грамматико-лексических полей выделяют доминанту поля – «конституент поля, а) наиболее специализированный для выражения данного значения; б) передающий его наиболее однозначно; в) систематически используемый» [9; с. 10]. Вокруг доминанты группируются тесно связанные с ней конституенты, которые образуют ядро поля.

Ядро ономастического поля романа «Брисбен» формируется доминантой и тесно связанными с данной единицей антропонимами. Доминантой поля будем считать имя главного героя, представленное в романе следующими вариантами – однокомпонентной моделью (*Глеб*), двухкомпонентной моделью (*Глеб Яновский*), трехкомпонентной моделью (*виртуоз-гитарист Глеб Яновский*). Вокруг доминанты группируются антропонимы, обозначающие имена членов семьи главного героя: *Ирина* (мать), *Федор* (отец), *Антонина Павловна* (бабушка), *Мефодий* (дедушка), *Катя* (*Катарина*, *Катерина*) (жена), *Вера* (приемная дочь).

Ядро ономастического поля романа представлено семью единицами, доминантой ядра является имя главного героя (*Глеб Яновский*). Разберем доминантный оним с точки зрения структуры и этимологии. О.А. Гримова отмечает, что повествование в романе состоит из двух потоков, один из которых связан с прошлым героя / страны, а другой – с настоящим [2; с. 240]. Принцип двупланности поддерживается и структурной организацией доминантного онима: в сюжетной линии прошлого герой именуется одним компонентом – *Глеб*; повествуя о настоящем героя, автор-рассказчик применяет однокомпонентную модель (*Глеб*), как символ базовых качеств личности, заложенных в детстве и юности; двухкомпонентную модель (*Глеб Яновский*), как показатель развития характера; трехкомпонентную модель, в которой появляется апеллатив *виртуоз* (*виртуоз-гитарист Глеб Яновский*), – обозначение достижения наивысшей точки в профессиональном развитии.

Обратимся к этимологии имени главного героя. Имя *Глеб* отсылает нас к религиозным мотивам: «Чтение о житии и о погублении блаженную стратотерпцю Бориса и Глеба», автором которого является летописец Нестор. Е. Водолазкин включает в свой роман мотив жизнеописания *Глеба*, автором которого он делает современного писателя *Сергея Нестерова*, пишущего под псевдонимом *Нестор*. При знакомстве героев *Глеб* с иронией отмечает, что из всех произведений *Нестора* знаком только с «*Повестью временных лет*». О.А. Гримова подчеркивает: «Формула» соотношения настоящего и прошлого (только не личностного, а абсолютного) дана уже в первом эпизоде романа [2; с. 240]. Религиозный мотив, заявленный в самом начале повествования, не единожды прослеживается в романе: в Храме с помощью деда *Мефодия* и отца *Петра* обретает юный *Глеб* понимание смысла жизни; жизнь в коллегииуме дает надежду на будущее.

В центре исследования фамилий указывается, что фамилия *Яновский* принадлежит к древнему типу славянских фамилий, образованных от географических названий. Основой для нее стало название одного из населённых пунктов с именованием *Яново*, широко распространённых как ранее, так и теперь. Названия *Яново*, скорее всего, возникали от имени основателя поселения Ян. Имя Ян образовано от крестильного имени Иоанн, и в Польше считается официальной полной формой этого имени. Под влиянием польской традиции имя Ян было широко распространено и в Белоруссии, и в Украине, долгое время входивших в состав Речи Посполитой, а также в сопредельных русских землях [10].

Таким образом, имя главного героя *Глеб* отсылает нас к религиозной литературе православия; фамилия *Яновский*, как видим, распространена как в русских, так и в украинских землях. В имени *Глеб Яновский* объединились две национальные линии: украинская (отцовская) и русская (материнская).

Е. Водолазкин намеренно помещает своего героя в такую двуязычную среду. О.А. Гримова считает, что семейное двуязычие, в котором растет и воспитывается Глеб, используется Е. Водолазкиным в качестве художественного приема по аналогии с древнерусской литературой: «Интересно наблюдение Д.С. Лихачева о том, что смысловые зоны конкретного и обобщающего его абстрактного в древнерусском тексте обслуживались разными функциональными стилями языка – соответственно, разговорным и книжным [11; с. 85]. Е. Водолазкин прибегает к похожему приему, заставляя героев обращаться к украинскому там, где необходимо генерализующее, подводящее итог, расставляющее окончательные акценты слово» [2; с. 241]. Таким образом, можно сделать вывод, что тема двупланности заявлена автором не только на уровне композиции романа, но и на уровне его ономастикона.

Ядро составляют имена близких Глебу людей, членов его семьи. Рассмотрим структурно-семантические типы ядерных антропонимов. Двухкомпонентный антропоним *Антонина Павловна* служит для именованья бабушки *Глеба Яновского*. Антропоним формируется именем и отчеством, что отличает его от других онимов ядра. Бабушка *Антонина Павловна* является для *Глеба* другом и наставником. Ее присутствие в жизни мальчика естественно и постоянно. О степени значимости фигуры бабушки для *Глеба* Е. Водолазкин сообщает читателю через ономастику в момент, когда взрослый *Глеб* стоит у постели умирающей бабушки: *Бабушка очень изменилась: высохла, как-то вся побелела и стала нематериальной. Она больше не была Антониной Павловной – была именно бабушкой* [12; с. 260]. Из приведенного примера видно, что антропоним *Антонина Павловна* символизирует силу, авторитет, значимость. Утратив силу, «став нематериальной», *Антонина Павловна* превращается в бабушку; антропоним больше не выполняет свою функцию обозначения сильного взрослого.

Дед *Глеба Мефодий* появился в жизни героя в трудный для него период переосмысления, переоценки всех жизненных ценностей. Юный *Глеб* находился в состоянии смятения, отказался от музыки, считал все происходящее бессмысленным «ввиду ожидающей каждого смерти». Для именованья важной для становления личности героя фигуры автор романа использует однокомпонентный оним, который при этом отсылает нас к святым равноапостольным *Кириллу и Мефодию*, «учителем словенским», проповедникам христианства. Именно роль учителя, просветителя, проповедника отводится *Мефодию* в романе. Дед привлекает мальчика и внешностью, и манерой общения: *Мефодий был высокого роста, широкоплеч и сед, что придавало ему сходство с Тургеневым. Сходство увеличивалось еще и потому, что в отличие от Федора, время от времени дед переходил на русский язык. И пусть язык его не был тургеневским, готовность говорить на нем была гораздо важнее* [12; с. 144]. Основной чертой характера деда *Глеб* считает его доброжелательность: *Мефодий желал добра каждым своим словом. Каждой, можно сказать, морщиной, которых на лице его было много* [12; с. 144]. Дед *Мефодий*, действительно, выступает в роли проводника в мир мудрости, знания жизни, понимания сложных для мальчика вопросов. Для *Мефодия* сомнения мальчика в смысле жизни являются значимыми. Отведя *Глеба* в церковь, он помогает найти ответы на вопросы, которые мучают его внука. Отец *Петр* и *Мефодий* объяснили юному *Глебу*, что музыка напоминает о вечности, а вечность – «это отсутствие времени..., а значит, отсутствие смерти. В конечном счете это Бог...» [12; с. 146]. Роль, которую отводит Е. Водолазкин деду будущего виртуоза, оправдана именем, которым автор его нарекает. До конца своей жизни *Мефодий* оставался для *Глеба* человеком, который за него ежедневно молится. Взрослый *Глеб* мало общался с дедом, ...но само существование *Мефодия* вносило в его душу покой [12; с. 397].

Антропоним, обозначающий имя жены гитариста, отличает от других конститuentов его трансформация в ходе сюжетной линии. При знакомстве с женой *Глеба (Катей)* читатель ничего не знает ни о ней самой, ни об истории знакомства супругов. Позже выясняется, что *Катя* по происхождению немка и некогда была *Катариной*. В данной ономастической единице романа прослеживаются полифоничные мотивы. В имени *Катарина* явственно слышится другое женское имя – *Арина*. Антропоним *Арина* входит в околоядерное пространство ономастического поля романа. *Арина* – имя девушки-утопленницы, свидетелем смерти которой является тринадцатилетний *Глеб*. Этот печальный эпизод имеет большое значение в становлении личности героя, его представлении о любви. Я.В. Солдаткина, анализируя мифологему воды в романе, отмечает: «Ее красота, распущенные волосы, плетеный браслет на руке сближают ее с образами русалок-утопленниц, а героя вводят в ужаснувший его взрослый мир – мир смерти и женской прелести (сексуальности). Впечатление мальчика оказывается настолько сильным, что в дальнейшем герой не просто избегает пляжей, но, влюбляясь, ассоциирует свою возлюбленную с погибшей девушкой (а воду, желание, интимную близость – со смертью)» [13; с. 15]. К.А. Жулькова проводит ономастическую параллель между именами двух значимых для *Глеба* женщин (жены и девушки-утопленницы): «место вечной

жены АРИНЫ занимает жена реальная КатАРИНА (таким образом Водолазкин в прямом и переносном смысле «рифмует» характеры)» [1; с. 176]. Сходство имен, на которое указывает исследователь, свидетельствует о том, что появление девушки в жизни *Глеба* носит привычный платонический характер. Однако, отношения молодых людей становятся по-настоящему близкими. Близость и непосредственность *Катарини* делает ее земной и понятной. Об изменении статуса женщины в жизни *Глеба* свидетельствует и ономастическая перемена: «*Проснувшись в два часа пополудни, Катарина шепотом попросила называть ее Катей. Степень слияния с Россией оказалась настолько глубока, что носить прежнее имя она уже не могла* [12; с.226]. Изменение отношений с женщиной, которые автор обозначает как «глубокую» земную связь, делает невозможной ассоциацию живой любящей *Кати* с красивой таинственной, но холодной и мертвой *Ариной*. Развитие отношений приводит молодых людей к браку гражданскому, а потом – к венчанию. Венчание стало возможным после решения *Катарини* о принятии православия: «*Месяц спустя над Катей, выучившей православный Символ веры, была прочитана присоединительная молитва. В ее имени изменилась одна буква: из Катарини она стала Катериной*» [12; с. 246]. Этот важный для героев поступок окончательно закрывает мотив «прекрасной утопленницы». *Глеб* и *Катя* близки друг другу физически и духовно. Новое имя *Кат* [*ир'ины*] указывает на ее сходство уже с другой героиней – матерью героя *Ириной*; живой и искренней, но самое главное близкой *Глебу*.

Девочка *Вера* появляется в жизни героя в трудный для него период: *Глеб* переживает этап примирения с тяжелым диагнозом, он вновь теряет смысл жизни. Когда-то *Мефодий* помог *Глебу* справиться с сомнениями через веру в Бога. *Мефодия* уже нет, однако жизнь преподносит *Глебу* подарок – *Веру*, дочь *Анны Лебедь*, очень талантливую, но глубоко больную девочку. *Глеб* и *Катерина* прикладывают массу усилий, чтобы помочь девочке, но появление ее в их жизни оказывает неоценимую помощь самому *Глебу*. Он обретает *Веру* в прямом и переносном смысле: появление девочки дает герою силы, воодушевление, надежду. Желание вылечить *Веру* заставляет *Глеба* забыть о собственной болезни. Смерть *Веры* символична: *Глеб* теряет дочь, теряет веру.

Околоядерное пространство формируют антропонимы, обозначающие героев, которые присутствовали в жизни *Глеба Яновского*, сыграв определенную роль в становлении его личности или судьбы. Антропонимы околоядерного пространства мы разделили на тематические группы, представленные в таблице. В таблице отражены названия тематических групп, структурные особенности онимов и процентное отношение каждой группы к общему количеству антропонимов центра.

Тематические группы онимов околоядерного пространства

Тематическая группа	Антропонимы		Процентное отношение к антропонимам центра
	Простая форма	Составная форма	
Ближняя периферия			
друзья	<i>Нестор, Ника, Геральдина, Майер</i>	<i>Сергей Нестеров Геральдина Кестнер</i>	4, 7%
Учителя, наставники	<i>Клавочка Лена Бурцев</i>	<i>Леся Кирилловна, Ирина Григорьевна, Клавдия Васильевна, Елена Марковна, Вера Михайловна, Сергей Петрович Бро- варник, Павел Петрович Серге- ев, Иван Алексеевич Серге- енко, доцент Чукин, профессор Беседин, профессор Рихтер, профессор Лемке,</i>	15,4 %

		<i>Геннадий Николаевич Бурцев</i>	
одноклассники и друзья детства	<i>Клецук, Бджилка, Сидорова, Плачинда</i>	<i>Максим Клецук, Витя Кислицин, Люся Мироненко, Валя Адаменко, Артур Акоюн</i>	9,5 %
Женщины	<i>Арина, Анна (Ганна)</i>	<i>Анна Лебедь</i>	3,5 %
Родственники	<i>Галина Олесь Егор Барбара</i>	<i>Супруги Гертнеры, Дядя Курт</i>	8,3 %
Соседи	<i>Пшебышевские, Колбушковые (Микола и Катерина), Винниченко (Евдокия и Сильвестр)</i>		5,9 %
Духовные наставники		<i>отец Петр, отец Георгий, отец Нектраий, патер Петер</i>	4,7 %
Доктора		<i>фрау Фукс профессор Венц</i>	2,3 %
Герои, сыгравшие роль на определённом жизненном этапе героя:	<i>Ивасик (Бергамот) Беата Котов Дуня Лида (девушка Дуни), Александра (свидетель на венчании Глеба), Валя (сосед по общежитию), Круглов, Крючков, Людмила, Мартин (коллега по болезни), Лиза, Крылова, Микола, Лючия</i>	<i>Виталий Безбородов, артист Соловьев, скрипач Терещенко, Беата Бауэр, офтальмолог Сударушкин, воображаемая Даниэлла, садовник Пильц, Мария и Тадеуш Поляковские, пан Антон, Юрий Котов, Красимир Дуйчев, Даша Перевощикова, Джеймс Кук, Царица Ира, бармен Марлен, официант Леша, дирижёр Хубер, Руслана Рудольфовна, Неонила Николаевна, Анна Кессель</i>	39,2 %

Самую многочисленную группу (39,2 %) составляют именованные герои, которые присутствовали в жизни Глеба на определённом ее этапе. Некоторые из этих героев появились в его жизни однократно, эпизодически, но тем не менее запомнились Глебу своими словами или поступками, например, *Мартин* («кол-

лега» по болезни Паркинсона), *Крылова* (секретарь ректора, «спасшая» Глеба от трудного нравственного выбора), *Микола* (боевик на Майдане, от которого зависела жизнь гитариста). Некоторые имена обозначают героев, которые появляются в сюжетной линии лишь «заочно», например, *Валя* (сосед по общежитию, у которого *Глеб* заимствовал шампанское в ночь знакомства с *Катей*). Однако некоторые именованья служат для обозначения друзей *Глеба* (*Дуня*).

Вторая по численности группа «Учителя и наставники» составляет 15,4 %. Отметим, что такое распределение антропонимов вполне справедливо: учителей и наставников в жизни виртуоза-гитариста было много. Об уважении главного героя к этим людям свидетельствует структура онимов: каждая ономастическая единица представлена двух-трехкомпонентной моделью (имя + отчество), (имя + отчество + фамилия), (апеллятив + фамилия).

Группы «друзья» (4,7 %), «женщины» (3,5 %), «духовные наставники» (4,7 %), «доктора» (2,3 %) являются самыми малочисленными, но не малозначительными.

С точки зрения структуры антропонимы центра делятся на простые и составные формы.

К простым формам относим однокомпонентные модели, представленные:

- полной формой имени: *Арина, Анна, Галина, Ирина, Федор, Мефодий, Олесь, Егор, Евдокия, Александра, Геральдина, Сильвестр, Барбара, Катарина, Людмила, Мартин и др.*;
- гипокористической формой: *Лидя, Лена, Катя, Катерина, Валя, Микола и др.*;
- фамилией: *Крылова, Клещук, Сидорова, Плачинда, Буццев и др.*;
- прозвищем: *Дуня, Ивасик*.

К составным формам относим двух и трехкомпонентные модели. Двухкомпонентные модели представлены различными вариантами именованья:

- (имя + отчество): *Антонина Павловна, Вера Михайловна, Ирина Григорьевна и др.*;
- (имя + фамилия): *Анна Лебедь, Витя Кислицин, Красимир Дуйчев и др.*;
- апеллятивно-онимический комплекс: бармен *Марлен*, официант *Леша*, дирижёр *Хубер*, супруги *Гертнеры*, дядя *Курт*, отец *Пётр*, профессор *Беседин* и др. В исследовании В. И. Супруна отмечается, что наличие апеллятивно-онимического комплекса у антропонимов чаще всего служит показателем его отнесения к периферии ономастического поля, так как к ядру относятся ономастические единицы без апеллятивного сопровождения [6; 146].

Трехкомпонентные модели представлены формой (имя + отчество + фамилия). Для обозначения данной модели применим термин В. И. Супруна «единый поликомпонентный антропонимический комплекс», который учёный использует для обозначения одного лица (*Иван Иванович Иванов*) [6; с. 22]: *Иван Алексеевич Сергиенко, Павел Петрович Сергеев и др.*

Отметим, что для именованья одного героя автор может чередовать структурные модели: *Нестор – Сергей Нестеров; Иван Алексеевич Сергиенко – Иван Алексеевич; Чукин – доцент Чукин*. Для ономастического обозначения главного героя автор использует все возможные модели: однокомпонентную (*Глеб*), двухкомпонентную (*Глеб Яновский*), единый поликомпонентный антропонимический комплекс (*Глеб Федорович Яновский*), апеллятивно-онимический комплекс (*гитарист-виртуоз Глеб Яновский*).

Перечень имен, входящих в околядерное пространство, довольно обширен. Одной из особенностей состава рассматриваемой зоны является этнический аспект в представлении антропонимов. Центральное пространство формируется русскими, украинскими, польскими, болгарскими, немецкими именами. Такой разнообразный ономастикон в рамках одного романа выглядит необычно, но вполне естественно в русле теории полифонии, которая транслируется в романе прямо и косвенно.

К.А. Жулькова отмечает: «Заинтересовавшись музыкальной полифонией еще в школе, а затем обратившись к проблеме текстовой полифонии, отраженной в работах М.М. Бахтина, в своей дипломной работе на филфаке, *Глеб* постепенно приходит к открытию: «полифоничен весь мир», «многоголосы шум деревьев в роще, движение автомобилей по улице, разговоры в очереди» [1; с. 171]. Полифония мира вокруг *Глеба Яновского* обозначается автором романа и с помощью ономастической линии. *Глеб* чувствовал, что «жизнь состоит из повторов и параллельных высказываний» [12; с. 159]. Е. Водолазкин несколько раз использует в романе ономастические «повторы»: *Анна Лебедь – Анна (Ганна)* как символ обмана чувств, надежд; звуко-сочетания, описанные нами ранее: *КатАРИНА – Арина – Кат[ИРИНА] – Ирина* свидетельствуют о перемене отношения *Глеба* к девушке через ассоциации с другими героинями романа.

Итак, центр ономастического поля романа представлен 84 единицами, из которых 7 единиц формируют ядро поля и 77 единиц представляют околядерное пространство. Ядро представляет собой доминанту (именования главного героя в различных вариантах) и ядерные элементы (именования близких и значимых для главного героя людей). Околядерное пространство сформировано онимами, входящими в различные

тематические группы. Перспективой исследования является изучение ближней и дальней периферии ономастического поля романа Е. Водолазкина «Брисбен».

Библиографический список

1. Жулькова К.А. Роман Е.Г. Водолазкина «Брисбен»: особенности поэтики // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, Литературоведение: Реферативный журнал. 2021. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/roman-e-g-vodolazkina-brisben-osobennosti-poetiki> (дата обращения: 30.09.2022).
2. Гримова О.А. Особенности повествовательной структуры в романе Е.Г. Водолазкина «Брисбен» // Новый филологический вестник. 2020. №4 (55). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-povestvovatelnoy-struktury-v-romane-e-g-vodolazkina-brisben> (дата обращения: 30.09.2022).
3. Калинин К. Несобственно-прямая речь в романе Евгения Водолазкина «Брисбен» // Филология и культура. Philology and culture. Серия «Филологические науки. Лингвистика». 2021. №4(66) с. 66-71
4. Юзефович Г. Роман в три октавы // Live iib. URL: <https://www.livelib.ru/critique/post/39102-roman-v-tri-oktav> (дата обращения: 06.05.23)
5. Судакова Д.А. Специфика пространственно-временной организации романа Е. Г. Водолазкина «Брисбен» // Язык. Культура. Медиакоммуникация. Том 2, № 2 (2022) URL: <https://lcmjournal.susu.ru/index.php/lcm/index> (дата обращения: 05.05.2023)
6. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал [Текст] : монография. Волгоград, 2000. 122 с.
7. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М. : Наука, 1978. 199 с.
8. Лагута О.Н. Учебный словарь стилистических терминов. Практические задания. Часть 1. Учебно-методическое пособие / Отв. ред. Н.А. Лукьянова. Новосибирск: Новосибирский госуниверситет, 1999. URL: <http://dadako.narod.ru/paperpoe.htm> (дата обращения 20.08.23).
9. Гулыга Е.В. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М.: Просвещение. 1969. 184 с.
10. Происхождение фамилии Яновский // Анализ фамилии. Центр исследований. URL: <https://www.analizfamili.ru/Yanovskiy/proishozhdenie.html> (дата обращения: 19.08.23).
11. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 360 с.
12. Водолазкин Е.Г. Брисбен. Москва: Издательство АСТ: Редакция Е. Шубиной, 2021. 416с.
13. Солдаткина Я.В. Мифологема воды в современном русском «романе о взрослении» (А.Г. Архангельский «Бюро проверки», А.Н. Варламов «Душа моя Павел», Е. Г. Водолазкин «Брисбен»).

References

1. Zhulkova K.A. Roman E.G. Vodolazkin "Brisbane": Features of Poetics // Social and Humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 7, Literary criticism: Abstract journal. 2021. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/roman-e-g-vodolazkina-brisben-osobennosti-poetiki> (date of access: 09/30/2022).
2. Grimova O.A. Features of the narrative structure in the novel by E.G. Vodolazkin "Brisbane" // New Philological Bulletin. 2020. No. 4 (55). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-povestvovatelnoy-struktury-v-romane-e-g-vodolazkina-brisben> (date of access: 09/30/2022).
3. Kalinin K. Improper direct speech in Evgeny Vodolazkin's novel "Brisbane" // Philology and Culture. Philology and culture. Series "Philological Sciences. Linguistics". 2021. No. 4(66) p. 66-71.
4. Yuzefovich G. Roman in three octaves // Live iib. URL: <https://www.livelib.ru/critique/post/39102-roman-v-tri-oktav> (Date of access: 05/06/23).
5. Sudakova D.A. The specificity of the spatio-temporal organization of the novel by E. G. Vodolazkin "Brisbane" // Language. Culture. Media communication. Volume 2, No. 2 (2022) URL: <https://lcmjournal.susu.ru/index.php/lcm/index> (Accessed: 05.05.2023).
6. Suprun V.I. The onomastic field of the Russian language and its artistic and aesthetic potential: monograph. Volgograd, 2000. 122 p.
7. Podolskaya, N.V. Dictionary of Russian onomastic terminology [Text] / N.V. Podolskaya. M. : Nauka, 1978. 199 p.
8. Laguta O.N. Educational dictionary of stylistic terms. Practical tasks. Part 1. Teaching aid / Ed. ed. ON THE. Lukyanov. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 1999. URL: <http://dadako.narod.ru/paperpoe.htm> (accessed 20.08.23).
9. Gulyga E.V. Grammar-lexical fields in modern German. M.: Enlightenment. 1969. 184 p.
10. The origin of the surname Yanovsky // Analysis of the surname. Research Center. URL: <https://www.analizfamili.ru/Yanovskiy/proishozhdenie.html> (date of access: 08/19/23).
11. Likhachev D. S. Poetics of ancient Russian literature. 3rd ed. M.: Nauka, 1979. 360 p.
12. Vodolazkin E.G. Brisbane. Moscow: AST Publishing House: Edited by E. Shubina, 2021. 416p.
13. Soldatkina Ya.V. The mythologeme of water in the modern Russian "novel about growing up" (A.G. Arkhangelsky "The Verification Bureau", A.N. Varlamov "My Soul Pavel", E.G. Vodolazkin "Brisbane").

УДК 82-3:808.2

DOI 10.36622/2587-9510.2024.66.98.008

*Воронежский государственный
технический университет
канд. филол. наук, доцент
кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
М.В. Новикова,
Россия, г. Воронеж, тел.: 89192466211
e-mail: litra.novikov@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University Candidate
of Philology, Associate Professor of the Department
of Russian Language and Intercultural
Communication*

*M.V. Novikova,
Russia, Voronezh, tel.: 89192466211
e-mail: litra.novikov@yandex.ru*

М.В. Новикова

ВЕСТОНИМ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ИДЕНТИФИКАТОР ОБРАЗА МАРМЕЛАДОВА В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

В настоящий момент ономастика, анализирующая роль имен собственных разных разрядов, является одной из наук, помогающих раскрыть глубинные смыслы, заложенные писателем в художественном тексте. В данной работе рассматриваются особенности функционирования вестонимов (наименований одежды и ее элементов) в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» на примере мужского костюма Семена Захаровича Мармеладова. В ходе исследования было установлено, что такие вестонимы, как мундир, фрак и жилет являются главными составляющими костюма Мармеладова. Каждый из вестонимов, безусловно, служит для раскрытия внутреннего мира героя. Костюм персонажа буквально декламирует не только внешние, но и внутренние изменения образа. Важной составляющей романа является мотив переодевания, транслирующий духовное падение героя. Детали гардероба раскрывают дополнительные смыслы при восприятии образа Семена Захаровича Мармеладова, указывая на демоническое и шутовское начало. Костюм органично сливается с героем. Наименования элементов одежды, которые Ф.М. Достоевский включает в художественный текст, отражают идейные взгляды персонажа, помогая выявить его связь с другими персонажами романа. Значимость вестонимов в творчестве Ф.М. Достоевского объясняется отношением писателя к своему костюму.

Ключевые слова: вестоним, костюм, гардероб, Мармеладов, ономастика, фрак, мундир, Ф.М. Достоевский.

M. V. Novikova

VESTONYM AS A LINGUOCULTURAL IDENTIFIER OF THE IMAGE OF MARMELODOV IN THE NOVEL BY F.M. DOSTOEVSKY "CRIME AND PUNISHMENT"

At the moment, onomastics, analyzing the role of proper names of different categories, is one of the sciences that helps to reveal the deep meanings laid down by the writer in a literary text. This paper examines the peculiarities of the functioning of vestonyms (names of clothing and its elements) in F.M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" using the example of Semyon Zakharovich Marmeladov's men's costume. During the study, it was found that such place names as a uniform, tailcoat and vest are the main components of Marmeladov's costume. Each of the names, of course, serves to reveal the inner world of the hero. The character's costume literally recites not only external, but also internal changes in the image. An important component of the novel is the motive of dressing up, broadcasting the spiritual fall of the hero. The details of the wardrobe reveal additional meanings when perceiving the image of Semyon Zakharovich Marmeladov, indicating a demonic and buffoonish beginning. The costume seamlessly merges with the hero. The names of the items of clothing that F.M. Dostoevsky includes in the literary text, reflects the ideological views of the character, helping to identify his connection with other characters in the novel. The importance of vestonyms in the work of F.M. Dostoevsky is explained by the writer's attitude to his costume.

Keywords: vestonym, costume, wardrobe, Marmalades, onomastics, tailcoat, uniform, F.M. Dostoevsky.

В настоящее время ономастика имеет большое значение для литературоведения, поскольку помогает через анализ имени собственного понять авторский замысел. Ономастический код худо-

жественных текстов Ф.М. Достоевского подробно описан в монографическом исследовании С.А. Скуридиной [1], однако в данной работе рассматривались имена собственные в традиционном понимании – антропонимы, топонимы и др. В настоящей работе нами рассматривается более широкое понятие – наименование. Отметим, что количество исследований, направленных на изучение функционирования вестонимов в литературных текстах, значительно уступает числу лингвистических работ, выявляющих специфику наименований одежды, функционирующих в речи, статьи подобного рода единичны, в их числе работа Н.К. Перцевой и С.М. Жиряковой [2].

Изучение вестонимов в функционально-стилистическом аспекте может способствовать построению адекватной коммуникации между писателем и читателем. Автор, используя конкретные наименования одежды, может точнее передавать свое намерение и создавать желаемую атмосферу в тексте. Читатель, в свою очередь, может более полно и точно воссоздать образ персонажа и понять идеи и эмоции, которые хотел выразить автор.

Г.Ю. Сызранова отмечает: «У собственных имен нет общего значения, так же как у нарицательных нет индивидуального. Превращаясь в индивидуальное (собака Волк, конь Орел), нарицательное теряет способность к обобщению и начинает индивидуализировать. Сохранение основной имени апеллятивного значения – это лишь частный случай, подчиняющийся общей закономерности, согласно которой лексическое значение именных основ редуцируется» [3; с. 10]. Эта способность онимов зачастую проявляется в вестонимах. Данный термин употребляется «как для родовых обозначений (одежда, платье), так и видовых, обозначающих отдельные предметы или детали одежды» [4; с. 8].

Как известно, каждый из писателей-реалистов старается отразить действительность своего времени. В художественных текстах Ф.М. Достоевского это достигается, в том числе, с помощью введения наименований одежды. Стоит отметить, что во внимании к костюму можно усмотреть автобиографизм: писатель внимательно относился к своему гардеробу на протяжении всей жизни, о чем свидетельствуют воспоминания доктора С.Д. Яновского занимавшегося лечением Ф.М. Достоевского, и факты из личной переписки писателя с его женой Анной Достоевской [5; т. 2, с. 81-82].

Становится очевидным, что любое описание гардероба в текстах писателя не могло являться случайностью, поэтому вестонимы, которые он употреблял при характеристике костюма своих героев, использовались для лучшего понимания читателем образа персонажа, но многие из них в связи с большой временной дистанцией у современного читателя утратили свои первостепенные коннотативные смыслы, сохранив лишь вторичное значение, полученное при переходе из имени собственного в нарицательное. А вместе с тем, произошла утрата полноценного восприятия образа героя, столь понятного для современников автора.

Обратимся к изучению вестонимов на примере гардероба Мармеладова – героя романа «Преступления и наказание»: «Одет он был в старый, совершенно оборванный черный фрак, с осыпавшимися пуговицами. Одна только еще держалась кое-как, и на нее-то он и застегивался, видимо желая не удалаться приличий. Из-под нанкового жилета торчала манишка, вся скомканная, запачканная и залитая» [6; т. 6, с. 12]. Фрак – «короткая мужская одежда, куртка с хвостами, полами» [7; т. 4, с. 538]. Как отмечает П.Н. Толстогузов: «Фрак превращается в социальный пароль, приобщающий к жизни элиты» [8, с. 102]. У Ф.М. Достоевского с помощью вестонима *фрак* запускается инверсивный механизм, который показывает, к чему всю жизнь стремился герой, и чего ему так и не удалось достигнуть, ведь существование Мармеладова – антитеза успешности и благополучию. Это подчеркивает адекватив *оборванный*. Интересной деталью в этом описании становятся и пуговицы, из которых лишь одна сохранилась, именно она дает возможность «не удалаться приличий», это вновь некая лексическая игра автора, поскольку Мармеладов встречается в кабаке с Раскольниковым, именно тогда, когда перешагнул через все нормы приличия, нравственности и морали, выкрад последние деньги, оставшиеся от жалования: «вынул что осталось из принесенного жалованья, сколько всего уж не помню <...> Пятый день из дома, и там меня ищут, и службе конец <...> и всему конец!» [6; т. 6, с. 20].

Следует отметить, что вестоним *фрак* является достаточно частотным для творчества Ф.М. Достоевского, так в романе «Бесы» через описание гардероба участников кадрили в текст вводятся инфернальные мотивы: «Хохот толпы <...> хождение вверх ногами в фраке с фалдочками» [6; т. 10, с. 391]. Лексема *фрак* отсылает к образу черта или сатаны, наделенному хвостом» [9; с. 155], а в романе «Братья Карамазовы» черт и вовсе перемещается в пространстве «во фраке и открытом жилете». П.Н. Толстогузов также указывает, что фрак не только «имплицитно указывает на щегольство» [8; с. 103], но в

иных случаях выполнял роль «демонической одежды» [8; с. 103]. Это inferнальное начало сохраняется и в образе самого Мармеладова, ведь, преступая нравственную черту, он совершает большой грех. Важно обратить внимания, что фрак он получает именно после этого аморального поступка: «вицмундир в распивочной у Египетского моста лежит, взамен чего и получил сие одеяние... и все-му конец!» [6; т. 6, с. 20]. Облечение во фрак имеет разрушительные последствия, в Мармеладове обнаруживаются демонические черты. Об этом свидетельствуют слова самого героя, до кражи, он видел спасительное начало: «И в продолжение всего того райского дня моей жизни и всего того вечера я и сам в мечтаниях летучих препровождал: и то есть как я это все устрою, и ребятушек одену, и ей покой дам, и дочь мою единокровную от бесчестья в лоно семьи возвращу...» [6; т. 6, с. 19]. «Райский день» как райская жизнь, возвращение дочери подобно мотиву возвращения блудного сына в обитель отца, «спокой» как упокоевание души Катерины Ивановны, но все это оказывается лишь миражом. Пропив украденное, герой падает еще более низко, забирая последние деньги у дочери: «Ничего не сказала, только молча на меня посмотрела... Так не на земле, а там... о людях тоскуют, плачут, а не укоряют, не укоряют!» [6; т. 6, с. 20]. Соня уподобляется ангелу, а Мармеладов – Иуде, предающему Христа, т.е. образ Божий в самом себе, ведь Ф.М. Достоевский намеренно обозначает сумму, полученную Мармеладовым от дочери: «Тридцать копеек вынесла...» [6; т. 6, с. 20], как тридцать сребренников. Вицмундир приравнивается к надежде на спасение, вестоним *фрак* символизирует гибель души.

Вестоним *жилет* также вносит дополнительные коннотации в понимание образа героя, поскольку лексема *жилет* определяется как заимствование из «французского *vgiletv* по имени какого-то простака Gille, носившего род безрукавки; по другим от имени портного Gille» [10; т. 1, с. 233]. Данный вестоним, безусловно, утрачивает первоначальный смысл, но, вероятно, что Ф.М. Достоевскому было известно подобное толкование данной лексемы, поскольку все окружение кабака воспринимает Мармеладова как шута, когда он рассказывает историю своей жизни Раскольникову, что само по себе напоминает моноспектакль: «Раздался смех и даже ругательства. Смеялись и ругались слушавшие и неслушавшие, так, глядя только на одну фигуру отставного чиновника» [6; т. 6, с. 20], когда он рассказывает эпизод, связанный с Соней: «Неужели дала?– крикнул кто-то со стороны из вошедших, крикнул и захохотал во всю глотку» [6; т. 6, с. 20]. Сам Мармеладов, вроде бы, испытывающий страдания при рассказе, ведет себя как настоящий актер, он понимает все, что происходит вокруг, как все реагируют на него, даже отвечает на вопросы окружающих, но при этом общается только с Раскольниковым: «Вот этот самый полуштоф-с на ее деньги и куплен,– произнес Мармеладов, исключительно обращаясь к Раскольникову» [6; т. 6, с. 20].

Как видим, вестонимы – значимый элемент языка Ф.М. Достоевского, поскольку воссоздают не только визуальный ряд, но выполняют характеризующую функцию, вписывая героя в художественный и исторический хронотоп.

Библиографический список

1. Скуридина С.А. Ономастический код художественных текстов Ф.М. Достоевского: монография. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2023.
2. Перцева Н.К., Жирякова С.М. Вестонимы в произведениях А.С. Пушкина (функционально-стилистический аспект) // Инновация современность и современное общество: Сборник статей Международной научно-практической конференции, Уфа, 25 октября 2014 года. Том Часть 2. Уфа: Аэтерна, 2014. С.108-111.
3. Сызранова Г.Ю. Ономастика : учеб. пособие. Тольятти : Изд-во ТГУ, 2013. 248 с.
4. Кулакова Н.В. Наименования одежды в языке А. С. Пушкина: Лексикографический и функционально-стилистический аспекты: автореф... канд. филол. наук. Москва.: 2000. С. 24
5. Яновский С.Д. Воспоминания о Достоевском // Достоевский Ф. М. в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т. 1. М.: Худож. лит. 1990. С. 231.
6. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Т. 6. Ленинград: Наука, 1972–1988.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х тт. М.: Терра, 1995.
8. Толстогузов П.Н. Фрак в тексте русской культуры XIX века // Вестник Приамурского государственного. №2, 2017. С.100-111.
9. Новикова М. В. Костюм как отражение души в романе Ф.М. Достоевского «Бесы»: Николай Ставрогин и Петруша Верховенский // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы I Всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 08 декабря 2022 года. Воронеж: Воронежский государственный технический университет, 2023. С. 153-156.
10. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1910-1914. Т. 1. С. 233.

References

1. Skuridina S.A. Onomastic code of F.M. Dostoevsky's literary texts: monograph. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2023.
2. Pertseva N.K., Zhiryakova S.M. Vestonyms in the Works of A.S. Pushkin (functional and stylistic aspect) // Innovation modernity and modern society: Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Ufa, October 25, 2014. Volume Part 2. Ufa: Aeterna, 2014. Pp.108-111.
3. Syzranova G.Yu. Onomastics : studies. stipend. Tolyatti : Publishing House of TSU, 2013. 248 p.
4. Kulakova N.V. Names of clothes in the language of A.S. Pushkin: Lexicographic and functional-stylistic aspects: abstract. Candidate of Philological Sciences. Moscow.: 2000. P. 24
5. Yanovsky C.D.. Memories of Dostoevsky // Dostoevsky F. M. in the memoirs of contemporaries. In 2 volumes. Vol. 1. Moscow: Art. lit.1990. p. 231.
6. Dostoevsky F.M. Complete works in 30 volumes. Vol. 6. Leningrad: Nauka, 1972-1988.
7. Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes. Moscow: Terra, 1995.
8. Tolstoguzov P.N. Frak in the text of Russian culture of the XIX century // Bulletin of the Amur State University, №2, 2017. Pp.100-111.
9. Novikova M.V. Costume as a reflection of the soul in F.M. Dostoevsky's novel "Demons": Nikolai Stavrogin and Petrusha Verkhovensky // Spirit, soul and body in world culture: materials of the I All-Russian Scientific and Practical Conference, Voronezh, December 08, 2022. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2023. Pp. 153-156.
10. Preobrazhensky A.G. Etymological Dictionary of the Russian language. M., 1910-1914. Vol. 1. P. 233.

УДК 1751.82-3

DOI 10.36622/2587-9510.2024.95.16.009

*Воронежский государственный университет
аспирант кафедры истории и типологии рус-
ской и зарубежной литературы
Архипова Е.Ю.,
Воронеж, тел. 89038555338,
e-mail: arhipovaevgenia83@gmail.com*

*Voronezh State University
graduate student of the History and Typology of
Russian and Foreign Literature Departmen
Arkhipova E.Y.,
Voronezh, tel. 89038555338,
e-mail: arhipovaevgenia83@gmail.com*

Е.Ю. Архипова

ЛЮДИ И ЖИВОТНЫЕ У С. Т. АКСаКОВА И И. С. ТУРГЕНЕВА: СЕМАНТИКА ПОВЕСТВОВАНИЯ

В статье рассматриваются и сравниваются анималистические мотивы в творчестве С. Т. Аксакова и И. С. Тургенева. В ходе анализа делаются выводы о том, то охотник у С. Т. Аксакова является лишь наблюдателем, но не частью природы, в то время как у И. С. Тургенева он гармонично вписан в природный мир. Если у И. С. Тургенева можно встретить «звериные» мотивы в портретах персонажей, то для Аксакова это скорее нетипично и встречается в единичных случаях. В «Записках ружейного охотника» на первом плане – животные, в то время как у Тургенева охота представляет лишь некую рамку, а основное внимание уделено людям, их характерам, быту. Кроме того, у Тургенева не встречаются такие подробные и красочные портреты рыб, птиц и зверей, как в текстах Аксакова, который в целом разделяет человеческий мир и мир животных: один связан с нравственной стороной, другой – с эстетической. Они могут периодически пересекаться, но чаще всего человеческий мир описывается с точки зрения характера и поведения его представителей, а мир животных – с точки зрения внешних (визуальных или поведенческих) особенностей, отличающих одни виды от других.

Ключевые слова: охота, природный мир, животные, человек, анималистические мотивы, С. Т. Аксаков, И. С. Тургенев.

E.Y. Arkhipova

PEOPLE AND ANIMALS IN THE PROSE OF S. T. AKSAKOV AND I. S. TURGENEV: SEMANTICS OF NARRATORY

The article examines and compares animalistic motifs in the prose of S. T. Aksakov and I. S. Turgenev. During the analysis, conclusions are drawn that the hunter in S. T. Aksakov is only an observer, but not part of nature, while in I. S. Turgenev he is harmoniously integrated into the natural world. If in prose of I.S. Turgenev one can find “animal” motives in the portraits of characters, then for Aksakov this is rather atypical and occurs in isolated cases. In Aksakov’s “Notes of a gun Hunter,” animals are in the foreground while in Turgenev’s prose hunting represents only a certain frame, and the main attention is paid to people, their characters, and everyday life. In addition, Turgenev’s prose does not have such detailed and colorful portraits of fish, birds and animals as in the texts of Aksakov, who generally separates the human world and the animal world: one is associated with the moral side, the other with the aesthetic. They may overlap periodically, but most often the human world is described in terms of the character and behavior of its representatives, and the animal world in terms of external (visual or behavioral) features that distinguish one species from others.

Keywords: hunting, natural world, animals, humans, animalistic motives, S. T. Aksakov, I. S. Turgenev.

«Записки охотника» И. С. Тургенева [1] и «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова [2] были изданы примерно в одно время (в 1852 году) и имеют схожие названия. При этом, как известно, Тургенев высоко ценил прозу Аксакова, отмечая удивительное художественное чутье писателя при изображении птиц и зверей. Мы же сосредоточимся на том, чем два этих цикла отличаются друг от друга. Изучению данных произведений посвящено не так много исследований, однако существуют труды, в которых рассматриваются особенности их жанрового и художественного своеобразия. К ним можно отнести работы Э. М. Жиликовой [3], Л. К. Ишкиняевой [4], Е. П. Ни-

китиной [5, 6, 7], Т. Л. Селитриной [8, 9], П. М. Тамаева [10] и некоторые другие исследования.

В «охотничьей» прозе С.Т. Аксакова основную часть произведения занимают типологизация представителей животного мира и то, что с ней непосредственно связано. И в «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии», и в «Записках об уженье рыбы» [11] автор задается целью подробно рассказать о каждой рыбе, птице, о каждом звере и о способах, какими возможно их добыть.

Есть между двумя этими аксаковскими произведениями и некоторые композиционные расхождения – при общей аналитической, очерково-натуралистической установке. В обоих сначала описываются снасти для охоты / ловли, а затем уже – птицы, звери и рыбы. Но в «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии» главы посвящены не отдельным животным, а целым их группам, или разрядам, как их называет сам Аксаков: «Болотная дичь», «Водяная, или водоплавающая, дичь», «Дичь степная, или полевая», «Дичь лесная». Классификационный принцип отражен здесь и на этом уровне текста.

Если обратиться к тургеневским «Запискам охотника», то первое, что сразу же бросается в глаза, – эта иная повествовательная структура, в которой аналитическое начало композиционно не прослеживается никак. Но еще интереснее другое. Не менее страстный охотник, чем Аксаков, в своих «Записках охотника» Тургенев уделяет почти всё внимание совсем не животным, а людям и их характерам. Выражаясь метафорически, мы можем сказать, что рассказчик охотится за историями крестьян и помещиков, а охотничья деятельность выступает в качестве своеобразной рамки, в которую эти истории помещены. При этом стоит отметить, что тургеневские персонажи воспринимаются в первую очередь как носители определённых нравственных качеств. Крестьяне (и, в меньшей степени, дворяне) становятся объектом изучения, и рассказчик детально описывает их внешность, поведение, быт и т. д.

Пожалуй, наиболее ярко внимание рассказчика к мельчайшим деталям внешности крестьян заметно в рассказе «Бежин луг». Перед читателем выстраивается целая серия портретов детей, каждый из которых обладает своими, уникальными чертами. Например, старший, Федя, «был стройный мальчик, с красивыми и тонкими, немного мелкими чертами лица, кудрявыми белокурыми волосами, светлыми глазами и постоянной полувесёлой, полурассеянной улыбкой» [1; т. 3; С. 183]. Как видно, рассказчик обращает особое внимание на глаза, губы, форму лица, волосы применительно едва ли не к каждому герою рассказа. И это до некоторой степени эквивалентно аксаковскому описанию рыб и птиц с их подробными характеристиками цвета чешуи или перьев и т. д.

Вообще, в «Записках охотника» (особенно в некоторых текстах) можно найти характерные приметы физиологического очерка. Внимание к внешним деталям, подробное описание быта, создание определённых типажей – всё это сближает «Записки...» с этим жанром, своеобразным героем которого, по утверждению А. Цейтлина, становится «человеческая “толпа” её отдельных рядовых представителей» [12; с. 190]. И, соответственно, в аксаковской «охотничьей» прозе можно усмотреть некоторую попытку применить этот жанровый опыт к изображению животных. С. Т. Аксаков как бы возвращает жанр физиологии к его генетическим истокам.

Любопытно, что по-разному смотрят И. С. Тургенев и С. Т. Аксаков и на место человека в мире природы. Для автора «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии» охотник, когда он не занят своим «профессиональным» делом, является сторонним наблюдателем по отношению к флоре и фауне. Но в обеих ситуациях природа для него – внешний объект. У Тургенева же охотник является не просто созерцателем, но частью природы. Такой взгляд находит отражение и в восприятии аксаковских «охотничьих» текстов Тургеневым.

Так, в своей рецензии на «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» он пишет: «...всякий, кому дорого проявление жизни всеобщей, среди которой сам человек стоит, как звено живое, высшее, но тесно связанное с другими звеньями, – не оторвётся от сочинения г. А-ва» [13; с. 501]. И дальше: природа стремится к тому, чтобы «...каждая отдельная единица в ней существовала исключительно для себя, почитала бы себя средоточием вселенной, обращала бы всё окружающее себе в пользу, отрицала бы его независимость, завладела бы им как своим достоянием» [13; с. 502]. И, как полагает Тургенев, явно проецируя на аксаковский текст свое собственное представление о равенстве места человека в природе месту любого другого живого существа, именно это мы находим в «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии»: «...когда я прочел, например, статью о тетеревах, мне, право, показалось, что лучше тетерева жить невозможно...»; «Если б тетерев мог рассказать о себе, он бы, я в том уверен, ни слова не прибавил к тому, что о нем поведал нам г. А-в.» [13; с.

503, 504].

Тем не менее, рассказчик в тургеневских «Записках охотника» является, как то и обозначено в названии, охотником. Однако животные здесь хотя и упоминаются довольно часто, но как бы вскользь. Автор не останавливается на внешнем облике зверей, птиц или рыб, как это делает Аксаков, для которого животный мир является объектом не просто наблюдения глазами охотника и натуралиста, но эстетического любования.

Животные в «Записках охотника» могут иногда наделяться человеческими чертами, однако это происходит нечасто и отличается куда меньшей степенью пространности в сравнении с «Записками ружейного охотника Оренбургской губернии». К примеру, в последних мы можем прочесть, что «...утка – самая горячая мать. Когда собака или человек спугнет её с гнезда, для чего надобно почти наступить на него, то она притворяется какой-то хворую или не умеющею летать...» [2; с. 84]. Отмечается осторожность птицы; её желание уберечь птенцов от возможной опасности; бережное отношение к утятам; и т.п.

Что же касается портретов как таковых, то у Тургенева звери и рыбы их не имеют, и это уже принципиально отличает его от Аксакова. Сопоставим два отрывка и посмотрим, как авторы записок об охоте изображают представителей фауны. В «Записках об ужении рыбы» рассказчик, например, так описывает гольца, скрупулезно живописуя его внешний вид: «Имя его происходит от свойства кожи: она гола, на ней нет никакой чешуи; она очень тонка и скользка, какого-то неопределённого цвета: серовато-желтоватого или бланжевого с неправильными, неясными пятнами, более или менее тёмными <...> он совершенно кругл и пузаст...» и т.д. [11; т. 4; с. 34]. Совсем иная роль у животных в «Записках охотника». Вот типичная сцена оттуда: «Немного пониже крестьянская лошадь стояла в реке по колени и лениво обмахивалась мокрым хвостом; изредка под нависшим кустом всплывала большая рыба, пускала пузыри и тихо погружалась на дно, оставив за собою лёгкую зыбь. Кузнечики трещали в порыжелой траве...» и др. [1; с. 125]. Если у Аксакова перед читателем предстаёт целая галерея подробных портретов животных, то у Тургенева животные включены в общий пейзаж и составляют анималистический фон для развёртывания фабулы. Там, где Тургенев останавливается, чтобы обратиться к «человеческой» истории, Аксаков только бы начал знакомить читателя с обликом и повадками поименованных животных.

Напротив, в портретах людей у Тургенева нередко встречаются «звериные» черты, в то время как в «охотничьей» прозе Аксакова это не наблюдается, да и в его мемуарной трилогии исчисляется единичными случаями. Так, описывая Степушку, тургеневский рассказчик отмечает, что его «уши пребольшие, прозрачные, как у летучей мыши»; во внешности Зверкова (отметим специфику фамилии) он обращает внимание на «мышинные глазки», а о мельнике говорит, что у него «бычачий затылок» [1; с. 112, 115, 117]. А в рассказе «Однодворец Овсяников» подобное сравнение человека со зверем превращается в полное их слияние. Помещик, на котором красуется волчья шуба, становится свидетелем того, как мужики собираются топить француза. Сначала в отношении барина используется слово *помещик*, а шуба указывается в качестве верхней одежды. Однако в тот момент, когда француз молит о пощаде, происходит метонимический сдвиг: «А, а! – с укоризной *заговорила волчья шуба* (курсив наш – Е. А.), – с двенадцатью язык на Россию шёл, Москву сжёг, окаянный, крест с Ивана Великого стащил, а теперь – мусье, мусье! а теперь и хвост поджал!» [1; с. 156]. В итоге помещик предстаёт в образе хищника, от воли которого зависит чужая судьба. Более того, по отношению к французам сам барин применяет фразеологизм *поджечь хвост*, что сближает и пленного со зверем, только более слабым, ждущим своей участи.

Итак, как мы видим, «охотничьи» записки И. С. Тургенева и С. Т. Аксакова оказываются в повествовательном аспекте во многом зеркально противоположными. Тургенев сосредоточен на социально-психологической аналитике и портретировании людей, а Аксаков – на типологизации и живописании животных. Тургенев «анимализирует» людей – Аксаков «гуманизирует» животных. И за этим стоит различное понимание того, какое место в картине мира писателей отводится человеку, какое место в ней он занимает по отношению к природе. Если заострить это противопоставление, то можно было бы сказать, что Аксаков смотрит на природу извне, а Тургенев – изнутри, сознавая себя, наряду с другими живыми существами, одним из ее порождений.

Библиографический список

1. Тургенев И. С. Записки охотника // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука, 1979. Т. 3. 526 с.

2. Аксаков С. Т. Записки ружейного охотника Оренбургской губернии // Аксаков С. Т. Собр. сочинений: в 5 т. Москва: Правда, 1966. Т. 5. 488 с.
3. Жилиякова Э. М. Концепт охоты в «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова // Вестн. Том. гос. ун-та: филология. Томск. 2013. № 3. С. 52–62.
4. Ишкиняева Л. К. Жанровое своеобразие «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова // Третьи аксаковские чтения: материалы межвуз. науч. конф., посвящ. 220-летию со дня рождения С. Т. Аксакова / сост. и отв. ред. Л. А. Сапченко. Ульяновск. 2011. С. 248–256.
5. Никитина Е. П. «Записки охотника» И. С. Тургенева и С. Т. Аксакова: штрихи к истории творческого замысла / Нац. музей РБ, Аксаковский музей РБ, Аксаковский фонд; отв. ред. Г. О. Иванова; гл. ред. М. А. Чванов. Уфа. 2005. Вып. 4. С. 59–65.
6. Никитина Е. П. С. Т. Аксаков и И. С. Тургенев: к проблеме творческого диалога // Литература Урала: история и современность: материалы Всерос. науч. конф. «Литература Урала: проблема региональной идентичности и развитие художественной традиции». Екатеринбург. 2006. Вып. 2. С. 227–236.
7. Никитина Е. П. «Записки охотника» И. С. Тургенева и С. Т. Аксакова. Аксаковский сборник. Уфа: Национальный музей Республики Башкортостан, 2005. Вып. 4. С. 59–65.
8. Селитрина Т. Л. «Искусный рыболлов» Исаака Уолтона и «Записки об ужении рыбы» С. Т. Аксакова // Аксаковский сборник / ред.-сост. Г. О. Иванова. Уфа: Издательство «Башкортостан», 2008. Вып. 5. С. 178–189.
9. Селитрина Т. Л. Судьба древней мифологии в национальных литературах. «Охотничий цикл» С. Т. Аксакова // Аксаковский сборник / ред.-сост. Г. О. Иванова. Уфа: Мемориальный дом-музей С. Т. Аксакова, 2008. Вып. 5. С. 158–170.
10. Тамаев П. М. Природный мир на страницах охотничьих книг С. Т. Аксакова // Вестн. Иванов. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. Науки, Иваново. 2011. Вып. 1. С. 26–37.
11. Аксаков С. Т. Записки об уженье рыбы // Аксаков С. Т. Собр. сочинений: в 5 т. Москва: Правда, 1966. Т. 4. 480 с.
12. Цейтлин А. Г. Становление реализма в русской литературе (Русский физиологический очерк). Москва: Наука, 1965. 320 с.
13. Тургенев И. С. О «Записках ружейного охотника» С. Т. Аксакова // Соч.: в 12 т. Москва: Наука, 1980. Т. 4. 687 с.

References

1. Turgenev I. S. Notes of a hunter // Turgenev I. S. Complete works and letters: in 30 volumes Moscow: Nauka, 1979. Vol. 3. 526 p.
2. Aksakov S. T. Notes of a rifle hunter of the Orenburg province // Aksakov S. T. Collected works: in 5 volumes Moscow: Pravda, 1966. Vol. 5. 488 p.
3. Zhilyakova E. M. The concept of hunting in the "Notes of a rifle hunter of the Orenburg province" by S. T. Aksakov // Vestn. Volume of the State University: Philology. Tomsk. 2013. No. 3. pp. 52-62.
4. Ishkinyayeva L. K. Genre originality of the "Notes of a rifle hunter of the Orenburg province" by S. T. Aksakov // The third Aksakov readings: materials of the interuniversity. scientific conf., dedicated. 220th anniversary of the birth of S. T. Aksakov / comp. and ed. by L. A. Sapchenko. Ulyanovsk. 2011. pp. 248-256.
5. Nikitina E. P. "Notes of a hunter" by I. S. Turgenev and S. T. Aksakov: strokes to the history of a creative idea / Nats. Museum of the Republic of Belarus, Aksakov Museum of the Republic of Belarus, Aksakov Foundation; ed. by G. O. Ivanov; chief ed. by M. A. Chvanov. Ufa. 2005. Issue 4. pp. 59-65.
6. Nikitina E. P. S. T. Aksakov and I. S. Turgenev: on the problem of creative dialogue // Literature of the Urals: history and modernity: materials of the All-Russian Scientific Conference "Literature of the Urals: the problem of regional identity and the development of artistic tradition". Yekaterinburg. 2006. Issue. 2. pp. 227-236.
7. Nikitina E. P. "Notes of a hunter" by I. S. Turgenev and S. T. Aksakov. Aksakov's collection. Ufa: National Museum of the Republic of Bashkortostan, 2005. Issue 4. pp. 59-65.
8. Saltpetrina T. L. "The Skillful angler" by Isaac Walton and "Notes on fish eating" by S. T. Aksakov // Aksakov collection / ed.-comp. G. O. Ivanov. Ufa: Publishing House "Bashkortostan", 2008. Issue 5. pp. 178-189.
9. Selitrina T. L. The fate of ancient mythology in national literatures. "Hunting cycle" by S. T. Aksakov // Aksakov collection / ed.-comp. G.O. Ivanov. Ufa: Memorial House-Museum of S. T. Aksakov, 2008. Issue 5. pp. 158-170.
10. Tamaev P. M. The natural world on the pages of S. T. Aksakov's hunting books // Vestn. Ivanov. state University. Ser.: Humanit. Sciences, Ivanovo. 2011. Issue 1. pp. 26-37.
11. Aksakov S. T. Notes on fish eating // Aksakov S. T. Collected works: in 5 volumes Moscow: Pravda, 1966. Vol. 4. 480 p.
12. Zeitlin A. G. The formation of realism in Russian literature (Russian physiological essay). Moscow: Nauka, 1965. 320 p.
13. Turgenev I. S. On the "Notes of a rifle hunter" by S. T. Aksakov // Op.: in 12 volumes Moscow: Nauka, 1980. Vol. 4. 687 p.

УДК 82-1/9

DOI 10.36622/2587-9510.2024.73.72.010

*Воронежский государственный
технический университет
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Лапинская И.П.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: deni-mar@list.ru*

*Voronezh State Technical University
Doctor of Philology, Professor of the Department
of Russian language and Intercultural
Communication*

*Lapinskaya I.P.
Russia, Voronezh,
e-mail: deni-mar@list.ru*

*Воронежский государственный
технический университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Денисова М.А.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: deni-mar@list.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and Intercultural
communication
PhD, associate professor*

*M. A. Denisova
Russia, Voronezh,
e-mail: deni-mar@list.ru*

И.П. Лапинская, М.А. Денисова

ТЕКСТОВЫЙ СТАТУС ЦИКЛА ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Задачей настоящего исследования выступает выявление структурно-семантических особенностей такого типа текста, как цикл произведений, составленный автором. Материалом для анализа послужили «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» А.С. Пушкина. Объектом исследования стали структурно-семантические особенности этой формы. В частности, авторский выбор текстов, собственно повестей, их количество, последовательность представления и объём, а также способы обнаружения достоверности излагаемой информации. В пределах каждого из текстов, а значит, и цикла как целого, определялись особенности построения — выбор эпиграфа, принципы создания названий, типология имён собственных героев и топонимов, соотношение автора и издателя. Основным методом исследования — структурно-семантический. В целом для установления уникальности произведения А.С. Пушкина было необходимо использовать приёмы сравнения и сопоставления. Для этого анализ проводился с привлечением фактов «Маленьких трагедий» и повести «Дубровский», которые создавались практически одновременно с «Повестями Белкина». Было установлено, что, с одной стороны, малый объём текстов в цикле даёт возможность ввести множественность сюжетов, сделать произведение занимательным, с другой — сосредоточиться на одной идее, в данном случае — идее единства национальной жизни страны, которая проявляется в различии возраста героев, социально-сословной и территориальной отнесенности регионов, где живут герои в пределах страны. Безусловным остаётся следование традиции, исполнение воли родителей, что, по мысли автора, обеспечивает счастье молодым, верность узам брака. Это может усложнить личную жизнь, но сохраняет нравственную чистоту героев, не допуская греха измены.

Ключевые слова: текст, цикл, повесть, конструктивно-семантические компоненты: эпиграф, название, типология имён собственных, последовательность произведений в цикле.

I.P. Lapinskaya, M.A. Denisova

THE TEXT STATUS OF THE CYCLE OF WORKS

The objective of this study is to identify the structural and semantic features of such a type of text as a cycle of works compiled by the author. The material for the analysis was "The Stories of the late Ivan Petrovich Belkin" by A.S. Pushkin. The object of the study was the structural and semantic features of this form. In particular, the author's choice of texts, the actual stories, their number, sequence of presentation and volume, as well as ways to detect the reliability of the information presented. Within each of the texts, and therefore the cycle as a whole, the peculiarities of construction were determined - the choice of an epigraph, the principles of creating names, the typology of proper names of he-

roes and toponyms, the ratio of the author and publisher. The main research method is structural and semantic. In general, to establish the uniqueness of the work of A.S. Pushkin, it was necessary to use methods of comparison and comparison. To do this, the analysis was carried out using the facts of small tragedies and the story "Dubrovsky", which were created almost simultaneously with the "Belkin Stories". It was found that, on the one hand, the small volume of texts in the cycle makes it possible to introduce a multiplicity of plots, to make the work entertaining, on the other hand, to focus on one idea, in this case, the idea of unity of the national life of the country, which manifests itself in the difference in the age of the characters, the socio-class and territorial relationship of the regions where the characters live in within the country. Following the tradition and fulfilling the will of the parents remains unconditional, which, according to the author, ensures the happiness of the young, fidelity to the bonds of marriage. This can complicate personal life, but preserves the moral purity of the characters, preventing the sin of treason.

Key words: text, cycle, story, constructive-semantic components: epigraph, title, typology of proper names, sequence of works in the cycle.

В лингвистике термин текст используется для обозначения целого произведения. Текстом именуют и стихотворение, и рассказ, и повесть, и роман [1]. Очевидно, что границы текста – явление варьирующееся. Стихотворение занимает до страницы, рассказ может продолжаться до нескольких страниц. Роман предполагает определенное количество глав; более того, он иногда включает и несколько томов. Существуют и объединения романов, представляющие собой не просто многочастные – многотомные произведения, например, 4 тома эпопеи «Война и мир» Л.Н. Толстого, или трилогия А.Н. Толстого «Хождение по мукам», состоящая из 3 романов, каждый из которых имеет свое название: 1 том «Сестры», 2 том «Восемнадцатый год», 3 том «Хмурое утро».

Единство текста соблюдается в единстве действующих лиц, которые выступают основой разворачивания сюжета [2]. Все главные герои проходят через события, формирующие основу романа. С одной стороны, это свойство придает эпохальность описанию, с другой – автор обязан соблюдать целостность характеров, соотносить события из жизни одного героя с событиями в стране и семьях вокруг него [3]. Естественным следствием такого комплексного подхода оказывается возрастание объема текста и появление многотомных эпопей, дилогий и трилогий. Более того, внутри созданного таким образом целого сохраняется деление на части и главы.

Одним из вариантов объемной картины мира выступает цикл произведений. Такой цикл создается автором, им определяется состав текстов, их последовательность, выбор сюжетов, названий каждого из составляющих фрагментов и имен действующих лиц [4]. В русской литературе известны циклы «Повести покойного Ивана Петровича Белкина», изданные А.С. Пушкиным, «Записки охотника», «Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева, где обозначение художественной формы вынесено в название, при этом состав и последовательность произведений, что принципиально для цикла, заданы автором.

В цикле под названием «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» А.С. Пушкин представляет себя издателем. Этот прием усиливает объективность происходящего. «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А.П.» вышли в свет в 1831 году.

Отстраненность от создания сюжетов Пушкин обозначает уже в части «От издателя»; помечено, что «над каждой повестью рукой автора написано: слышано мною от такой-то особы (чин или звание и заглавные буквы имени и фамилии)» [5, с. 47]. Более того, сюжеты предстают как достаточно известная информация. Уже в начале текста обозначена отстраненность и автора, и издателя от того, что составляет содержание каждого из текстов. Так, «Смотритель» рассказан был ему титулярным советником А.Г.Н., «Выстрел» подполковником И.Л.П., «Гробовщик» приказчиком Б.В., «Метель» и «Барышня» девицею К.И.Т. [5, с. 47]. Эти уточнения работают на достоверность сюжетов. Как сказано в части «От издателя», названные повести были первым опытом Белкина. Кроме того, неполное соответствие рассказанных Белкину историй с названиями повестей свидетельствует о работе автора-издателя: например, повесть, основанная на сюжете «Барышни», в цикле Белкина получает название «Барышня-крестьянка», сюжет «Смотрителя» в повестях Белкина публикуется под названием «Станционный смотритель».

Обращает на себя внимание и то, что указанная издателем последовательность сюжетов не соблюдается в повестях. Если в произведении Белкина задан такой порядок: «Выстрел», «Метель», «Гробовщик», «Станционный смотритель», «Барышня-крестьянка», то в рукописи Белкина, как пишет издатель, порядок иной: «Смотритель», «Выстрел», «Гробовщик», «Метель» и «Барышня». Изменение последовательности сюжетов выполняет важную смысловую функцию. Знакомство читателя

с текстом при таком расположении фрагментов постоянно углубляет и расширяет картину того, что представляет собой русский характер и какова национальная жизнь в стране.

Углубление в русский национальный характер становится еще более очевидным на фоне того, что одновременно с повествовательным текстом «Повестей Белкина» Пушкин создает драматические произведения – так называемые маленькие трагедии. Их сюжеты представляют не случаи из жизни русских людей разных сословий – например, «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери» и др. – а западноевропейскую литературу и иной национальный характер. Трагические сюжеты драматических произведений разворачивают негативные черты личности героев и отрицательное влияние их на судьбы действующих лиц. Так, персонаж «Скупого рыцаря» готов убить родного отца ради того, чтобы иметь право и возможность тратить накопленное отцом золото. Зависть композитора Сальери к своему более талантливому коллеге толкает его на отравление Моцарта в трагедии «Моцарт и Сальери». Сюжеты повестей Белкина принципиально отличаются от событий, представляющих культуру Западной Европы. Они во всех повестях позитивно влияют на героев, принимающих в них участие.

Обращает на себя внимание выбор названий для повестей Белкина. Как правило, заголовки повестей в отечественной литературе обладают большей степенью развернутости [6]. Приведем два примера: так, повесть Н.В. Гоголя называется «Повесть о том, как Иван Иванович поссорился с Иваном Никифоровичем», произведение того же жанра Б.Н. Полевого, написанное практически через сто лет, получает название «Повесть о настоящем человеке».

В анализируемом цикле принцип выбора названий иной. Во-первых, они лаконичны. Во-вторых, два из них – «Выстрел», «Метель» – называют события. Одно из них отражает поступок из межличностных отношений, другое – природное явление. Остальные названия представляют героев по социальным характеристикам: «Гробовщик», «Станционный смотритель», «Барышня-крестьянка». Другими словами, уже на уровне введения в сюжет социальное и природное выступают в национальной жизни страны в полной гармонии, позитивно характеризуя все, о чем идет речь в каждой повести.

Обратим внимание на еще одно проявление автора – наличие эпитафий у каждой из повестей. Представим их в текстовой последовательности.

Повесть «Выстрел» предваряет двойной эпитаф:

«Стрелялись мы.

Баратынский» [5; с.48].

«Я поклялся застрелить его по праву дуэли (за ним остался еще мой выстрел).

Вечер на бивуаке» [5; с. 48].

Приведем эпитаф к повести «Метель»:

«Кони мчатся по буграм,

Топчут снег глубокой ...

Вот, в сторонке божий храм

Виден одинокий.

.

Вдруг метелица кругом;

Снег валит клоками;

Черный вран, свистя крылом,

Вьется над санями;

Вещий стон гласит печаль!

Кони торопливы

Чутко смотрят в темну даль,

Воздымая гривы... .

Жуковский» [5; с. 59].

Повесть «Гробовщик» вводится таким эпитафом:

«Не зрим ли каждый день гробов,

Седин дряхлеющей вселенной?

Державин» [5; с.69].

Эпитаф «Станционного смотрителя» такой:

«Коллежский регистратор,

Почтовой станции диктатор.

Князь Вяземский» [5; с.75].

Венчает ряд эпитафов в повести «Барышня-крестьянка»:

«Во всех ты, Душенька, нарядах хороша. Богданович» [5; с.85].

В системе эпитафий богато представлена современная для издателя повестей отечественная литература. Однако информация из части «От издателя» создает образ мягкосердечного, не увлекающегося ни ведением хозяйства, ни чтением литературы помещика. Трудно соотносить информацию об Иване Петровиче Белкине из части «От издателя» и его широкую эрудицию, которую демонстрируют эпитафии. Более того, обращает на себя внимание то, что эпитафия из «Недоросля» предваряет не одну из повестей, а фрагмент «От издателя». Эти два фактора намекают на то, что все эпитафии принадлежат издателю и демонстрируют его богатую эрудицию в области современной ему словесности. Более того, наличие эпитафии, как и утверждаемая роль издателя, уравнивает все составные части повести. Ведь «От издателя» тоже опирается на текст иного автора.

Единым оказывается принцип выбора для эпитафий цитат из современной литературы и их соотношение с содержанием повестей. Они напрямую не сообщают о смысле произведения, сосредотачиваясь на его событийной основе. Они по-своему конкретизируют название, но не предсказывают смысл произведения. Смысл каждой из повестей раскрывается только после прочтения целого произведения и осмысления его с учетом личного опыта читателя.

Включенность в цикл каждой из повестей и части «От издателя» выполняет важную текстовую функцию: множественность сюжетов расширяет границы повествования и углубляет его смысловую зону. Краткость текстов совмещается с тем, что основная смыслообразующая информация закрепляется в тексте, а отсутствие необходимых в крупной форме единства сюжета и действующих лиц позволяет сосредоточить внимание только на значимых для текста конкретных повести элементах информации [7].

Для сопоставления назовем повесть Пушкина «Дубровский», написанную после завершения исследуемого цикла – в 1832 г. По объему она практически совпадает с «Повестями Белкина». В ней все события организованы вокруг заглавного героя. Поэтому повествование приходится ограничивать тем, что его действия приводят к нарушению закона и он превращается в атамана, который вынужден скрываться. Позитивной перспективы судьбы героя повесть не обнаруживает. Кроме того, в конце произведения становится ясно, что развитие сюжета, которое предполагает обозначение текста как первого тома, будет осуществляться в ином пространстве и с иной социальной ролью героя.

В «Повестях Белкина» выбор самих сюжетов ориентирован на занимательность повествования. То, что все они разворачиваются в русской, как бы мы сейчас сказали, провинции и составляет единство дискретно представленного времени и места [8]. Кстати, в названных циклах И.С. Тургенева и И.А. Бунина соблюдается тот же принцип дискретности в представлении пространства и времени.

Единство героев цикла также соблюдается, но и оно специфически представлено. Или оно обозначено в заглавии – охотники, как у Тургенева, или действующие лица объединены общностью места действия, как в «Темных аллеях», или характеристики героев таковы, что это не требует отдельного указания. Так, в «Повестях Белкина» в трех сюжетах, кроме «Гробовщика» и «Станционного смотрителя», в которых главные действующие лица взаимодействуют с представителями разных социальных групп, героями событий выступают уездные дворяне.

Социально обусловлен выбор имен героев и использование их в общении между собой. Достаточно часто используются сокращения фамилий. Видимо, это связано с узнаваемостью принадлежности к определенным дворянским родам. Так, в повести «Выстрел» имена героев таковы: Сильвио, Р***, графиня Б***, графиню муж называет Машею. В повести «Метель» дворяне именуются по имени-отчеству: Гаврила Гаврилович Р***, Марья Гавриловна, Владимир Николаевич или Владимир, или указания на социальную принадлежность: раненый гусарский полковник Бурмин. Для слуги достаточным оказывается указание имени, да еще в разговорной форме: Терешка.

«Барышня-крестьянка» представляет широкий выбор имен. Дворяне называются по имени, отчеству и фамилии: Иван Петрович Берестов, Григорий Иванович Муромский, Лизавета Григорьевна Муромская – Бетси (как ее называют дома на английский манер); слуги и (или) крестьяне представлены по тем обязанностям, что они исполняют: Трофим-пастух, Василий-кузнец, Акулина (крестьянка), Настя – служанка Лизы; крестьянские девушки представлены именами – Ненила, Дунька, пожилая крестьянка названа Анисья Егоровна. Англичанка, которая воспитывает молодую дворянку Муромскую, – это мадам англичанка, мисс Жаксон.

В «Станционном смотрителе» героиня представлена как Дуня, дочь смотрителя в те времена, когда она еще жила с отцом. В конце повести ее именуют Авдотья Самсоновна, что свидетельствует об изменении ее социального статуса. Имена Самсон Вырин, ротмистр Минский тоже свидетельствуют о разном социальном статусе героев. Ясно, что станционный смотритель не принадлежит к дворянскому сословию, тогда как ротмистр – обязательный дворянин. Понятно и другое. Если Минский представлен как ротмистр, значит, он до сих пор служит. А жениться офицерам разрешалось только по выходе в отставку. Следовательно, Авдотья Самсоновна, спустя годы приехавшая к отцу в карете, запряженной шестеркой лошадей, с тремя маленькими барчатами, кормилицей и черной моськой, так и остается сожительницей сманившего ее проезжего повесы.

В «Гробовщике»: герои – дочери заглавного персонажа представлены без отцеств, хотя их отец называется по профессии, т.е. сословию. Акулина и Дарья – дочери гробовщика, Лотхен, дочь ремесленника, героини-недворяне, как и в иных повестях, представлены именем, иногда национальностью и профессией: немец – ремесленник Готлиб Шульц, старая купчиха Трюхина, работница Аксинья. В отличие от всех последующих, первый клиент гробовщика, судя по имени, был дворянином отставной сержант гвардии Петр Петрович Курилкин.

Перейдем к анализу названий населенных пунктов, упоминаемых в повестях. В «Выстреле» названия создаются о тому же принципу, что и имена. Многие из них так и не расшифровываются: местечко ***, бедная деревенька ***. Герои «Метели» находятся в поместье Ненарадово, селе Жадрино, упоминается также ***ская губерния, станция ***, Петербург, Демутов трактир.

Время действия повестей узнается и по поведению героев. Офицеры выбирают для решения проблем дуэль, молодые дворяне романтически начитаны, поэтому им в голову приходит решение личных проблем таким образом, какой вычитан в популярной романтической литературе. Влюбленные «Метели» решили пожениться тайно, а потом признаться во всем родителям. Герой «Барышня-крестьянка» тоже решил сам определить свою судьбу – жениться на крестьянке, которую он искренне полюбил, отказаться от богатства и жить своим трудом.

Самая важная информация из текста, вывод открывается только после прочтения произведения целиком. Надо сказать, что эпиграфы в этом процессе играют своеобразную роль. Они сосредотачивают внимание на основном событии сюжета, но не открывают тайн смысла текста. Он становится понятным после соотнесения того, что произошло, с событиями личной жизни читателя. Иными словами, осмысление причинно-следственных отношений между событиями происходит спустя время после прочтения. Так, в «Выстреле» важно для понимания русского характера, что затаивший обиду офицер проявляет великодушие и не убивает противника, не мстит за нанесенную в давние годы обиду. То, что он отказался от выстрела не потому, что потерял квалификацию, доказывают два выстрела один в один.

В «Метели» буран расставляет точки над «и». Казалось бы, исполнилось то, о чем героини мечтали. Только в конце повести становится очевидным, что произошла ошибка – венчание соединило не тех героев. Только их последний разговор спустя годы сделал очевидным то, что произошло. Важно, что верность таинственному супругу и он, и она хранят всю жизнь. Это важное проявление национального характера.

В «Гробовщике» герой попадает по собственному желанию в мир его клиентов, но все, что он там видит и слышит, он утром «запивает» спиртным. И трудно различить, где сон, а где видения. Мистика не обогащает русский характер. Напомним, что решение проблем в маленьких трагедиях происходит с участием потусторонних сил – ожившая статуя восстанавливает справедливость в «Каменном госте».

Поступки героини «Станционного смотрителя», с одной стороны, объясняются ее возрастом и социальным положением: дочь станционного смотрителя в начале текста и состоятельная барыня в конце повести. С другой стороны, ее беспокойство остается от того, что служивший офицер, который ее увез, так и не сделал ее своей женой, а понимание того, что судьбу свою она решила без благословения отца, усиливало чувство вины.

«Барышня-крестьянка» венчает способы раскрытия социальных традиций русского человека и нравственного единства нации. «Во всех нарядах» героиня проявляет единство национального характера. Более того, завершение сюжета венчает событие, тоже существенное для характеристики русской жизни – судьбы героев будут продолжаться так, как это принято в национальной жизни. Молодые выполняют волю родителей и обвенчаются. Все «Повести Белкина» пронизаны легким юмором. Изложение увлекает, и естественным кажется желание читать дальше.

Так, целостность и единство автора, отмечаемые в общности приемов создания героев и социума, в котором они реализуются, гармонично сочетаются в пределах такой формы текста, как цикл.

Библиографический список

1. Реферовская Е.А. Лингвистические исследования структуры текста / Е.А. Реферовская. Л.: Наука, 1983. 216 с.
2. Лотман Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. М.: Искусство, 1970. 384 с.
3. Кожевникова Н.А. Типы повествования в русской литературе XIX – XX вв. / Н.А. Кожевникова. М.: Наука, 1994. 267 с.
4. Корман Б.О. О целостности литературного произведения // Б.О. Корман. Избранные труды по теории и истории литературы. Ижевск, 1992. С. 47 – 62.
5. Пушкин А.С. Сочинения: В 3 т. Т. 3 Проза. Минск: Мастацкая літаратура, 1987. 526 с.
6. Кожин Н.А. Заглавие художественного произведения: онтология, функции, типология / А.Н. Кожин // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1986. С. 167-183.
7. Успенский Б.А. Поэтика композиции (Структура художественного текста и типология композиционной формы) / Б.А. Успенский // Семиотика искусства. М., 1995. С. 9-220.
8. Чернейко Л.О. Смысловая структура художественного текста и принципы ее моделирования / Л.О. Чернейко // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: сб. ст., посвящ. юбилею Г. А. Золотовой. М., 2002. С. 449-460.

References

1. Referovskaya E.A. Linguistic studies of the structure of the text / E.A. Referovskaya. L.: Nauka, 1983. 216 p.
2. Lotman Yu.M. The structure of a literary text / Yu.M. Lotman. M.: Iskusstvo, 1970. 384 p.
3. Kozhevnikova N.A. Types of narration in Russian literature of the XIX – XX centuries / N.A. Kozhevnikova. M.: Nauka, 1994. 267 p.
4. Korman B.O. On the integrity of a literary work // B.O.Korman. Selected works on the theory and history of literature. Izhevsk, 1992. P 47-62.
5. Pushkin A.S. Essays: In 3 vols. 3 Prose. Minsk: Mastatskaya litaratura, 1987. 526 p.
6. Kozhin N.A. The title of a work of art: ontology, functions, typology / A.N. Kozhin // Problems of structural linguistics. M.: Nauka, 1986. P. 167-183.
7. Uspensky B.A. Poetics of composition (Structure of a literary text and typology of a compositional form) / B.A. Uspensky // Semiotics of art. M., 1995. P. 9-220.
8. Cherneyko L.O. Semantic structure of a literary text and principles of its modeling / L.O. Cherneyko // Communicative and semantic parameters of grammar and text: collection. art., dedicated. anniversary of G. A. Zolotova. M., 2002. P. 449-460.

УДК 81'276.5

DOI 10.36622/2587-9510.2024.44.81.011

*Воронежский государственный университет,
канд. филол. наук,
доцент кафедры русского языка как ино-
странного*

Вязовская В.В.

Россия, г. Воронеж,

e-mail: v_vyazovskaya@inbox.ru

*Voronezh State University
The chair of Russian language as a Foreign
PhD, associate professor*

Vyazovskaya V.V.

Russia, Voronezh,

e-mail: v_vyazovskaya@inbox.ru

В.В. Вязовская

ОНОМАСТИКА Н.С. ЛЕСКОВА В ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Статья посвящена аспектам изучения ономастики великого русского классика XIX века Н.С. Лескова. Ономастическая лаборатория этого мастера пера привлекает все большее внимание филологов, которые в своих исследованиях пытаются вскрыть её приёмы и методы. Большинство исследователей сходятся во мнении, что Н.С. Лесков высоко ценил значимость имен собственных, что нашло свое отражение в его записных книжках, заметках, публицистике и художественных текстах. Для писателя характерно частое использование в публицистических текстах придуманных им самим псевдонимов и криптонимов, большая часть из которых связана с фактами его биографии. Онимы в художественных текстах Н.С. Лескова являются полифункциональными единицами. Н.С. Лесков, нарекая своих персонажей, тяготел к реальным именам, что позволяло добиться эффекта документализма повествования. Этому писателю принадлежит большая заслуга в формировании орловского текста русской культуры, одним из элементов которого является ономастический код, объединяющий произведения данного региона России. Имена литераторов лесковских текстов являются прецедентными. Рассмотренные научные работы, посвященные ономастике Н.С. Лескова, свидетельствуют о растущем интересе к личности и творчеству этого великого мастера художественного слова.

Ключевые слова: Н.С. Лесков, онимы, язык Н.С. Лескова, псевдонимы, литераторы, криптонимы, записные книжки Н.С. Лескова, автобиографизм, орловские сюжеты.

V.V. Vyazovskaya

N.S. LESKOV'S ONOMASTICS IN PHILOLOGICAL SCIENCE

The article is devoted to study aspects of the onomastics of the great Russian classic of the 19th century N.S. Leskov. The onomastic laboratory of this master of the pen is attracting increasing attention from philologists who, in their research, are trying to reveal its techniques and methods. Most researchers agree that N.S. Leskov highly valued the importance of proper names, which was reflected in his notebooks, notes, journalism and literary texts. The writer is characterized by the frequent use of pseudonyms and cryptonyms invented by him in his journalistic texts, most of which are related to the facts of his biography. Onyms in literary texts by N.S. Leskov are multifunctional units. N.S. Leskov, when naming his characters, gravitated towards real names, which made it possible to achieve the effect of documentary storytelling. This writer deserves much credit for the formation of the Oryol text in Russian literature through the onomastic space of his works relating to this region of Russia. The names of the writers of Leskov's texts are precedent. Scientific works devoted to onomastics by N.S. Leskov is analyzed and it confirms growing interest to the personality and creativity of this great master of fiction.

Стиль Н.С. Лескова отличался, по мнению Л.Н. Толстого, «exuberance образов, красок, характерных выражений» [1; с.198]. Эта перенасыщенность языка резко выделяла Н.С. Лескова среди его коллег-литераторов, определяя своеобразие его творчества. Ф.М. Достоевский в своей статье «Ряженный» (1873) так охарактеризовал манеру письма Н.С. Лескова: «Я узнал вас, г-н ряженный, по слогу. <...> у вас пересолено» [2].

Интерес к оригинальной языковой манере письма этого мастера пера впоследствии породил интерес к именам его персонажей. Одним из первых, достаточно резко высказавшихся об имьятворчестве Н.С. Лескова, был современник писателя критик М. Протопопов: «Точно не доверяя разумно читателя, онъ

спѣшить разукрасить своего героя чисто-внѣшними и почти всегда безвкусными атрибутами, т.е. или назовѣть его какимъ-нибудь сверхъестественнымъ именемъ (Шерамуръ, Навскокъ, Овцебыкъ и проч., и проч.)» [3; с. 187].

С течением времени вектор восприятия творческого наследия Н.С. Лескова поменялся. Во многом этому способствовала высокая оценка, данная М. Горьким: «Лесков – тоже волшебник слова, но он писал не пластически, а рассказывал и в этом искусстве не имеет равного себе» [4]. Советский литературовед Л.П. Гроссман в своей книге «Жизнь – творчество – поэтика» (1945) отмечал, что писатель живо интересовался именем, историей его появления: «<...> к впечатлениям детства относятся столь детально развёрнутые впоследствии Лесковым сведения о происхождении фамилий русского духовенства <...>. К этому же источнику восходит, вероятно, интерес Лескова к старинным русским именам, как *Пересвет*, *Ростислав*, *Боголеп*, *Воин*, *Разумник*, *Рогнеда*» [5; с. 272].

Несомненно, что Н.С. Лесков, выбирая имя для своих персонажей, стремился задействовать весь его богатейший потенциал. По словам О.С. Крыловой, «Н.С. Лесков, признанный художник слова, с особым вниманием относится к выразительному именованию, умению «крестить» свои творения» [6; с. 483]. Сходную мысль высказывает М.Е. Ляпидовская: «Лесков Н.С., склонный к занимательному, оригинальному и причудливому, проявлял особую изобретательность и в подборе, конструировании личных имён персонажей» [7; с. 68]. О кропотливой предварительной работе писателя над именами своих персонажей свидетельствует список из его записных книжек, исследованный в работах Т.С. Карской [8], В. Гебель: «*Фифидий* – мот; *Горюний* – нет середины ни в чём; *Фавония* – госпожа, у которой много рабов; *Рутиль* и *Персий* – богаты» [9; с. 109].

Исследователи ономастической лаборатории Н.С. Лескова сходятся во мнении, что имя собственное выполняет различные функции в текстах этого писателя: работы В.В. Вязовской [10], Т.П. Слесаревой [11], Л.В. Алешинной [12] и др. Так, Л.И. Вигерина, анализируя имена в рассказе «Тупейный художник» (1861), указывает, что «имя персонажа выполняет характерологическую, сюжетообразующую, идеологическую функции, направляя читательское восприятие, создавая символический подтекст рассказа, намечая глубинную перспективу сюжета и образов» [13; с. 174].

В центре внимания В.В. Леденевой находится имя Святого князя Владимира в концептуальном пространстве текстов Н.С. Лескова. Как известно, фигура крестителя Руси является одной из самых значительных в истории православия. В.В. Леденёва, относя это имя к прецедентным, отмечает, что оно «неразрывно связано с важными представлениями автора, с жизнью души, которая проявляется в искренней и эмоциональной реакции писателя» [14; с. 23], что находит свое яркое воплощение на страницах его текстов.

Л.В. Алешина в своей работе описывает ряд окказионализмов, в основе которых лежат онимные единицы: *сфарлафить* – «позорно струсить подобно Фарлафу» (от имени пушкинского героя Фарлаф); отфамильные квалитативы: *Фор*, *Фоша* (от фамилии Форов) и др. [12; с. 92, 93]. Учёный предлагает следующую интерпретацию топонима *Всеведа*: «<...> Всеведа выступает как метафорическое обозначение провинции, которая, якобы, в отличие от столиц, так мудра, что не даёт себя обмануть: Провинция – это волшебница Всеведа: она до всего доберется» [12; с. 91].

М.Е. Ляпидовская, рассмотрев природные имена персонажей сказки Н.С. Лескова «Час воли божией» (1890) (*Дубовик*, *Полевик*, *Водовик*), приходит к выводу, что «процесс семантизации имени происходит за счёт онимизации апеллятива, вовлечения апеллятива в ономастикон художественного текста» [7; с. 68].

Научная работа Головачевой О.И. [15] раскрывает особенности функционирования онимов различных разрядов в публицистике Н.С. Лескова. По замечанию О.И. Головачевой, «лесковская публицистика отличается точностью и емкостью онимического пространства» [15; с. 428], в котором онимы выполняют различные функции. Так, мифонимы *Юпитер* и *Олимп* вводятся «в текст с целью создания иронии, нередко переходящей в сарказм», также они «участвуют в создании языковой игры» [15; с. 430]. О.И. Головачева приходит к выводу, что рассмотренные имена собственные «демонстрируют полифункциональность, работают на сверхзадачу автора: показать несовершенство системы» [15; с. 431].

Важным направлением в исследованиях ономастики Н.С. Лескова стало изучение псевдонимов и криптонимов, как относящихся непосредственно к личности писателя, так и к его героям. Андрей Лесков, сын писателя и один его биографов, указывает, что одним из первых псевдонимов отца был *Стебницкий*, представлявший собой видоизмененную фамилию отца учителя *Сребницкий* [16; с. 128]. Очевидно, что немалая часть из таких вымышленных имен тесно связаны с фактами из биографии писателя: «*Н. Лесков-Стебницкий*» и «*М. Лесков-Стебницкий*», «*Николай Горохов*», «*Николай –ов*», «*Н. Л.*», «*Н. Л–в*», «*Любитель старины*», «*Любитель часов*», «*N.L.*», «*Л.*» и др. [16; с. 129]. Например, инициалы «*N.L.*» были выигра-

вированы на печатке, которую носил Н.С. Лесков [16; с. 51]. Псевдонимы «*Любитель старины*», «*Любитель часов*» отсылают к страстному увлечению Н.С. Лескова, выразившемуся в коллекционировании различных предметов антиквариата. В воспоминаниях современников писателя обнаруживается сходное восприятие его дома как хранилища предметов искусства. Е.И. Борхсениус пишет: «При первом моем посещении его квартиры меня поразило убранство кабинета, который походил на маленький музей. В нем было много старинной мебели, гравюр, картин и обилие часов, которые били одновременно, аккуратно заводимые любительской рукой хозяина. Тут были и старинные английские, и швейцарские, и другие заграничные часы» [17; с. 493]. Об обилии часовых механизмов «всякого вида и размера» упоминает также Л.И. Веселитская [18; с. 514].

Будучи внимательным к выбору своего «тайного» имени, Н.С. Лесков не мог не замечать псевдонимы других людей, особенно тех, кто трудился с ним на литературной ниве. В.А. Туниманов проанализировал обширный список псевдонимов, которые Н.С. Лесков часто использовал в ходе своей переписки по самым разным вопросам, а также обозначил тех, кто скрывался за ними: «*Пыляч*» (М.И. Пыляев), «*Бобоша*», (Б.М. Маркевич), «*церквин сын Тертый*» (Т.И. Филипов), «*отец Пэтр*» (переписчик П.А. Богословский), «*Поша*», «*Не-Гайдуков*» (П.И. Бирюков), «*фрейшиц*» (В.А. Фаресов), «*Модестыч*» (А.М. Хирьяков), «*Николавра*», «*Безешник*» (Н.Н. Ге), «*благочинный из Россоши*» (В.Г. Чертков), «*подкузьмич*», (П.К. Мартьянов), «*Тер-Пигор*» (С.Н. Терпигорев), «*Мимочка*», «*пренепорочная Лидия*» (Л.И. Веселитская), «*Пержан*» (Иоанн Кронштадтский) и др. [19; с. 50].

Криптонимам героев художественных произведений Н.С. Лескова посвящены работы Р.М. Алексиной [20], А.М. Ранчина [21] и ряда других исследователей. Р.М. Алексина расшифровала криптоним «квартильного князя С-в», героя рассказа «Юдоль» (1892), прототипом которого послужила реальная фигура участкового пристава *Солнцева Петра Фаддеевича*, жившего в Орловской губернии согласно Спискам потомственных и личных дворян (1843-1847) [20]: «Его авторская характеристика совпадает с характеристикой героя из «Грабежа»: в князе «только то и было, что он был молод и холост, но совсем необразован, и вдобавок, по совершенной бедности, служил квартальным» [20; с. 595]. Раскрыта также героиня *княгиня Д** – «Прасковья Николаевна Давыдова, вдова «полковника Владимира Денисова сына Давыдова», приходившегося дядей поэту-партизану Денису Давыдову, а также родным братом генерал-майору флигель-адъютанту Л.Д. Давыдову (отцу декабриста В.Л. Давыдова) и М.Д. Ермоловой (матери А.П. Ермолова и А.М. Каховского)» [20; с. 595].

А.М. Ранчин проследил вариации криптонимов персонажей Н.С. Лескова: «в журнальной и книжной редакциях «Очерков в письмах» «замены» криптонима на имя, неопределенного обозначения героя (типа «один студент», «один военный») на криптоним, сокращенные имя и фамилию <...> всегда не случайны и могут многое сообщить об изменении взглядов и настроений писателя в период с 1863 по 1867 г. [21; с. 266]. А.М. Ранчин приходит к выводу, что в некоторых случаях «замена трудно раскрываемых криптонимов более прозрачными связаны с чисто информативными целями: писатель стремился подчеркнуть достоверность очерков, документальный характер повествования» [21; с. 266].

Тезис о том, что писатель тяготел к использованию реальных имён в своём творчестве, находит своё подтверждение в научных изысканиях А.М. Лужановского [22], Н. Шахова [23], А.В. Кузьмина [24] и др. Среди подобных исследований выделяется особое направление – изучение орловского текста. Р.М. Алексина в своей статье «Орловские источники сюжетов Лескова (По документам Государственного архива Орловской области)» [20] установила имена реальных жителей Орла, послуживших прототипами для героев рассказов «Грабёж» (1887), «Юдоль» (1892), повести «Житие одной бабы» (1863) и др. Имена орловцев, запечатленные в произведениях Н.С. Лескова, тесно связаны с событиями, происходившими в Орловской губернии, так и с моментами автобиографии самого писателя. Р.М. Алексина указывает, что в «письме к В.М. Лаврову Лесков сообщал, что в основу рассказа «Грабёж» (1887) положен реальный случай из орловской жизни; «...место действия – Орел и отчасти Елец. В фабуле был перемешан с небылицей, а в общем – веселое чтение и верная бытовая картинка воровского города за шестьдесят лет назад, при Трубецком и Куриленко» (XI, 359). Генерал-майора князя П.И. Трубецкого, как и многих других реальных лиц, Лесков вывел в рассказе под их собственными именами» [20; с. 594].

М.М. Морозова полагает, что Н.С. Лесков сыграл огромную роль в формировании образа орловской земли в русской культуре: «В процессе художественного освоения Орловщины Лесков заложил основу орловского текста (сверхтекста в понимании В.Н. Топорова), описав художественно города и поселки Орловского края и включив в свои произведения особенности природы, хозяйства, истории, географии и культуры Орловского края [25; с. 52]. По словам М.М. Морозовой этот мастер пера дал название «берегу Оки в Орле – Тургеневский бережок» [25; с. 51]. М.М. Морозова отмечает мысль писателя о важности Орла как места рождения великого русского писателя И.С. Тургенева: «Здесь же было бы хорошо поместить памятный знак

с обозначением, что в Орле увидел свет Тургенев» [25; с. 51]. Таким образом, нельзя не согласиться с автором статьи, что «Н.С. Лесков является не только ключевым писателем Орловского края, но и важным хранителем его литературного пространства» [25; с. 52].

Н.С. Лесков был известным библиофилом и имел страсть к собирательству ценных и редких изданий. Л.Н. Афонин, описавший библиотеку писателя, указывает, что больше всего в ней насчитывалось произведений русских классиков – 111 томов [26; с.133]. Это сочинения, принадлежавшие перу А.Н. Радищева, В.А. Жуковского, А.С. Грибоедова, Н.В. Гоголя, Н.А. Некрасова и др. [26; с.133]. Н.С. Лесков мастерски вплетал в ткань художественного текста реалии мира русской классической литературы.

Именам литераторов и их творчеству в текстах Н.С. Лескова посвящены научные изыскания В.В. Леденёвой [27, 28, 29], М. Кучерской [30], В.В. Вязовской [31], А.А. Новиковой-Строгановой [32] и др. В.В. Леденёва посвятила цикл работ, посвященных именам Н.А. Некрасова, А.Н. Островского, М.Ю. Лермонтова в рецепции Н.С. Лескова [27,28, 29]. По мнению В.В. Леденёвой, имена всех этих русских писателей являются прецедентными. Так, проанализировав имя А.Н. Островского, автор работы заключает: «Употребление проприальной лексики (имени А. Н. Островского, наименований его произведений, героев их персонажных зон), ставших крылатыми фраз из реплик действующих лиц, оценка частоты использования такой единицы, как «жесткие нравы», указывают на высокую значимость антропонима в текстах Н.С. Лескова, свидетельствуют о прецедентном характере и ценности онима в его антропонимиконе как языковой личности» [28; с.29]. Роли личности великого русского классика И.С. Тургенева в текстах Н.С. Лескова посвящено исследование А. Новиковой-Строгановой, которая отмечает: «Тургеневское творчество – глубоко правдивое, не имеющее фальшивых нот, – было своего рода камертоном для Лескова», «в художественную ткань лесковского текста органично вплетаются тургеневские цитаты, созвучные настроению «позднего» Лескова и идейно-художественному пафосу его произведений [32; с.99].

Таким образом, рассмотренные научные исследования, свидетельствуют о возрастающем интересе ученых-филологов к ономастической лаборатории Н.С. Лескова. С развитием отечественной филологии круг работ, посвященных именам собственным текстов этого писателя, расширяется, а сами исследования становятся комплексными.

Библиографический список

1. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 65. (Серия третья. Письма). Москва: Гослитиздат, 1953. 372 с.
2. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 т. Т.12. Дневник писателя. 1873. Статьи и очерки. 1873–1878. Ленинград: «Наука». Ленинградское Отделение. 1994. URL:<https://rvb.ru/dostoevski/tocvol12.htm>
3. Протопопов М. Большой талант (Собрание сочинений Н.С. Лескова. Десять томов. СПб., 1889–1891 гг.) // М. Протопопов. Критические статьи. М.: Издание С. Скимунта, 1902. С.180–212.
4. Горький Максим Н. С. Лесков. URL: <https://www.rulit.me/books/n-s-leskov-read-49090-3.html>
5. Гроссман Л.П. Н.С. Лесков: Жизнь – Творчество – Поэтика М.: Гослитиздат, 1945. 319 с.
6. Крылова О.С. Тема бездомья в романе Н. С. Лескова «На ножках» (образ Павла Горданова) // Вестник Марийского государственного университета. 2020. Том: 14. №: 4 (40). С. 481–486.
7. Ляпидовская М.Е. «Говорящие» имена в сказке Н.С. Лескова «Час воли божией» // Язык и культура (Новосибирск). 2016. № 26. С. 68-73.
8. Карская Т.С. Заметки о языке в записных книжках Лескова // Неизданный Лесков: В 2 кн. / Отв. ред. К.П. Богаевская, О.Е. Майорова, Л.М. Роземблом. Кн. I. М.: ИМЛИ РАН, Б.г. (Литературное наследство. Т.101). 1997. С.582–592.
9. Гебель В. Н.С. Лесков в творческой лаборатории. М.: Советский писатель, 1945. 221 с.
10. Вязовская В.В. «Имя стёрли»: персонажи романа Н. С. Лескова «На ножках» об именах и кличках (лингвистический комментарий) // Ономастика Поволжья: материалы XXI Междунар. науч. конф. (Рязань, 3–5 октября 2023 г.) / под общ. ред. И. Н. Хрусталёва, В. И. Супруна. Электрон. текстовые дан. (1 файл: 3,95 МВ). Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2023. С. 303-307.
11. Слесарева Т.П. Ономастическое пространство романа Н.С. Лескова «Чертовы куклы»: Семантический аспект // В сборнике: Ономастика Поволжья. материалы XVIII Международной научной конференции. Кострома. В 2 т. Кострома, 2020. С. 288-292.
12. Алешина Л.В. Функции окказионализмов в романе Н.С. Лескова «На ножках» // Учёные записки Орловского государственного университета. 2022. № 4 (97) С. 90-95.
13. Вигерина Л.И. Поэтика Имени в рассказе Н.С. Лескова «Тупейный Художник» // XXIII Царскосельские чтения. Материалы международной научной конференции. Том II. 2019. С. 170-175.
14. Леденёва В.В. Прецедентное имя святого князя Владимира в концептуальном пространстве текстов Н.С. Лескова // Язык и текст. М.: МГОУ, 2015. Т.2. № 4. С. 22-29.

15. Головачева О.А. Имена собственные в статьях Н.С. Лескова, освещающих вопрос медицинской помощи населению: функциональный аспект // Текст в культурном, историческом, языковом пространстве: материалы Международной заочной научно-практической конференции (г. Москва, 19 марта 2017 г.) / отв. ред. В.В. Никульцева; Московский финансово-юридический университет МФЮА. М.: МФЮА, 2017. С. 426-432.
16. Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям: в 2 т. М.: Худож. литература, 1984. (Серия литературных мемуаров). Т.1, ч. 1-4; вступ. ст., подгот. текста, коммент. А.А. Горелова. 1984. 479 с.
17. Борхсениус Е.И. Мои воспоминания о Николае Семеновиче Лескове // Н.С. Лесков в воспоминаниях современников / Сост., подгот. текста, публ. воспоминаний О.А. Фрибес, А.Е. Зарина и Е.И. Зариной, коммент. Л.И. Соболева; публ. фрагментов дневника С.И. Смирновой-Сазоновой и коммент. к ним Л.С. Даниловой и В.В. Соминой; предисл. А.М. Ранчина. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 489-496. (Серия «Россия в мемуарах»)
18. Веселитская Л.И. Письма Н.С. Лескова // Н.С. Лесков в воспоминаниях современников / Сост., подгот. текста, публ. воспоминаний О.А. Фрибес, А.Е. Зарина и Е.И. Зариной, коммент. Л.И. Соболева; публ. фрагментов дневника С.И. Смирновой-Сазоновой и коммент. к ним Л.С. Даниловой и В.В. Соминой; предисл. А.М. Ранчина. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 513-548. (Серия «Россия в мемуарах»)
19. Туниманов В.А. Письма Николая Лескова // Русская литература. 1994. № 2. С. 48–66.
20. Алексина Р.М. Орловские источники сюжетов Лескова (по документам государственного архива Орловской области) // Неизданный Лесков: В 2 кн. / Отв. ред. К.П. Богаевская, О.Е. Майорова, Л.М. Роземблум. Кн.1. М.: ИМЛИ РАН, Б.г. (Литературное наследство. Т.101). 1997. С. 594–611.
21. Ранчин А.М. Две редакции «Очерков в письмах» Лескова «Русское общество в Париже» (1863–1867) // Неизданный Лесков: В 2 кн. / Отв. ред. К.П. Богаевская, О.Е. Майорова, Л.М. Роземблум. М.: ИМЛИ РАН, Б.г. (Литературное наследство. Т.101), 2000. Кн.2. С. 263–269.
22. Лужановский А.В. Документальность – жанровый признак рассказов Н.С. Лескова // Вопросы литературы. 1980. № 4. С. 144–150.
23. Шахов Н. Н.С. Лесков и Курский край // Политический диалог. 1990. Декабрь № 24 (1078). С. 17–21.
24. Кузьмин А.В. Об именах персонажей в поэтике Н.С. Лескова // Филология в XXI веке: проблемы и методы исследования. СПб., 2004. С. 163–168.
25. Морозова М.М. Н.С. Лесков в культурном пространстве Орловского края // Культура и образование. 2019. 3 (34). С. 46–52.
26. Афонин Л.Н. Книги из библиотеки Лескова в государственном музее И.С. Тургенева // Литературное наследство. Из истории русской литературы и общественной мысли 1860–1890-х годов. Т.87. М., 1977. С. 130–158.
27. Леденёва В.В. Имя и строки Н.А. Некрасова в текстах Н.С. Лескова // Вокруг Лескова. Материалы международной научной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения писателя. Орел: Издательство Орловского государственного университета, ООО Полиграфическая фирма «Картуш», 2023. 128 с.
28. Леденёва В. В. Имя А. Н. Островского в текстах Н.С. Лескова // Отечественная филология. 2023. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imya-a-n-ostrovskogo-v-tekstah-n-s-leskova>
29. Леденёва В.В. Прецедентное имя Лермонтов в текстах Н.С. Лескова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2014. № 4. с. 8-13.
30. Кучерская М. А. Лесков – интерпретатор Гоголя // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2012. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leskov-interpretator-gogolya>.
31. Вязовская В.В. «Календарь с пословицами на 1887 г.» Л.Н. Толстого в рецепции Н.С. Лескова // «Война и мир» Л.Н. Толстого в контексте духовной традиции и «Большого времени» русской культуры. Материалы Всероссийской научной конференции. Липецк, 2023. С. 112-114.
32. Новикова-Строганова А.А. Добрая слава: Н.С. Лесков и И.С. Тургенев // Литературоведческий журнал. 2018. №44. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dobraya-slava-n-s-leskov-i-i-s-turgenev>

References

1. Tolstoy L.N. Full composition of writings. T. 65. (Series three Letters). Moscow: Goslitizdat, 1953. 372 pp.
2. Dostoevsky F.M. Collected works in 15 volumes. T.12. Writer's Diary. 1873. Articles and essays. 1873–1878. Leningrad: "Science". Leningrad Branch. 1994. URL: <https://rvb.ru/dostoevski/toevol12.htm>
3. Protopopov M. Sick talent (Collected works of N.S. Leskov. Ten volumes. St. Petersburg, 1889–1891) // M. Protopopov. Critical articles. M.: Publishing house S. Skirmunt, 1902. P.180–212.
4. Gorky Maxim N. S. Leskov. URL: <https://www.rulit.me/books/n-s-leskov-read-49090-3.html>
5. Grossman L.P. N.S. Leskov: Life – Creativity – Poetics M.: Goslitizdat, 1945. 319 p.
6. Krylova O.S. The theme of homelessness in N. S. Leskov's novel "On Knives" (the image of Pavel Gordanov) // Bulletin of the Mari State University. 2020. Volume: 14. No.: 4 (40). pp. 481–486.
7. Lyapidovskaya M.E. "Talking" names in the fairy tale by N.S. Leskova "The Hour of God's Will" // Language and Culture (Novosibirsk). 2016. No. 26. pp. 68-73.
8. Karskaya T.S. Notes on language in Leskov's notebooks // Unpublished Leskov: In 2 books. / Rep. ed. K.P. Богаевская, О.Е. Майорова, Л.М. Роземблум. Book 1. М.: ИМЛИ РАН, Б.г. (Literary heritage. Т.101). 1997. pp. 582–592.

9. Gebel V.N.S. Leskov in the creative laboratory. M.: Soviet writer, 1945. 221 p.
10. Vyazovskaya V.V. "The name was erased": characters from N. S. Leskov's novel "On Knives" about names and nicknames (linguistic commentary) // Onomastics of the Volga region: materials of the XXI International. scientific conf. (Ryazan, October 3–5, 2023) / edited by. ed. I. N. Khrustaleva, V. I. Suprun. Electron. text data (1 file: 3.95 MB). Ryazan: Ryaz. state University named after S.A. Yesenina, 2023. pp. 303-307.
11. Slesareva T.P. The onomastic space of the novel by N.S. Leskova "Devil's Dolls": Semantic aspect // In the collection: Onomastics of the Volga region. materials of the XVIII International Scientific Conference. Kostroma. In 2 vols. Kostroma, 2020. pp. 288-292.
12. Aleshina L.V. Functions of occasionalisms in the novel by N.S. Leskova "On Knives" // Scientific notes of Oryol State University. 2022. No. 4 (97) pp. 90-95.
13. Vigerina L.I. Poetics of the Name in the story by N.S. Leskova "Stupid Artist" // XXIII Tsarskoye Selo Readings. Proceedings of the international scientific conference. Volume II. 2019. pp. 170-175.
14. Ledeneva V.V. The precedent name of Saint Prince Vladimir in the conceptual space of N.S.'s texts. Leskova // Language and text. M.: MGOU, 2015. T.2. No. 4. pp. 22-29.
15. Golovacheva O.A. Proper names in articles by N.S. Leskov, covering the issue of medical care to the population: the functional aspect //Text in the cultural, historical, linguistic space: materials of the International correspondence scientific and practical conference (Moscow, March 19, 2017) / rep. ed. V.V. Nikultseva; Moscow Finance and Law University MFUA. M.: MFYuA, 2017. pp. 426-432.
16. Leskov A. N. The life of Nikolai Leskov according to his personal, family and non-family records and memories: in 2 volumes. M.: Fiction, 1984. (Series of literary memoirs). T.1, parts 1-4; entry Art., prepared. text, comment. A.A. Gorelova. 1984. 479 p.
17. Borkhsenius E.I. My memories of Nikolai Semenovich Leskov // N.S. Leskov in the memoirs of contemporaries / Compiled, prepared. text, publ. memories of O.A. Fribes, A.E. Zarina and E.I. Zarina, comment. L.I. Soboleva; publ. fragments of S.I.'s diary Smirnova-Sazonova and commentary. to them L.S. Danilova and V.V. Somina; preface A.M. Ranchina. M.: New Literary Review, 2018. pp. 489-496. (Series "Russia in Memoirs")
18. Veselitskaya L.I. Letters from N.S. Leskova //N.S. Leskov in the memoirs of contemporaries / Compiled, prepared. text, publ. memories of O.A. Fribes, A.E. Zarina and E.I. Zarina, comment. L.I. Soboleva; publ. fragments of S.I.'s diary Smirnova-Sazonova and commentary. to them L.S. Danilova and V.V. Somina; preface A.M. Ranchina. M.: New Literary Review, 2018. pp. 513-548. (Series "Russia in Memoirs")
19. Tunimanov V.A. Letters of Nikolai Leskov // Russian literature. 1994. No. 2. P. 48–66.
20. Aleksina R.M. Oryol sources of Leskov's plots (according to documents from the state archive of the Oryol region) // Unpublished Leskov: In 2 books. / Rep. ed. K.P. Bogaevskaya, O.E. Mayorova, L.M. Roseblum. Book 1. M.: IMLI RAS, B.G. (Literary heritage. T.101). 1997, pp. 594–611.
21. Ranchin A.M. Two editions of Leskov's "Essays in Letters" "Russian Society in Paris" (1863–1867) // Unpublished Leskov: In 2 books. / Rep. ed. K.P. Bogaevskaya, O.E. Mayorova, L.M. Roseblum. M.: IMLI RAS, B.G. (Literary heritage. T.101), 2000. Book 2. pp. 263–269.
22. Luzhanovskiy A.V. Documentary is a genre feature of N.S.'s stories. Leskova //Questions of literature. 1980. No. 4. pp. 144–150.
23. Shakhov N. N.S. Leskov and Kursk region // Political dialogue. 1990. December No. 24 (1078). pp. 17–21.
24. Kuzmin A.V. On the names of characters in the poetics of N.S. Leskov // Philology in the XXI century: problems and research methods. St. Petersburg, 2004, pp. 163–168.
25. Morozova M.M. N.S. Leskov in the cultural space of the Oryol region // Culture and education. 2019. 3 (34).
26. Afonin L.N. Books from Leskov's library in the State Museum of I.S. Turgenev // Literary heritage. From the history of Russian literature and social thought of the 1860s - 1890s. T.87. M., 1977. pp. 130–158.
27. Ledeneva V.V. Name and lines N.A. Nekrasov in the texts of N.S. Leskova //Around Leskov. Materials of the international scientific conference dedicated to the 190th anniversary of the writer's birth. Orel: Oryol State University Publishing House, LLC Printing Company "Kartush", 2023. 128 p.
28. Ledeneva V.V. The name of A.N. Ostrovsky in the texts of N.S. Leskova // Domestic philology. 2023. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imya-a-n-ostrovskogo-v-tekstah-n-s-leskova>
29. Ledeneva V.V. The precedent name Lermontov in the texts of N.S. Leskova // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology. 2014. No. 4. p. 8-13.
30. Kucherskaya M. A. Leskov - interpreter of Gogol // Bulletin of Moscow University. Series 9. Philology. 2012. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leskov-interpretator-gogolya>.
31. Vyazovskaya V.V. "Calendar with proverbs for 1887" L.N. Tolstoy in the reception of N.S. Leskova // "War and Peace" L.N. Tolstoy in the context of spiritual tradition and the "Big Time" of Russian culture. Materials of the All-Russian Scientific Conference. Lipetsk, 2023. pp. 112-114.
32. Novikova-Stroganova A.A. Good fame: N.S. Leskov and I.S. Turgenev // Literary journal. 2018. No. 44. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dobraya-slava-n-s-leskov-i-i-s-turgenev>

**К ЮБИЛЕЮ А. ПЛАТОНОВА
ON A. PLATONOV'S ANNIVERSARY**

УДК 821.161.1

DOI 10.36622/2587-9510.2024.91.36.012

Воронежский государственный технический университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Бугакова Н.Б.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru

Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
PhD, associate professor
Bugakova N.B.
Russia, Voronezh,
tel. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru

Н.Б. Бугакова

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ БИБЛИОНИМА ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «ДЖАН»

Аннотируемая статья призвана выявить семантический потенциал лексемы *джан*, употребленной в качестве библионима повести. Материалом исследования стала повесть А. Платонова «Джан», созданная писателем на основе впечатлений от поездки по Средней Азии. Актуальность данной статьи обусловлена тем, что системное исследование библионимов в современной науке не ведется, известно некоторое количество работ, посвященных этой проблематике. Специфика заглавия анализируется в работах литературоведческого плана (как правило, исследования в этой области посвящены рассмотрению семиотики заглавия, связи его с текстом произведения) и в лингвистических, рассматривающих вопросы перевода заглавия, а также синтаксической и морфологической структур заглавия. Аннотируемая статья основывается на точке зрения основателя Воронежской ономастической школы Г.Ф. Ковалева, который, следуя теории С.Д. Кржижановского, считает, что заглавие произведения и последующая его интерпретация способны повлиять на восприятие и понимание произведения читателем. Автор данного исследования сообщает, что использование в творческой лаборатории А. Платонова лексемы *джан* в качестве библионима обусловлено автобиографическими мотивами. В статье раскрывается семантический потенциал лексемы *джан*, сообщается, что рассматриваемая лексема для представителей разных культур означает собирательное наименование духов из потустороннего мира; в некоторых языках эта лексема используется в качестве диминутивного суффикса, присоединяемого к имени человека и имеющего значение «дорогой». Для народа джан, выбравшего эту лексему для именования своего племени, джан означает *душа*, потому что у представителей племени ничего нет, кроме души, которая дает способность чувствовать, мыслить.

Ключевые слова: оним, библионим, джан, душа, А. Платонов.

N.B. Bugakova

SEMANTIC POTENTIAL OF THE BIBLIONYM OF A. PLATONOV'S NOVELLA "JAN"

The annotated article is intended to reveal the semantic potential of the lexeme *jan*, used as a biblionym of the story. The research material was A. Platonov's novel "Jan", created by the writer based on impressions from a trip to Central Asia. The relevance of this article is due to the fact that a systematic study of biblionyms in modern science is not conducted, there are a number of works devoted to this problem. The specifics of the title are analyzed in works of literary studies (as a rule, research in this area is devoted to the semiotics of the title, its connection with the text of the work) and in linguistic ones that consider the translation of the title, as well as the syntactic and morphological structures of the title. The annotated article is based on the point of view of the founder of the Voronezh Onomastic School G.F. Kovalev, who, following the theory of S.D. Krzhizhanovsky, believes that the title of the work and its subsequent interpretation can affect the reader's perception and understanding of the work. The author of this study reports that the use of the lexeme *jan* as a biblionym in the creative laboratory of A. Platonov is due to autobiographical motives. The article reveals the semantic potential of the lexeme *jan*, it is reported that the lexeme in question for representatives of different cultures means the collective name of spirits from the other world; in some languages this

lexeme is used as a diminutive suffix attached to the name of a person and meaning "dear". For the Jan people, who chose this lexeme to name their tribe, jan means soul, because the representatives of the tribe have nothing but a soul, which gives the ability to feel, to think.

Keywords: onym, biblionym, jan, soul, A. Platonov.

Предлагаемое исследование посвящено выявлению семантического потенциала библионима повести А. Платонова «Джан». Возникший интерес к этому библиониму обусловлен рядом причин: предваряющей позицией библионима (читатель первоначально воспринимает заглавие произведения, например, просматривая содержание книги); своеобразной посреднической функцией, которая представлена цепочкой «читатель – заглавие – текст – читатель – заглавие» [1, с. 19]; чрезмерной емкостью, определяемой сильной позицией; семантической нагруженностью библионима.

Отметим, что в настоящее время работа по системному рассмотрению библионимов (термин введен Н.В. Подольской; под ним понимается наименование любого письменного произведения [2, с. 42]) в творчестве отдельных писателей и поэтов практически не ведется, если не считать исследований Л.А. Климовой и отдельных статей Н.Н. Устиновой и К.И. Суховой [3, 4, 5]. Специфика заглавия анализируется в работах литературоведческого плана (как правило, исследования в этой области посвящены рассмотрению семиотики заглавия, связи его с текстом произведения; о такой связи говорил и С.Д. Кржижановский, считавший, что эта связь необходима, в то время как некоторые писатели «заглавную строку нахлобучивают на книгу кое-как и наспех, как шапку на голову, забывая, что это собственно не шапка, а голова, которую извне к телу не приладить» [6, с. 16]) и в лингвистических, рассматривающих вопросы перевода заглавия, а также синтаксической и морфологической структур заглавия [7, 8, 9 и др.].

В нашем исследовании при выявлении семантического потенциала библионима «Джан» мы будем придерживаться точки зрения основателя Воронежской ономастической школы Г.Ф. Ковалева, который, следуя теории С.Д. Кржижановского, считает, что заглавие произведения и последующая его интерпретация способны повлиять на восприятие и понимание произведения читателем [8, с. 6].

Повесть «Джан» была создана А. Платоновым на основе впечатлений от путешествия по Средней Азии. Известно, что в 1934 году А. Платонов, а также ряд других советских писателей (напр., Н. Тихонов, В. Луговской, Т. Табидзе др.) были отправлены в командировку в Ашхабад. Целью этой поездки было создание коллективного сборника под названием «Лучезарные дни», издание которого планировалось к десятилетию создания Советского Туркменистана. А. Платонов свою цель поездки определял вполне конкретно, о чем и писал в заявке на участие в этом мероприятии: «Я хочу написать повесть о лучших людях Туркмении, расходующих свою жизнь на превращение пустынной родины, где некогда лишь убогие босые ноги ходили по нищему праху отцов, – в коммунистическое общество, снаряженное мировой техникой» [10, с. 351]. Особенное впечатление на него произвела жизнь людей, кардинально отличавшаяся от той, которую вели люди в России. Здесь ключевые темы А. Платонова – семья, брак, любовь – раскрылись совершенно иначе. Находясь в командировке, А. Платонов осваивал туркменский язык, о чем свидетельствуют письма жене: «...выучился несколькими словами по-туркменски. Ты моя хелей мухаббат! – любимая жена. Ты – моя курбаша! – жаба. А Тотик – мой хелей балала, жигит, т.е. любимый ребенок, юноша. Моя шан, дирэк (душа и сердце) тоскую по вас» [10, с. 349]. На основании анализа записей, сделанных писателем, можно сделать вывод, что во время поездки по Средней Азии писатель интересовался именами арабского, персидского, тюркского происхождения, в то время как библейские имена его не интересовали. А вот восточная ономастика привлекала, занимали этимология, перевод, принадлежность к мужскому и/или женскому роду имен, распространенных на территории Средней Азии.

Среди работ, посвященных рассмотрению ономастикона творчества А. Платонова, отметим исследование О.Ю. Алейникова «Семантика имен персонажей в повести А. Платонова «Джан» [11, с. 7], в котором предпринимается попытка проанализировать семантический потенциал антропонимикона повести. Ученый отмечает системность, проявленную писателем при отборе антропонимов. Однако исследователь не обращается к рассмотрению библионима, в качестве которого А. Платонов использует лексему *джан* (перс. جان (jân) «душа, жизнь; дорогой, милый», восходит к праиндоевр. *ape- «дуть, дышать», откуда также лат. animus), снабжая заглавие сноской: «Джан – душа, которая ищет счастье (туркменское народное поверье)» [12, т. 4, с. 53]. Отметим, что для арабов, например, джан – это собирательное наименование духов из потустороннего мира [13; с. 140]; в некоторых языках эта лексема

используется в качестве диминутивного суффикса, присоединяемого к имени человека и имеющего значение «дорогой». Таким образом, считаем возможным говорить о существующих различиях семантики рассматриваемой лексемы для носителей разных языков. Об этом сообщает и О.Ю. Алейников, говорящий о «различных значениях слова джан, не совпадающих в персидском, тюркских и арабском языках» [11, с. 7].

Обращаясь к выявлению семантического потенциала рассматриваемого библионима, отметим, что в тексте повести джан – это народ, блуждающий по пустыне в поисках лучшей доли. Это не отдельная нация; описывая народ джан, секретарь комитета, отправляющий на поиски джан Назара Чагатаева, сообщает, что «в нем есть туркмены, каракалпаки, немного узбеков, казахи, персы, курды, белуджи и позабывшие, кто они» [12, т. 4, с. 62]. Сами представители народа джан так объясняют это название, сообщая, что у народа не было названия, он «сам себе дал маленькое имя»: «Джан. Это означает душу или милую жизнь. У народа ничего не было, кроме души и милой жизни» [12, т. 4, с. 63]. По мнению самих представителей племени джан, «все мелкие племена, семейства и просто группы постепенно умирающих людей, живущие в нелюдимых местах пустыни, Амударьи и Усть-Урта, называют себя одинаково – джан» [12, т. 4, с. 114]. Таким образом, племя джан формируется из бедных, несчастных людей, о чем и сообщает секретарь комитета Чагатаеву: «в районе Сары-Камыша, Усть-Урта и дельты Амударьи блуждает и бедствует небольшой кочевой народ из разных национальностей» [12, т. 4, с. 62]. В тексте повести обозначается несколько гипотез появления названия племени. Выше мы сказали о том, что народ сам себе дал это имя. Однако нельзя не упомянуть об альтернативной точке зрения: «Это их общее прозвище, данное им когда-то богатыми баями, потому что джан есть душа, а у погибающих бедняков ничего нет, кроме души» [12, т. 4, с. 114], то есть способности чувствовать и мучиться. Следовательно, слово «джан» означает насмешку богатых над бедными. Баи думали, что душа лишь отчаяние, но сами они от джана и погибли, – своего джана, своей способности чувствовать, мучиться, мыслить и бороться у них было мало, это – богатство бедных» [12, т. 4, с. 114].

Действительно, у представителей этого народа есть только сердце: «все его имущество – одно сердце в груди, и то когда оно бьется... – Одно сердце, – согласился Чагатаев, – одна только жизнь; за краем тела ничего ему не принадлежит» [12, т. 4, с. 63]. Однако выясняется, что «и жизнь была не его, ему она только казалась» [12, т. 4, с. 63]. Назар Чагатаев знает о племени джан с детства, его мать рассказывала ему, что джан – это «беглецы и сироты отовсюду и старые, изнемогшие рабы, которых прогнали. Потом были женщины, изменившие мужьям и попавшие туда от страха, приходили навсегда девушки, полюбившие тех, кто вдруг умер, а они не захотели никого другого в мужья. И еще там жили люди, не знающие бога, насмешники над миром, преступники... Но я не помню всех — я был маленький» [12, т. 4, с. 63]. Такое описание представителей племени достаточно символично, поскольку напоминает классические представления об аде – месте, где наказывают грешников (в соответствии с религиозными, а также фольклорными и мифологическими представлениями различных культур). Т.е. писатель сравнивает жизнь племени джан с адом. Здесь отметим, что в письме жене от 25 июня 1935 г. (в это время автор работал над повестью «Джан») А. Платонов пишет: «Сижу до света за письменным столом, пишу про ад и рай в пустыне» [10, с. 385]. Очевидно, что особенности жизни людей в Средней Азии писатель передает очень точно, поскольку парадоксальность среднеазиатских реалий поразила его, что не могло не найти отражение в произведениях азиатского цикла.

Здесь следует сказать о топонимике повести. Так, например, в городах Куня-Ургенч, Ташауз, Хива можно увидеть «базары и богатство», сообщает Назару Чагатаеву мать, однако дополняет эту информацию, говоря: «ты туда не иди, ступай мимо всех, иди далеко к чужим» [12, т. 4, с. 57]. Становится очевидно, почему именно Назару Чагатаеву поручают спасти племя джан: он близок по духу представителям племени, его не интересует богатство, потому что для него важнее душа.

Вводя в текст повести топоним Сары-Камыш, писатель подчеркивает полнейшую негодность для проживания описываемых территорий, сравнивает их с адом, сообщая, например, что «одного из старых жителей Сары-Камыша звали Ариманом, что равнозначно черту» [12, т. 4, с. 66]. Сары-Камыш, с точки зрения героев повести, «ад всего мира», здесь живут «хуже всякого человека» [12, т. 4, с. 66], даже хуже животных: этот народ «на чигирях... работал вместо ослов, двигая своим телом деревянное водило, чтобы подымалась в арык вода» [12, т. 4, с. 62]. Использование представителей народа джан в качестве грубой рабочей силы объясняется тем, что «осла надо кормить круглый год, а рабочий народ из Сары-Камыша ел лишь немного времени, а потом уходил вон. И целиком не умирал и на другой год снова возвращался, протомившись где-то на дне пустыни» [12, т. 4, с. 62]. Платоновское восприятие парадоксально: ад населяют люди, у которых есть только душа; это противоречит классическому пониманию ада, куда должны попадать грешники, нарушившие религиозные догмы, нравственные нормы, совершившие

предосудительные поступки и т.д. Отметим переосмысление писателем зороастрийской легенды о борьбе светлого и темного начал – Ормузда, бога счастья, защитника земледелия и размножения людей, и Аримана, его противника, черного всадника из ада. В восприятии А. Платонова Ормузд не является воплощением абсолютного добра, поскольку связан с неприемлемыми для А. Платонова категориями: покой, наслаждение, сытость; Ариман также не представляет собой абсолютное зло, поскольку беден, одержим мечтой и жаждой поиска.

Таким образом, завершая рассмотрение семантического потенциала библионима *джан*, отметим, что эта лексема используется писателем для обозначения племени, странствующего в поисках счастья. Такое название представители племени выбрали себе сами, аргументируя свой выбор тем, что *джан* в переводе означает душа, а у представителей племени ничего нет, кроме души, которая дает способность чувствовать, мыслить, что, в свою очередь, ведет к гибели племени.

Библиографический список

- 1.Климкова Л.А. Библионимы в лирике С.А. Есенина / Л.А. Климкова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики, 2020. №3 (38). С. 17-27.
- 2.Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. М.: Наука, 1978. 199 с.
- 3.Сухова К.И. Семантический потенциал библионимов в творчестве В.А. Солоухина / К.И. Сухова // Имя в пространстве культуры: коллективная монография к 80-летию профессора Г.Ф. Ковалева. Воронеж, 2023. С. 306-311.
- 4.Устинова Н.Н. Аспекты изучения библионимов / Н.Н. Устинова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики, 2022. №4. С. 60-63.
- 5.Устинова Н.Н. Библионимы М.М. Пришвина / Н.Н. Устинова // Имя в пространстве культуры: коллективная монография к 80-летию профессора Г.Ф. Ковалева. Воронеж, 2023. С. 317-324.
- 6.Кржижановский С. Поэтика заглавий / С. Кржижановский. М., 1931. 34 с.
- 7.Вахтель Н.М. Структура и функции чеховских заголовков / Н.М. Вахтель // Материалы по русско-славянскому языкознанию: Международный сборник научных трудов. Вып. 31. Воронеж: Истоки, 2012. С. 16-20.
- 8.Ковалев Г.Ф. «Чевенгур» – к спорам о смысле названия / Г.Ф. Ковалев // Избранное. Литературная ономастика. Воронеж, 2014. С. 328.
- 9.Матвеев Б.И. Первое слово автора, обращенное к читателю / Б.И. Матвеев // Русский язык в школе. 1996. № 2. С. 63-71.
- 10.Платонов А. «...я прожил жизнь»: Письма. 1920 – 1950 гг. / А. Платонов. М.: РЕИШ, 2019. 717 с.
- 11.Алейников О.Ю. Семантика имен персонажей в повести А. Платонова «Джан» // Вестник ВГУ, Серия «Филология и журналистика», 2015. № 2. с. 7.
- 12.Платонов А. Собрание сочинений: в 8 тт. / А. Платонов. М.: Время, 2009.
- 13.Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. М.: Русский язык, 1977. С. 140.

Referens

1. Klimkova L.A. Biblionyms in the lyrics of S.A. Yesenin / L.A. Klimkova // Actual issues of modern philology and Journalism, 2020. No.3 (38). pp. 17-27.
2. Podolskaya N.V. Dictionary of Russian onomastic terminology / N.V. Podolskaya. M.: Nauka, 1978. 199 p.
3. Sukhova K.I. Semantic potential of biblionyms in the works of V.A. Soloukhin / K.I. Sukhova // A name in the space of culture: a collective monograph dedicated to the 80th anniversary of Professor G.F. Kovalev. Voronezh, 2023. pp. 306-311.
4. Ustinova N.N. Aspects of the study of biblionyms / N.N. Ustinova // Topical issues of modern Philology and Journalism, 2022. No. 4. pp. 60-63.
5. Ustinova N.N. Biblionyms of M.M. Prishvin / N.N. Ustinova // A name in the space of culture: a collective monograph dedicated to the 80th anniversary of Professor G.F. Kovalev. Voronezh, 2023. pp. 317-324.
6. Krzhizhanovsky S. Poetics of titles / S. Krzhizhanovsky. M., 1931. 34 p.
7. Vakhtel N.M. Structure and functions of Chekhov's headings / N.M. Vakhtel // Materials on Russian-Slavic linguistics: International collection of scientific papers. Issue 31. Voronezh: Istoki, 2012. pp. 16-20.
8. Kovalev G.F. "Chevengur" – to disputes about the meaning of the name / G.F. Kovalev // Favorites. Literary onomastics. Voronezh, 2014. p. 328.
9. Matveev B.I. The first word of the author addressed to the reader / B.I. Matveev // Russian language at school. 1996. No. 2. pp. 63-71.
10. Platonov A. "... I have lived my life": Letters. 1920 – 1950 / A. Platonov. M.: RESH, 2019. 717 p.
11. Aleynikov O.Yu. Semantics of the names of characters in A. Platonov's story "Jan" // Bulletin of the VSU, Series "Philology and Journalism", 2015. No. 2. p. 7.
12. Platonov A. Collected works: in 8 tt. / A. Platonov. M.: Time, 2009.
13. Baranov Kh.K. Arabic-Russian dictionary. M.: Russkiy yazyk, 1977. p. 140.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ LANGUAGE AND CULTURE STUDIES

УДК 808.2

DOI 10.36622/2587-9510.2024.20.85.013

*Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова
Кандидат филологических наук,
доцент кафедры «Иностранные языки»
Жердева О.Н.
Россия, Барнаул
тел. +79069406764
e-mail: vigrijanova@mail.ru*

*Polzunov Altai State Technical University
Ph.D. in Philology,
associate Professor of Foreign Languages Department
Zherdeva O.N.
Russia, Barnaul
tel. +79069406764
e-mail: vigrijanova@mail.ru*

*Алтайский филиал Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте Российской Федерации
Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры «Иностранные языки»
Абубакарва Е. В.
Россия, Барнаул
тел. +79132717597
e-mail: hellen_81@mail.ru*

*Altai branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Ph.D. in Pedagogy,
Associate Professor of Foreign Languages Department
Abubakarova E.V.
Russia, Barnaul
tel. +79132717597
e-mail: hellen_81@mail.ru*

О.Н. Жердева, Е.В. Абубакарва

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДОВ А.А. ФЕТА И М.Л. МИХАЙЛОВА СТИХОТВОРЕНИЙ Г. ГЕЙНЕ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В середине XIX века в России появляется новая тенденция в художественном переводе – стремление к максимально точному (буквальному) переводу, приверженцем которой становится А.А. Фет. Стремление Фета к точности в переводах означало не только заботу о передаче языковых трудностей, но и способствовало, по мнению самого переводчика, сохранению в переводном стихотворении культурного кода оригинального произведения. В качестве материалов для научного исследования выбраны поэтические произведения немецкого поэта Г. Гейне. Данный выбор авторов статьи объясняется, во-первых, тем, что в середине XIX века, время активной переводческой деятельности Фета, Гейне был самым популярным европейским поэтом в России, во-вторых, его переводили почти все поэты, творившие в данную историческую эпоху, таким образом, мы имеем возможность провести наиболее полное и объективное исследование. Основными переводчиками гейневской поэзии в России Б.Я. Гордон называет Л.А. Мея, А.П. Майкова, М.Л. Михайлова. Л.А. Мей и А. П. Майков перевели более сорока, а М.Л. Михайлов более шестидесяти стихотворений немецкого поэта. Многие из переводов данных поэтов вошли в собрание сочинений Г. Гейне и являются высокохудожественными литературными произведениями. В этом контексте представляется целесообразным сравнить переводы Фета из немецкой поэзии с переводами других русских поэтов. В данной статье представлен сравнительный анализ переводов стихотворений Г. Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsam...», «Aus meinen Tränen sprühen...» и др., выполненных М.Л. Михайловым и А.А. Фетом.

Ключевые слова: лингвокультурология, национальные образы, художественный перевод

O.N. Zherdeva, E.V. Abubakarova

COMPARATIVE ANALYSIS OF A.A. FET'S AND M.L. MIKHAILOV'S TRANSLATIONS OF H. HEINE'S POEMS: LINGUOCULTURAL ASPECT

In the middle of the nineteenth century a new trend appeared in literary translation in Russia. This trend was the

desire for accurate (literal) translation. A. A. Fet became an adherent of that translation style. Fet's striving for accuracy in his translations meant not only his care about the rendering of linguistic difficulties, but contributed, according to the translator's opinion, to the preservation of the cultural code of the original work in the translated poem. Poetic works of the German poet H. Heine are chosen as research materials. The authors' choice is explained, firstly, by the fact that in the middle of the XIX century, the time of Fet's active translation activity, H. Heine was the most popular European poet in Russia, and secondly, he was translated by almost all poets who created in that historical era. In such a way we have a great opportunity to conduct the most complete and objective study. B.Y. Gordon names L.A. Mey, A.P. Maikov, and M.L. Mikhailov as the main translators of H. Heine's poetry in Russia. L. A. Mey and A. P. Maikov translated more than forty, and M. L. Mikhailov more than sixty poems of the German poet. Many of these poets' translations were included in the collection of Heine's works. In this context, it seems appropriate to compare Fet's translations of German poetry with those of other Russian poets. This article presents a comparative analysis of translations of H. Heine's poems "Ein Fichtenbaum steht einsam...", "Aus meinen Tränen sprühen..." etc. made by M.L. Mikhailov and A.A. Fet.

Keywords: linguoculturology, national images, artistic translation

По мнению таких авторитетных исследователей, как Г.И. Ратгауз [1], А.В. Федоров [2] и Е.Г. Эткинд [3], одним из основных и актуальных вопросов философии перевода является феноменологическое описание опыта перевода как опыта человека. Еще Э. Сепир [4; с. 219] подчеркивал, что нет двух языков, которые бы отражали одну и ту же реальность и связывал данное явление с самобытностью каждого народа. По мнению С.А. Ромашко [5; с. 118], в переводе проявляется «постоянное движение одной культуры относительно другой».

Иными словами, первостепенную значимость в любом переводе, а в художественном переводе в особенности, приобретает личность переводчика, включающая в себя сложный комплекс индивидуальных качеств: уровень владения языком, знание культуры, истории (что составляет фундамент мировидения) того народа, к которому принадлежит переводимый автор, а также собственной культуры, включающей знание культурно-речевых возможностей родного языка, следование тому или иному методу перевода и цели, которую должен достичь переводчик, с чем связана субъективная точка зрения на перевод.

В середине XIX века в России появляется новая тенденция в художественном переводе – стремление к максимально точному (буквальному) переводу, приверженцем которой становится А.А. Фет.

В рамках нашего исследования представляется целесообразным сравнить переводы А. А. Фета с переводами других русских поэтов. В качестве переводимого автора мы взяли немецкого поэта Г. Гейне.

Наш выбор объясняется, во-первых, тем, что в середине XIX века, время активной переводческой деятельности А. А. Фета, Г. Гейне был самым популярным европейским поэтом в России, во-вторых, его переводили практически все поэты, творившие в данную историческую эпоху, таким образом, мы имеем возможность провести наиболее полное и объективное исследование.

Итак, в соответствии с **целью** нашего исследования необходимо сравнить фетовские переводы стихотворений Г. Гейне с переводами тех же гейневских произведений, выполненных другими русскими поэтами – современниками А.А. Фета. Это позволит нам, во-первых, определить степень точности, «буквальности» фетовских переводных текстов, во-вторых, выявить их своеобразие.

Намеренное использование для сравнения одних и тех же стихотворений Г. Гейне в разном переводческом авторстве облегчит решение первой задачи – выявление степени точности переводов Фета.

Основными переводчиками гейневской поэзии в России Б.Я. Гордон называет Л.А. Мея, А. П. Майкова, М.Л. Михайлова. Л.А. Мей и А.П. Майков перевели более сорока, а М. Л. Михайлов более шестидесяти стихотворений немецкого поэта. Многие из переводов данных поэтов исследователь считает высокохудожественными. Не случайно некоторые стихотворения Гейне в их переводном авторстве вошли в собрание сочинений Гейне, вошедшие в 1981-1983 гг. и в сборник «Мастера русского стихотворного перевода» (1968) [6].

В данной статье представлен сравнительный анализ переводов А. Фета и М.Л. Михайлова стихотворений Г. Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsam...», «Aus meinen Tränen sprühen...» и др.

М.Л. Михайлов был, пожалуй, самым плодотворным переводчиком поэзии Г. Гейне в России середины XIX века. Он перевел более 60 стихотворений немецкого поэта. Михайлов относится к чис-

ду тех немногих «всеядных» поэтов-переводчиков, которые переводили и лирику из «Книги песен», и «свободные ритмы» из «Северного моря», и политико-сатирическую поэзию Г. Гейне. Более половины всех переводов (33) было сделано поэтом из «Книги песен», из них некоторые были переведены также и А.А. Фетом. По мнению исследователей поэзии М.Л. Михайлова [7] – переводчика Гейне – А. Захаркиной и Е. Рубиновой, переводчик сумел передать романтическую и лирико-ироническую манеру «Книги песен», понял, что песни Гейне не есть нечто альбомное, за ними лежит социальный план; однако наряду с этим отмечается и его стремление к соблюдению лишь общего духа (смысла) оригинала, словесная неточность, стремление «к усилению содержания». Соглашаясь с вышесказанным, необходимо, на наш взгляд, добавить, что переводчик зачастую не соблюдает стилистические особенности оригинала: нейтральный стиль Гейне в переводах Михайлова тяготеет к разговорному. Таким образом, михайловские переводы уступают текстуально и стилистически более точным переводам Фета.

Сравним несколько переводных текстов Михайлова и Фета гейневских стихотворений.

Михайловский перевод стихотворения «Ein Fichtenbaum steht einsam», точный по смыслу, содержит лексику нейтрального и разговорного стилей, в оригинале же лексика нейтральная. Фет в своем переводе соблюдает стилистические особенности оригинала:

Гейне: Она *мечтает* о пальме,
Которая далеко в восточной стране
Одиноко и молчаливо *печалится*...

Михайлов: И ели *мерещится* пальма,
Что в дальней восточной земле.
Она молчаливо *горюет*...

Фет: Во сне ему видится пальма,
В далекой восточной стране
В безмолвной, глубокой печали...

В переводном тексте стихотворения «Aus meinen Tränen sprießen» также наблюдается тенденция Михайлова к замене нейтральной лексики оригинала на разговорную: вместо «цветущий» – «душистый», «подарю» – «отдам», «песня звенит» – «песни баюкают», «ребенок» на «малютка», переводчик вводит частицы «уж» и «б», что также придает стихотворному тексту интонации живой, разговорной речи, например:

Гейне: И если ты меня любишь, ребенок,
Подарю я тебе цветы все.

Михайлов: *Уж* только *б* меня полюбила–
Тебе и цветы я *отдам*.

Фет: Дитя, если ты еще любишь,
Цветы все тебе подарю.

Приметой разговорного стиля в михайловском переводном стихотворении является и повтор союза «и» в середине строки, а затем в начале следующей строки, что создает эффект нанизывания, свойственный разговорной речи:

Тебе и цветы я отдам,
И песнями станут баюкать...

В переводе данного стихотворения Гейне Михайлов-переводчик делает смелые перестановки, например, слово «ребенок», которое находится в оригинале в первой строке второй строфы, у Михайлова стоит в первой строке первой строфы. В третьей строке первой строфы переводчик меняет временную форму глагола (у Гейне будущее время, в переводе – прошедшее).

Гейне: И вздохи мои станут
Соловьиным хором.

Михайлов: А вздохи мои превратились
В немолкнущий хор соловьев.

Данное изменение временной формы глагола вносит и несколько иную трактовку в содержание переводного текста: если надежды гейневского лирического героя на ответное чувство возлюбленной оптимистичны, то в переводном тексте, напротив, перед нами отчаявшийся лирический герой, который, однако, также надеется.

Михайлов вводит в перевод и новые лексемы: у Гейне «хор соловьев» («И под твоим окном должна звенеть // Песня соловья»), в михайловском тексте «*немолкнущий* хор соловьев», «И песнями станут баюкать // Тебя соловьи *по ночам*».

Фет, как и Михайлов, иногда заменяет оригинальные лексемы и вводит дополнительные: если в гейневском тексте цветы «цветущие», то в переводе «роскошные и пестрые», хор соловьев у Фета «полуночный», слово «окно» получает разговорное звучание (окошко), а в последней строке появляется новый образ – «зари», – которого нет в оригинале.

Гейне: И под твоим окном должна звенеть
Песня соловья.

Фет: И песнь соловьиная встретит
Под милым окошком зарю.

Но, в отличие от перевода Михайлова, фетовский перевод сохраняет стилистическое своеобразие оригинала и верен по смыслу.

И Фет, и Михайлов перевели стихотворение Гейне «Aus meinen Tränen sprießen», написанное трехиктовым дольником, трехстопным амфибрахиумом.

Проигрывает, по сравнению с переводом Фета, и михайловский переводной вариант стихотворения «Lehn deine Wang an meine Wang». Бросается в глаза «корявый» не только лексически, но и стилистически перевод первой строки: «Прислони свою щеку к моей щеке» – «Щекою к щеке ты моей приложись», не имеющие места в оригинальном стихотворении переносы и повторы:

Когда же в то пламя польются рекой
Из глаз наших слезы, – я руки
Сомкну у тебя за спиной и умру,
Умру от блаженства и муки.

У Михайлова имеются интонационные несоответствия: например, в первой строфе вторая строка оригинального текста является повествовательным предложением, в переводе – побудительным, и, наоборот, – третья и четвертая строки оригинала имеют восклицательную интонацию, в переводном тексте повествовательную. Фетовский перевод также интонационно не соответствует оригиналу: у него все строки повествовательные. Оба перевода верно передают смысл гейневского стихотворения, но в лексическом отношении михайловский перевод менее точен. Сравним:

Гейне: И если тебя моя рука крепко обнимает...

Фет: Я крепко тебя обхвативши рукой...

Михайлов: Я руки сомкну у тебя за спиной...

Михайловское переводное стихотворение также менее, чем перевод Фета, передает музыкальность оригинала.

В качестве основного приема мелодизации в гейневском стихотворении выступают ассонансы и аллитерации. В переводном тексте Фета ассонанс также играет важную роль, в михайловском же тексте гораздо меньше ассонансов, чем у Гейне и Фета:

Гейне: *Lehn deine Wang an meine Wang,*
Und an mein Herz drückt fest dein Herz,
Dann schlagen zusammen die Flammen!
Und wenn dich dein Arm gewaltig umschlieBt,
Sterb ich vor Liebesehnen!

Фет: Ланитой к ланите моей прикоснись, –
И сердцем теснее мне сердцем прижмись, –
Огнем они общим зажгутся
Те общие слезы мученья, –

Михайлов: Щекою к щеке ты моей приложись...
И сердцем ты к сердцу мне крепче прижмись...
Умру от блаженства и муки

Прием аллитерации, участвующий в создании мелодичности оригинала, присутствует в переводных текстах обоих переводчиков. Вероятно, считая приоритетным сохранить мелодичность оригинала, в первой строке, задающей тон всему стихотворению и являющейся у Гейне самой «музыкальной», Фет-переводчик, в ущерб лексической и стилистической точности, заменяет гейневское нейтральное слово „Wange“ (щека) на архаизм «ланита». В результате у Фета количество сонорных согласных в данной строке максимально приближено к их числу в гейневском тексте (6/8). Михайловский буквальный перевод данной строки теряет, однако, свойственную оригиналу музыкальность:

Гейне: *Lehn deine Wang an meine Wang...*

Dann fließen die Tränen zusammen...
Dann schlagen zusammen die Flammen!
Und wenn in die große Flamme fließt
Der Strom von unsern Tränen,
Und wenn dich mein Arm gewaltig umschlisst» суффикс ig произносится – (ich)
Sterb ich vor Liebesehnen

Фет: Ланитой к ланите моей прикоснись,–
Тогда наши слезы сольются...
И если в тот пламень прольются рекой
Те общие слезы мученья....
Умру от тоски наслажденья.

Михайлов: Щекою к щеке ты моей приложись
Пускай наши слезы сольются...
Одним огнем пусть зажгутся!
Из глаз наших слезы,– я руки
Сомкну у тебя за спиной и умру...

Вольным переложением подлинника является михайловский перевод стихотворения Гейне «Wie der Mond sich leuchtend dränget». В первой строфе вместо гейневской луны в переводном тексте появляется «млечный лунный свет», во второй строфе существенные несоответствия появляются в первой, третьей и четвертой строках. Оригинальную строку «Сидели все на палубе» Михайлов переводит «Дружным кругом все сидели». В гейневском тексте нет и намека на сплоченность публики на судне, скорее это случайные, незнакомые друг другу люди; в переводном тексте за счет введения переводчиком дополнительных лексем «дружный» и «круг» создается впечатление, что люди на палубе хорошо знают друг друга, тем более что «круг», как известно, имеет символическое значение замкнутости, ограниченности и в данном случае усиливает мотив общности.

В третьей и четвертой строках той же строфы наблюдается, во-первых, перестановка строк:

Гейне: И по-летнему зеленые берега
Тлели в луче вечернего солнца.

Михайлов: Под вечерним солнцем рдели
Берега лазурных волн.

Во-вторых, цветовая гамма переводного стихотворения не соответствует оригинальной: «зеленые берега» превращаются у Михайлова в «берега лазурных волн». В-третьих, наблюдаются расхождения по лексическому составу: глагол «тлели» переводчик заменяет на «рдели», опускает гейневскую лексему «луч» и вводит дополнительную – «волны».

Текстуальные различия оригинального и переводного текстов наблюдаются и в третьей, четвертой строках третьей строфы, первой и второй строках четвертой строфы и второй строке пятой строфы. Особенно заметны смысловые расхождения в четвертой строфе:

Гейне: Лютни звенели, мальчики пели,
Чудесное веселье.

Михайлов: Все живее, веселее
Раздавалась песнь гребца...

В михайловском тексте вместо музыкального инструмента возникает песня. Судя по всему, она вообще не сопровождается музыкой. В переводе, в отличие от оригинала, веселье «разворачивается» по нарастающей (такое впечатление создается за счет использования переводчиком прилагательных в сравнительной степени – «живее», «веселее», «просторнее»), в оригинале же «чудесное веселье» на палубе ровное, не чувствуется его дальнейшего размаха. Во второй строке последней строфы лексему «лес» Михайлов переводит как «роща».

Бросятся в глаза также и переводческие неточности на синтаксическом уровне: часто Михайлов меняет местами строки (3 и 4 строки первой строфы; 3 и 4 строки второй строфы; 3 и 4 строки третьей и пятой строфы), например:

Гейне: И это все, видел я, блестело
В глазах прекрасной женщины.

Михайлов: Очи женщины любимой
Отражали этот сон.

Часто в переводе, в отличие от оригинала, глагол в строке стоит на последнем месте, например:

Гейне: Sassen alle auf dem Verdecke....

Сидели все на палубе ...

Михайлов: Дружным кругом все сидели

Гейне: Glühn im Abendsonnenschein...

Тлели в луче вечернего солнца...

Михайлов: Под вечерним солнцем рдели...

Торжественность придают переводу архаизмы: «рдеть» (вместо гейневского «тлеть», «очи», «лик»).

Любопытны смысловые отличия оригинального и переводного текстов, возникающие как следствие синонимичных замен. Слово «дама» Михайлов заменяет на «женщина», если автор использует в характеристике дамы различные прилагательные (милая, прекрасная, любимая), то переводчик только одно – любимая, повторяя его дважды. Возникает впечатление, что михайловский герой давно уже знаком с этой женщиной, она близка ему, а «оригинальный» лирический герой вот-вот познакомился, он идеализирует, возвышает ее, она для него недоступна.

Михайловский перевод данного стихотворения, в отличие от других переводов по стилю наиболее близок оригиналу, однако и здесь наблюдаются, на наш взгляд, существенные расхождения с оригиналом на смысловом, синтаксическом и лексическом уровнях.

Фетовский перевод стихотворения «Wie der Mond sich leuchtend dränget» проанализирован выше в сравнении с тютчевским и, как отмечалось, очень точен. Точнее он и в сравнении с михайловским. Укажем, в частности, на тот факт, что, в отличие от Фета, Михайлов использует при переводе несколько иную модель строфы: X4 ХаХа он заменяет на X4 АбАб. Фет же, подобно Гейне, оставляет во всем стихотворении нечетные строки незарифмованными.

Склонность Михайлова-переводчика переделывать стиль оригинала с нейтрального на разговорный ярко проявляется в переводах гейневских стихотворений «Du schönes Fischermädchen» и «Bergidyllie». В стихотворении «Du schönes Fischermädchen» переводчик заменяет «девушка-рыбачка» на «душа-рыбачка», «положи» (голову) на «припади» («мне на сердце головой»), «дикое море» на «сине море». За счет введения восклицательной интонации михайловский перевод становится более ироничным:

Гейне: Ты, красивая девушка-рыбачка,

Гони челн к берегу

Михайлов: Привяжи, душа-рыбачка,

Ты у берега челнок!

Гейне: Положи на мое сердце свою головку

И не бойся так сильно.

Михайлов: Без боязни припади ты

Мне на сердце головой!

Очевидны значительные несоответствия оригинального и михайловского текстов и по лексическому составу. Сравним:

Гейне: Мое сердце совсем похоже на море,

У него есть шторм, приливы и отливы

И много красивых жемчужин

В его глубине лежит.

Михайлов: Это сердце – то же море!

Так же часты бури в нем,

Так же, бурно, богато

Многоцветным жемчугом.

Гейне: Доверяешь же ты себя беззаботно

Каждый день дикому морю.

Михайлов: Ведь без страха синю морю

Ты челнок вверяешь свой.

Фет в переводе данного стихотворения более точен, чем Михайлов, в передаче как стиля, так и словаря автора. Сравним:

Гейне: Положи на мое сердце свою головку

И не бойся так сильно.

Доверяешь же ты себя беззаботно

Ежедневно дикому морю.
 Фет: Доверчиво головкой
 На грудь склонись ко мне;
 Ведь ты ж себя вверяешь
 Беспечно глубине.
 Гейне: Мое сердце совсем похоже на море
 У него есть шторм, отливы и приливы
 Фет: С приливом и отливом,
 Что море, грудь моя.

Интересно, что в выборе метра, ритмически эквивалентного дольнику оригинала, Фет и Михайлов разошлись: первый переводит трехиктовый дольник трехстопным ямбом, второй – четырехстопным хореем. И то и другое вполне объяснимо, при этом Михайлов исходит из семантического ореола четырехстопного хорая, а Фет стремится более точно воспроизвести ритмическую структуру стихотворения Гейне. Дело в том, что в стихотворении «Du schönes Fischermädchen», написанном дольником, из 12 строк 6, то есть ровно половина, представляют собой трехстопный ямб: полностью третья, заключительная строфа и, что особенно важно, дающая ритмическую установку первая строка. Таким образом, выбор Фета вполне объясним.

Что касается Михайлова, то его предпочтение, как уже замечено, связано с семантикой размера. Крупнейший современный специалист в области семантики метра, М.Л. Гаспаров [10], выделяет в ЯЗ 15 семантических окрасок. И хотя среди основных разновидностей этого размера называется та, которая восходит к народному песенному стиху, все же ореол Х4 является более четким. По свидетельству Гаспарова [10; с.193], «специфика 4-ст. хорая – это его связь с песней: она прослеживается в силлабо-тоническом хорее и его силлабических аналогах разных европейских языков и, по видимому, объясняется тем, что песня для четкости ритма предпочитает размер с сильным местом на первом слоге, без затакта, т.е. хорей, а не ямб». Стихотворение Гейне могло восприниматься Михайловым как песня по нескольким причинам. Во-первых, этому могли способствовать параллелизм метра и синтаксиса, симметричность интонационно-синтаксических периодов. По классификации В.Е. Холшевникова [11] стихотворение принадлежит к напевному интонационному типу, его песенной разновидности. Определенную роль, во-вторых, сыграла широко известная песня Ф. Шуберта на стихи Гейне, написанная в 1828 г. и отмеченная связью с фольклором. «В этом произведении, – писал музыковед П. Вульфус [12; с. 177], – совершенно отчетливо обнаруживается связь с фольклором. Основанием этому послужила органическая близость стихотворения Гейне народно-песенным образцам. И интонационно, и ритмически, и по фактуре, и с точки зрения формы «Рыбачка» обнаруживает эту зависимость».

Михайловский перевод стихотворения «Bergidyllie» также отличается стилистической неровностью. В седьмой строфе наличие глаголов во втором лице ед. числа при отсутствии личных местоимений, а также таких лексем, как «бывало», «хоть» свидетельствует о разговорном стиле, в оригинале же стиль данной строфы нейтральный, сравним:

Гейне: С тех пор, как тетушка умерла,
 Не можем мы больше ходить
 На стрелковый двор в Гослар,
 Там очень красиво.
 Михайлов: Вот, как тетушка скончалась,
 И сиди тут круглый год:
 С ней пойдешь, бывало, в горку,
 Хоть посмотришь на народ.

В переводном тексте мы находим также следующие замены нейтральных оригинальных лексем на слова разговорного стиля: «робкая» на «трусливая», «играет» на «бренчит», «погребены» на «схоронимся» (в снегах).

Текст первой строфы в переводе Михайлова, напротив, кажется торжественным, высокопарным, в отличие от выдержанного в нейтральном стиле оригинального. Переводчик заменяет гейневские глаголы «шумит», «светит» на краткие прилагательные «шумны», «кротко-светел»; вместо «золотой луны» у Михайлова «лунный лик». Сравним:

Гейне: Там шумит зеленая ель,
 И светит золотая луна.
 Михайлов: Шумны темные там ели,

Кротко-светел лунный лик.

Фетовский же перевод данного стихотворения и стилистически, и по своему лексическому составу гораздо ближе к оригиналу. Сравним для примера одни и те же строки 7-ой и 1-ой строф оригинального текста и перевода Фета, которые мы сравнивали с михайловскими:

Гейне: «С тех пор как тетушка умерла,
Не можем мы больше ходить
На стрелковый двор в Гослар,
Там очень красиво...»

Фет: «Но как тетушка скончалась,
И ходить нельзя уж нам
На стрелковый праздник в Гослар;
Хорошо бывает там...»

Гейне: Там шумит зеленая ель
И светит золотая луна.

Фет: Там сосна шумит ветвями,
Светит месяц золотой.

В отличие от Михайлова, Фет сохраняет здесь цветовую гамму оригинала («золотой», «светит»). Лексему «луна» он переводит как «месяц», вероятно, эту замену можно объяснить тем, что в оригинальной поэзии Фета более распространенным поэтическим образом является образ месяца, чем луны. Замена «ели» на «сосну» также закономерна, поскольку для русской поэзии характерен поэтический образ сосны.

Лексемы, которые у Михайлова заменены синонимичными из разговорного стиля, в фетовском тексте переведены абсолютно точно:

Гейне: И я *робкая* девочка

Фет: Я же *робкая* такая

Михайлов: Я ж *трусливая* такая

Гейне: Как будто *погребены* в снег

Фет: Будто в снег *погребены*

Михайлов: Все *схоронимся* в снегах

Гейне: И отец *играет* на цитре,

И он поет старинную песню

Фет: И отец под звуки цитры

Песнь старинную поет

Михайлов: И отец, *бренча* на лютне,

Песнь старинную поет

В отношении ритма оригинальный текст не составлял для переводчика существенных проблем, так как представлял собой четырехстопный хорей с зарифмованными четными строками (X4 ХаХа). Соответственно, и Михайлов, и Фет переводят стихотворение Гейне этим же размером.

Таким образом, можно заключить, что Фет приближает переводное стихотворение к оригинальному, уделяя особое внимание поиску точных эквивалентов грамматическим, синтаксическим конструкциям и лексическим единицам гейневского текста. Если производится замена авторских лексем, то, как правило, на синонимичные, если же вводятся дополнительные слова, то они не вносят новой трактовки в переводимое произведение. Избегает Фет и введения в стихотворения новых поэтических образов.

Внимателен Фет и к авторскому стилю, чего нельзя сказать о текстах Михайлова, который например, часто заменяют нейтральную лексику Гейне на лексику разговорного стиля.

Мастерски передает Фет также метрические особенности оригинальных произведений. Несмотря на то, что в плане воспроизведения ритма он не является буквалистом, Фет улавливает ритмический характер подлинника и находит точный эквивалент, не выбываясь из русской переводческой традиции.

Тонко чувствует Фет-переводчик, казалось бы, незаметный на первый взгляд иронический подтекст гейневской лирики, так же как и Гейне делая иронию чуть заметной и оставляя ее на заднем плане. Напротив, у Михайлова ирония выходит на первый план, разрушая таким образом лирический мир гейневского стиха.

Чутко передает Фет и музыкальность произведений немецкого поэта, используя в качестве основных приемов мелодизации ассонансы и аллитерации. Иногда, в ущерб лексической и стилистической точности, он заменяет оригинальные слова на синонимичные, чтобы приблизить количество сонорных согласных к их числу в гейневском тексте. Михайловские переводы, также отличающиеся музыкальностью, все же уступают фетовским.

Библиографический список

1. Ратгауз Г.И. Немецкая поэзия в России. // Золотое перо: Немецкая, австрийская и швейцарская поэзия в русских переводах. 1812 – 1970. М.: Прогресс, 1974. С. 5-55.
2. Русские писатели о переводе. / под. ред. Ю.Д. Левина, А.В. Федорова. Л., 1960. С. 6–27.
3. Эткин Е.Г. Поэтический перевод в истории русской литературы // Мастера русского стихотворного перевода. Кн. 1. Л., 1968. С. 5–72.
4. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ. / Общ. ред. и вступ. ст. А.Е. Кибрика. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. 656 с.
5. Ромашко С.А. Методология изучения истории языкознания. М.: ИНИОН, 1985. 46 с.
6. Мастера русского стихотворного перевода / Библиотека поэта. Изд. 2-е. Ленинград: Советский писатель, 1968. 529 с.
7. Михайлов М.Л. Стихотворения. / Серия: Библиотека поэта. под ред. М. И. Дикман и Ю.Д. Левина. изд. 3-е. Ленинград: Изд-во Советский писатель, 1957. 484с.
8. Фет А.А. Стихотворения и поэмы / Вступит. ст. Б.Я. Бухштаба. Л., 1986. 750 с.
9. Heines Werke. In fünf Bänden. B. I. Berlin und Weimar, 1972. 469 с.
10. Гаспаров М.Л. Очерки истории европейского стиха. М., 2000. 351 с.
11. Холшевников В.Е. Стиховедение и поэзия. Л., 1991. 256 с.
12. Вульфийус П. А. Франц Шуберт. М., 1983. 447 с.

References

1. Ratgauz G.I. German poetry in Russia. // Golden Pen. German, Austrian and Swiss poetry in Russian translations. 1812 – 1970. Moscow: Progress, 1974. 5-55 pp.
2. Russian writers and problems of translation. / Ed. Y.D. Levin, A.V. Fedorov. L., 1960. 6-27pp.
3. Etkind E.G. Poetic translation in the history of Russian literature // Masters of Russian poetry translation. Book 1. L., 1968. 5-72 pp.
4. Sepir E. Selected works on linguistics and cultural studies: Transl. from English / Ed. and intro. by A.E. Kibrik. Moscow: Publishing Group "Progress", "Univers", 1993. 656 pp.
5. Romashko S.A. Methodology of the study of the history of linguistics. M.: INION, 1985. 46 pp.
6. Masters of Russian verse translation / Poet's Library (Big series. Second edition). Leningrad: Soviet Writer, 1968.529 pp.
7. Mikhailov M.L. Poems. / Series: Poet's Library. Small Series. Third edition. Introductory article and notes by Y.D. Levin. L., Soviet Writer. 1957. 484 pp.
8. Fet A.A. Poems / Introductory article. B.Ya. Bukhshtab. L., 1986. 750 pp.
9. Heines Werke. In fünf Bänden. B. I. Berlin und Weimar, 1972. 469 pp.
10. Gasparov M.L. Sketches of the History of European Verse. M., 2000. 351 pp.
11. Kholshchevnikov V.E. Verse Studies and Poetry. L., 1991. 256 pp.
12. Wolfius P. A. F. Schubert. M., 1983. 447 pp.

УДК 81'373.612.2+821.111
DOI 10.36622/2587-9510.2024.22.29.014

*Независимый исследователь,
канд. ист. наук
Богатырев А.В.
Россия, г. Тольятти,
тел. +79171258235
e-mail: sob1676@yandex.ru*

*Independent Researcher
PhD in History
Bogatyrev A.V.
Russia, Togliatti,
tel. +79171258235
e-mail: sob1676@yandex.ru*

А.В. Богатырев

ПАУК-ДОЛГОЖИТЕЛЬ У БРЭМА СТОКЕРА: ВЫМЫСЕЛ И ПРАВДА

В статье исследуются возможные источники информации доктора Абрахама Ван Хелсинга о пауке, который жил сотни лет и питался маслом из церковных лампад. Дж. Сазерленд высказал предположение, что эти сведения могли быть позаимствованы из журнальной статьи 1821 г. с сообщением о якобы обнаруженных в 1732 и 1751 гг. гигантских пауках. Данный материал произвел в XIX в. определенный фурор, неоднократно перепечатывался в британской и американской прессе. Тем не менее поиск похожей информации привел нас к более раннему тексту издания 1814 г. В нем содержится намек на общий источник рассказов об исполинских животных (1751 г.), который указывает на рукопись, хранящуюся в Библиотеке Лиона. Появление «сенсационного» сообщения о питающихся маслом пауках-долгожителях заставило научную общественность предполагать, что под обликом невероятных чудовищ скрывались имевшие внешние дефекты скорпионы, *Tegenaria parietina*, пауки-кругопряды. Кроме того, после мероприятий по изучению южноамериканской фауны и издания капитального труда в 1705 г. образованные европейцы узнали об отличающихся внушительными размерами пауках-птицеедах. Не следует забывать об особенностях культурно-исторического контекста эпохи, в рамках которого история о пришествии огромных арахнид получает истолкование как аллегория зла, метафора дьявольской природы вампира. Здесь нашли отражение личные меркантильные расчеты информаторов, старинные традиции врачебного использования «паучьего масла», а также особенности поведения представителей паукообразных. Основой поздних легенд послужил подлинный факт обнаружения в 1751 г. большого арахнида, описанного членом Королевской академии в Париже, который затем оброс домыслами и в таком виде был позаимствован Ван Хелсингом для своей аргументации.

Ключевые слова: британская и американская литература, «Дракула» Брэма Стокера, Абрахам Ван Хелсинг, журнальные публикации, паукообразные, метафора.

A.V. Bogatyrev

BRAM STOKER'S LONG-LIVING SPIDER: FICTION AND TRUTH

The paper explores possible sources of Dr. Abraham Van Helsing's information about a spider that lived for hundreds of years and ate oil from church lamps. J. Sutherland suggested that this information could have been borrowed from a magazine article published in 1821 and reporting of the giant spiders allegedly discovered in 1732 and 1751. This material made in the 19th century a certain sensation, repeatedly reprinted in the English and American press. Nevertheless, the search for similar information led me to an earlier text of the 1814 edition. It contains a hint of a common source for stories about gigantic animals (1751), which indicates a manuscript stored in the Library of Lyon. The appearance of a "sensational" message about oil-eating long-living spiders prompted the scientific community to assume that under the guise of incredible monsters there were scorpions that had external defects, *Tegenaria parietina*, and various other circle spiders. In addition, after some studies of South American fauna and the publication of book work in 1705, educated Europeans learned about bird spiders that were distinguished by their impressive size. One should not forget about the peculiarities of the cultural and historical context, within which the story of the coming of huge arachnids is interpreted as an allegory of evil, a metaphor for the devilish nature of the vampire. Personal mercantile goals of informants, ancient traditions of the medical use of "Oil of Spiders" as well as features of the behavior of representatives of arachnids were reflected here. The basis of later legends was the true fact of the discovery of a large

arachnid described by a member of the Royal Academy in Paris (1751), which was then overgrown with speculation and in this form was borrowed by Van Helsing for his argument.

Key words: British and American literature, Bram Stoker's *Dracula*, Abraham Van Helsing, magazine publications, arachnids, metaphor.

Поклонники «Дракулы» (1897 г.) Брэма Стокера помнят знаменательный фрагмент из романа, в котором борец с мрачными потусторонними силами доктор Абрахам Ван Хелсинг, вступив в дискуссию со скептически настроенным Джоном Сьюардом, прибег к довольно нетривиальным аргументам. В частности, им был приведен случай необычного паука, жившего несколько столетий и выросшего до невообразимых размеров: *Не можете ли вы мне сказать, почему все пауки умирают в молодости и смерть их быстра, а ведь нашелся один большой паук, который жил сотни лет в башне древней испанской церкви, и рос, рос до тех пор, пока наконец не оказался в состоянии выпить все масло из церковных лампад?* [1, с. 201–202] (*Can you tell me why, when other spiders die small and soon, that one great spider lived for centuries in the tower of the old Spanish church and grew and grew, on descending, he could drink the oil of all the church lamps?* [2, с. 262]).

Этот экстраординарный рассказ из области естественной истории уже привлекал внимание исследователей творчества Стокера. Так, в аннотированном издании 2012 г. Джозефа Пирса в сноске к речи Ван Хелсинга о пауке отмечено: источник анекдота неизвестен [2, с. 262]. Однако в вышедшем в 2017 г. труде Джона Сазерленда [3] указано, что писатель мог позаимствовать историю из прессы, один из вариантов сообщения о пившем масле арахниде встречается в журнале «The Atheneum» за 1821 г. в статье под броским заголовком «Король пауков» [4, р. 485]. Данное издание, напомним, было бостонским.

Но статьи об эпизоде с пауком выходили и в британской периодике, причем их было довольно много. Одно из наиболее ранних сообщений относится к 1814 г. и опубликовано в «The Monthly Magazine» в заметке «Пауки» [5, с. 144]. Есть и более близкие времени публикации «Дракулы» статьи. Например, имеется похожий очерк в «The London Magazine» [6, с. 561–573] 1822 г., а писатель и секретарь американского президента Эндрю Джонсона Фрэнк Коуэн ссылается [7, с. 343] на материал из «Chambers's Miscellany» «Анекдоты о пауках» [8, с. 8–9]. В 1884 г. отрывок о пауке появился в лондонском «The Month» [9, с. 366–367]. Все публикации повторяют одни и те же общие факты, с небольшими коррективами.

«Сенсации» были посвящены двум будто бы имевшим место случаям – обнаружению весьма крупных паукообразных в церкви св. Евстафия в Париже и в кафедральном соборе Милана. Первое из них относится к 1732 г. и касается открытия, сделанного в парижской Церкви св. Евстафия (Сент-Эташ, Church of St Eustace at Paris): в храме нашли большого паука, питавшегося лампадным маслом. Другой исполинский паук обитал в кафедральном соборе Милана, где и был пойман церковным служкой в 1751 г. Согласно сообщению, оба существа достигли небывалых размеров, добираясь к источнику питания (маслу) повернувшись на спину, с помощью шнура (паутины?). Милан тогда находился во владении австрийских Габсбургов, курьез 1751 г. был в умерщвленном виде отправлен интересовавшемуся естественными науками императору Францу I Стефану, пополнил коллекцию Императорского музея в Вене (по всей видимости экспонат не сохранился).

На волне интереса к сообщениям и из-за их резонансного характера к ним отнеслись с осторожностью и скепсисом, сразу же были предприняты попытки изучить миланского арахнида. Так, его исследованием занимался ученый XVIII в. мсье Моран (Morand, Morland [10, с. 49]) из Королевской академии в Париже. В материале 1814 г. приведен отрывок из его доклада: *Le corps, couleur de suie arrondi, terminé en pointe, avec le dos et les pattes velues, pesoit quatre livres (Тело цвета сажи, округлое, заостренное на конце, с бархатистыми спиной и ногами, весит четыре фунта. – А. Б.)*. Мы осуществили поиск интересующего нас фрагмента и выяснили: источник данного сообщения обнаруживается среди манускриптов Лионской библиотеки, которые были напечатаны в 1812 г. [11, с. 460] (а в 1814 г. вышла заметка в британском журнале, по всей видимости, вдохновленная как раз этим документом). Вести о необычном раритете достигли ушей крупного лотарингского и австрийского государственного деятеля маркиза Франсуа-Жозефа де Шуазель-Стенвиля, который и занялся доставкой любопытного экземпляра лично императору.

Таким образом, некий аномальных размеров паук действительно был обнаружен, чему остались архивные свидетельства. Тем не менее, заметка 1814 г. сохраняет скептический тон: кто его видел? Автор «Анекдотов о пауках» удивляется, почему служка, проверявший наполненность лампад мас-

лом, наткнулся на гигантского паука, обитавшего в храме довольно долго, лишь в тот день [8, с. 9]? Вполне вероятно, он обозначился, приняв светильник на длинной цепи за силуэт членистоногого. Британский натуралист Джон Клаудсли-Томпсон приводит мнение, что случай привередливого в еде паука мог быть попросту выдуман, дабы скрыть пропажу лампадного масла, украденного служкой [12, с. 188]. Однако история, несмотря на свою нелепость, продолжала муссироваться даже в солидной литературе: Клаудсли-Томпсон приводит информацию о событии 1751 г. из специального труда 1947 г., в котором отмечается, что тот паук должен был быть размером с пекинса [12, с. 188].

Ученые выдвигали разнообразные предположения – что за пауки попадались в 1732 и 1751 гг. Полагали, что странные животные могли быть покалеченными скорпионами. Автор «Анекдотов о пауках» склонялся к точке зрения, согласно которой гигантами были крупные «кардинальские пауки» (*The Cardinal Spider*) [8, с. 8] – *Tegenaria parietina*. Похожие мысли высказывали и другие, признавая за существами сходство с семейством *Araneidae*, то есть пауков-кругопрядов [13, с. 113]. Рассказ о гигантском пауке мог быть навеян сообщениями о пауках-птицеедах, которые, к примеру, способны достигать в размахе ног до 27 см. Обитают эти животные, как известно, не только в тропиках, но и на юге Италии, в Испании и Португалии. Интересно, что фрагмент с пауком соседствует у Стокера со словами о летучих мышах, добывающих пропитание в американских пампасах. Наиболее известные пауки-гиганты как раз происходят именно оттуда. Шумиха вокруг случая 1751 г. возникла, когда уже случилась экспедиция Марии Сибиллы Мериан в Суринам (1705 г.), после которой просвещенную Европу взбудоражила созданная ею иллюстрация с изображением исполинского паука-птицееда, напавшего на колибри [14, с. 208].

Но для исследователей творчества Стокера важны не естественнонаучные тонкости, а символизм созданной мастером картины. Нина Ауэрбах [15] связывает истории о пауке и других животных-долгожителях с самим вампиром Дракулой, который практически бессмертен, умеет принимать обличье животных. Дж. Сазерленд [3] видит в рассказе Ван Хелсинга некий символизм: ненасытный паук изображает ненасытного сатану; возникшая в воображении картинка вызывает отвращение, на что и рассчитывал автор. Паук как символ дьявола, греховности имеет древнее происхождение (вспомним миф об Арахне, дерзнувшей бросить вызов Афине и за это святотатство обращенной в членистоногое); в XVI в. помещенный в питье жертвы паук «превращал» ее в одержимую: арахнид олицетворяет собой лукавого, который, точно паук, ловит души в свои тенета [16, с. 149; 17, с. 64].

Почему Стокер поместил паука не во французскую или итальянскую, а именно испанскую церковь? Возможно, сказалось некоторое созвучие названия страны – *Spain* и наименования паука на английском языке – *spider*. Не исключено: какое-то влияние на выбор страны оказал знаменитый итальянский род Спинола (начертание фамилии *Spinola* близко немецкому *die Spinne – паук*), представитель которого Амброджио (Амброзио) Спинола находился на службе Испании и снискал славу успешного и талантливого полководца [18] (между прочим, он рассматривался испанскими Габсбургами в качестве командующего в грозных планах вторжения на Британию). Что касается местонахождения паука – храма, немало представителей Дома Спинола были католическими кардиналами. Вести о зловещих восьминогих исходят из XVIII столетия, когда многие агенты власти и мыслители всячески содействовали освобождению общества от «вредных» клерикальных пут, поэтому появление олицетворения зла в церкви можно рассматривать как выражение этих умонастроений.

Как видно, в сообщениях прямо не говорится, что пауки из парижского и итальянского храмов жили «сотни лет». Откуда же взялся этот пассаж? Пауки, подобно змеям, способны сбрасывать свою «шкурку» – хитиновый покров – и тем самым как бы «омолаживаться». Нельзя не отметить, что метафоры с пауком упомянуты в трудах, посвященных жизни, смерти и бессмертию. Так, паутинной нити уподобляется связь человека с земным бытием [19, с. 11, 107], имеется аллегория с паукообразным в книге о проблеме бессмертия, изданной в 1892 г. [20, с. 45]. Восьминогие, естественно, не питаются маслом, но тут можно допустить своего рода «подмену». Еще древнегреческий врач Диоскорид советовал препарат из паука, вываренного в розовом масле, паук в масле использовался при лечении заболевания альбуго [7, с. 357, 359]. Существовал рецепт «паучьего масла» (*Oil of Spiders* изготавлялось, например, путем заливания пауков в бутылке оливковым маслом), которое, как верили, хорошо помогает в качестве противолихорадочного средства [21, с. 257].

Если в достоверности эпизода 1732 г. имеются определенные сомнения, то свидетельство о пауке-великане 1751 г. основывается на подлинных фактах, которые вошли в донесение австрийским властям. Распространившиеся затем слухи исказили данные, «породив» чудовище размером с собаку.

Реальность перемешалась с домыслами; в таком виде сообщение попало в западную периодику, ожидаемо вызвав некоторое возмущение в обществе. Однако Ван Хелсинг, похоже, верил этому рассказу – и отчасти оказался прав. После «Дракулы» гигантские пауки станут более частыми гостями в историях жанров фэнтези и хоррор. Они пьют кровь в рассказе «Ясень» М.Р. Джеймса, плетут сети в черном лесу у Джона Рональда Руэла Толкина. Тысячелетний паук будет поселен Стивеном Кингом в подземных коммуникациях вымышленного Дерри, а Арагог станет пугать подрастающее поколение волшебников в фантастической реальности Джоан Роулинг.

Библиографический список

1. Стокер Б. Граф Дракула, вампир: романы, рассказы. М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2005. 928 с.
2. Stoker B. *Dracula* / ed. by J. Pearce. San Francisco: Ignatius Press, 2012. 558 p.
3. Sutherland J. *Who Is Dracula's Father? And Other Puzzles in Bram Stoker's Gothic Masterpiece*. London: Icon Books, 2017. 208 p.
4. *The King of the Spiders* // *The Atheneum*; or, *Spirit of the English Magazines*. 1821. Vol. IX. P. 485.
5. *Spiders* // *The Monthly Magazine: Or, British Register*. March 1, 1814. No 252. Vol. 37. P. 144.
6. *The Miscellany* // *The London Magazine*. December, 1822. No XXXVI. Vol. VI. Pp. 561-573.
7. Cowan F. *Curious Facts in the History of Insects, Including Spiders and Scorpions*. Philadelphia: J.B. Lipincott and Co, 1865. 396 p.
8. *Anecdotes of Spiders* // *Chambers's Miscellany of Useful and Entertaining Tracts*. 1846. Vol. XI. No 100. Pp. 1-32.
9. Bell M. *Spiders and Their Devices* // *The Month: A Catholic Magazine and Review*. November, 1884. Vol. XLIX. No 233. Pp. 359-382.
10. *Notes and Queries*. July 21, 1894. Vol. VI. P. 49.
11. *Manuscripts de la Bibliothèque de Lyon*. Paris; Lyon: A la Bibliothèque publique, 1812. T. 1. 485 p.
12. Cloudsley-Thompson J.L. *Spiders, Scorpions, Centipedes and Mites: The Commonwealth and International Library of Sciences Technology Engineering and Liberal Studies*. Oxford: Pergamon Press, 1968. 296 p.
13. Murray J. *Experimental Researches on the Light and Luminous Matter of the Glow-Worm, the Luminosity of the Sea, the Phenomena of the Chameleon, the Ascent of the Spider into the Atmosphere, and the Torpidity of the Tortoise, &c.* Glasgow: W.R. M'Phun; Edinburgh: D. Lizars; London: B. Steuart, 1826. 177 p.
14. Knickerbocker N.Y. *Natural History* // *The Family Magazine*. 1837. Vol. II (27). Pp. 208-219.
15. Auerbach N. *Our Vampires, Ourselves*. Chicago: The University of Chicago Press, 1995. 242 p.
16. Kallestrup L.N. "Kind in Words and Deeds, but False in Their Hearts": Fear of Evil Conspiracy in Late Sixteenth-Century Denmark // *Cultures of Witchcraft in Europe from the Middle Ages to the Present*. Cham, Switzerland: Palgrave MacMillan; Springer Nature, 2018. Pp. 137-154.
17. Olderr S. *Reverse Symbolism Dictionary: Symbol Listed by Subject*. Jefferson, NC: McFarland, 2022. 323 p.
18. Лазарева А.В. Образ врага и появление национальных стереотипов в Германии в эпоху Тридцатилетней войны. URL: https://www.hist.msu.ru/about/gen_news/40745/
19. Young E. *The Complaint; or, Night Thoughts on Life, Death and Immortality*. London: T. and J. Allman, 1825. 260 p.
20. Petavel E. *The Problem of Immortality*. London: Elliot Stock, 1892. 597 p.
21. *Pharmacopoeia Londinensis. Or, the New London Dispensatory*. London: W. Battersby, 1702. 896 p.

References

1. Stoker B. *Dracula: Novels, Stories*. Moscow: Eksmo; St. Petersburg: Domino, 2005. 928 p.
2. Stoker B. *Dracula* / ed. by J. Pearce. San Francisco: Ignatius Press, 2012. 558 p.
3. Sutherland J. *Who Is Dracula's Father? And Other Puzzles in Bram Stoker's Gothic Masterpiece*. London: Icon Books, 2017. 208 p.
4. *The King of the Spiders* // *The Atheneum*; or, *Spirit of the English Magazines*. 1821. Vol. IX. P. 485.
5. *Spiders* // *The Monthly Magazine: Or, British Register*. March 1, 1814. No 252. Vol. 37. P. 144.
6. *The Miscellany* // *The London Magazine*. December, 1822. No XXXVI. Vol. VI. Pp. 561-573.
7. Cowan F. *Curious Facts in the History of Insects, Including Spiders and Scorpions*. Philadelphia: J.B. Lipincott and Co, 1865. 396 p.
8. *Anecdotes of Spiders* // *Chambers's Miscellany of Useful and Entertaining Tracts*. 1846. Vol. XI. No 100. Pp. 1-32.
9. Bell M. *Spiders and Their Devices* // *The Month: A Catholic Magazine and Review*. November, 1884. Vol. XLIX. No 233. Pp. 359-382.
10. *Notes and Queries*. July 21, 1894. Vol. VI. P. 49.
11. *Manuscripts of Lyon Library*. Paris; Lyon, 1812. . Vol. 1. 485 p.

12. Cloudsley-Thompson J.L. Spiders, Scorpions, Centipedes and Mites: The Commonwealth and International Library of Sciences Technology Engineering and Liberal Studies. Oxford: Pergamon Press, 1968. 296 p.
13. Murray J. Experimental Researches on the Light and Luminous Matter of the Glow-Worm, the Luminosity of the Sea, the Phenomena of the Chameleon, the Ascent of the Spider into the Atmosphere, and the Torpidity of the Tortoise, &c. Glasgow: W.R. M'Phun; Edinburgh: D. Lizars; London: B. Steuart, 1826. 177 p.
14. Knickerbocker N.Y. Natural History // The Family Magazine. 1837. Vol. II (27). Pp. 208-219.
15. Auerbach N. Our Vampires, Ourselves. Chicago: The University of Chicago Press, 1995. 242 p.
16. Kallestrup L.N. "Kind in Words and Deeds, but False in Their Hearts": Fear of Evil Conspiracy in Late Sixteenth-Century Denmark // Cultures of Witchcraft in Europe from the Middle Ages to the Present. Cham, Switzerland: Palgrave MacMillan; Springer Nature, 2018. Pp. 137-154.
17. Olderr S. Reverse Symbolism Dictionary: Symbol Listed by Subject. Jefferson, NC: McFarland, 2022. 323 p.
18. Lazareva A.V. The image of the enemy and the emergence of national stereotypes in Germany during the era of the Thirty Years War. URL: https://www.hist.msu.ru/abo-ut/gen_news/40745/
19. Young E. The Complaint; or, Night Thoughts on Life, Death and Immortality. London: T. and J. Allman, 1825. 260 p.
20. Petavel E. The Problem of Immortality. London: Elliot Stock, 1892. 597 p.
21. Pharmacopoeia Londinensis. Or, the New London Dispensatory. London: W. Battersby, 1702. 896 p.

УДК 81'367.622.12

DOI 10.36622/2587-9510.2024.58.29.015

*Елецкий государственный университет им.
И.А. Бунина*
*Доктор филологических наук,
профессор кафедры русской филологии и
журналистики*
Селеменова О.А.
Россия, г. Елец, тел. +7 (47467) 6-08-10
e-mail: ol.selemenewa2011@yandex.ru

Bunin Yelets State University
The Chair of Russian Philology and Journalism
Doctor of Philology, Professor
Selemenewa O.A.
Russia, Yelets, tel. +7 (47467) 6-08-10
e-mail: ol.selemenewa2011@yandex.ru

*Елецкий государственный университет им.
И.А. Бунина*
*Аспирант кафедры русской филологии и
журналистики*
Попова О.П.
Россия, г. Елец, тел. +7 (47467) 6-08-10
e-mail: Olgapopova1996@yandex.ru

Bunin Yelets State University
*The Chair of Russian Philology and Journalism Post-
graduate student*
Popova O.P.
Russia, Yelets, tel. +7 (47467) 6-08-10
e-mail: Olgapopova1996@yandex.ru

О.А. Селеменова, О.П. Попова

ЭККЛЕЗИОНИМЫ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО РЕГИОНАЛЬНОГО БРЕНДА «ЛИПЕЦКАЯ ЗЕМЛЯ»

В статье поднимается вопрос о лингвистической составляющей локального геобренда «Липецкая земля». Цель работы – описать экклезионимы рекламного туристического дискурса в качестве репрезентантов указанного геокультурного бренда. Актуальность темы обусловлена интересом лингвистов к исследованию религиозного языка в лингвокультурологическом аспекте; малоизученностью языковых средств объективации локальных геобрендов России; а также необходимостью комплексного описания экклезионимов не только на материале архивных источников, текстов художественной литературы, но и текстов туристического дискурса ввиду популяризации «духовного туризма» внутри страны. Предмет исследования – структура, семантика и текстовые связи экклезионимов в туристической рекламе. Фактическим материалом исследования выступают рекламные онлайн-тексты внутреннего туризма, в частности маршрутов и объектов Липецкой области. При систематизации материала использовались описательный метод, методы контекстуального и количественного анализа данных. Новизна работы определяется рассмотрением экклезионимов в качестве языковых единиц, эксплицирующих идею «Липецкая земля – духовный центр России» при продвижении локального геобренда в медиапространстве. Синтез лингвистического и культурологического подходов при интерпретации экклезионимов позволил не только описать структурные типы экклезионимов, но и выявить особенности функционирования в рекламных текстах туристической сферы. Отмечено, что для них характерно упрощение структуры, вариативность компонентного состава, регулярность употребления модели «имя прилагательное с суффиксами -ск (-еск)» + номенклатурный термин», взаимозаменяемость единиц, обозначающих один и тот же религиозный объект, синтагматическая связь с атрибутивными лексемами, содержащими семы «красота», «роскошь», «торжественность». Авторы приходят к выводу о том, что кумулятивная функция экклезионимов, наличие регионально-культурной составляющей в семантике, текстовые связи обеспечивают их включение в круг лексических средств экспликации геокультурного бренда «Липецкая земля» в рекламном дискурсе туристической сферы.

Ключевые слова: туристическая реклама, геокультурный бренд «Липецкая земля», экклезионим, структурная организация, кумулятивная функция.

O.A. Selemeneva, O.P. Popova

**ECCLESIONYMS AS THE LINGUISTIC MEANS OF REPRESENTING
THE CULTURAL REGIONAL BRAND “LIPETSK LAND”**

The article raises the question of the linguistic component of the local geobrend “Lipetsk land”. The purpose of the work is to describe the ecclesionyms of advertising tourism discourse as representatives of the specified geocultural brand. The relevance of the chosen topic is due to the interest of linguists in the study of religious language in the linguoculturological aspect; the little-studied linguistic means of objectification of local geobrends in Russia; the need to describe ecclesionyms not only on the material of archival sources, texts of fiction, but also on the texts of tourist discourse due to the popularization of “spiritual tourism” within the country. The subject of the research is the structure, semantics and textual connections of ecclesionyms in tourism advertising. The actual material of the study is advertising online texts of domestic tourism, in particular routes and facilities of the Lipetsk region. Descriptive and contextual methods, as well as the method of quantitative analysis were used in the systematization of the material. The novelty of the work is determined by the consideration of ecclesionyms as language units that express the idea of “Lipetsk land is the spiritual center of Russia” when promoting a local geobrend in the media space. The synthesis of linguistic and cultural approaches in the interpretation of ecclesionyms made it possible not only to describe the structural types of ecclesionyms, but also to identify the peculiarities of functioning in advertising texts of the tourism sphere. It was noted that they are characterized by simplification of structure, variability of component composition, regularity of using the model “adjective name with suffixes -sk (-esk) + nomenclature term”, interchangeability of units denoting the same religious object, syntagmatic connection with attributive lexemes containing ‘krasota’ (‘beauty’), ‘roskosh’ (‘luxury’), ‘torzhestvennost’ (‘solemnity’). The authors conclude that the cumulative function of ecclesionyms, the presence of a regional-cultural component in semantics and their textual connections ensure their inclusion in the range of lexical means of explicating the geocultural brand “Lipetsk land” in the advertising discourse of the tourism sphere.

Key words: tourist advertising, geocultural brand “Lipetsk land”, ecclesionym, structural organization, cumulative function.

В настоящее время религиозный язык, конституирующийся благодаря наличию соотнесенности семантики слов с религиозным содержанием, религиозными темами или предметами, подвергается многоаспектному рассмотрению «с лингвистических, дискурсивных, когнитивных, лингвокультурологических, теологических позиций» [1; с. 75]. Заметной частью этого языка выступают религионимы, т. е. слова или составные именованья, являющиеся «обозначением конфессионального понятия» [2; с. 15]. Они обнаруживают тесную связь «с названиями религиозных объектов», которые «в ономастической литературе принято называть экклезионимами» [3; с. 223]. В «Словаре русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской термин «экклезионим» определен как «класс топонима», «собственное имя места совершения обряда, места поклонения любой религии, в том числе название церкви, часовни, креста, монастыря» [4; с. 164]. Лингвисты отмечают, что экклезионимам свойственны своеобразные типологические черты: сакральная семантика (ведь они именуют объекты культового назначения), прозрачная внутренняя форма и мотивация, традиционность моделей построения при множественности структурных типов и др. [5; с. 5].

В лингвистике экклезионимы изучаются преимущественно на материале архивных документов, краеведческой литературы, словарей, справочников, картографических источников, путеводителей, протоколов топонимических комиссий [6; 5; 7] или же на материале текстов художественных произведений отечественных и зарубежных авторов (В.И. Костылева, О.Э. Мандельштама, К. Эрендженова и др.) [8; 9]. Ученые акцентируют внимание на их семантике, генезисе, особенностях структуры и разнообразии структурных моделей, роли в индивидуально-авторском литературном ономастиконе.

Цель данной работы – описать экклезионимы в качестве репрезентантов геокультурного бренда «Липецкая земля» на материале регионального и межрегионального рекламного туристического дискурса.

Наше обращение к выбранной теме обусловлена двумя причинами.

Во-первых, экклезионимы регулярно обнаруживаются в современных текстах туристического дискурса. Во многом это обусловлено популяризацией «духовного туризма», связанного, как отмечают О.Н. Афанасьев и А.В. Афанасьева не только с религиозными, но и псевдорелигиозными (мистическими, светскими) мотивами туристов [10; с. 8–9]. Повышенный интерес к религиозным местам побуждает туроператоров включать в экскурсионные программы церкви, храмы, монастыри, а также предлагать различные паломнические поездки. Количество последних, по данным ТурСтата [11], со-

ставляет более 10 % от общего числа экскурсий, а Липецкая область входит в топ самых популярных паломнических мест страны.

Во-вторых, при осуществлении геокультурного брендинга территорий в целях эффективности формирования положительного образа места акцент делается на его историко-культурном наследии и локальных мифах. Так, продвижение геобренда «Липецкая земля» осуществляется посредством культивирования в медиапространстве четырех основных идей:

– «*край с уникальным природным ландшафтом*» (заповедник «Галичья гора», Каменная гора, Русанов ручей, Вербилковский затон и др.);

– «*регион древних народных промыслов*» (кружевоплетение, роспись деревянных изделий, елецкая рояльная гармоника, лозоплетение и др.);

– «*место кровопролитных боев и оккупации в годы Великой Отечественной войны*» («Воловская Хатынь», «Высота 194.0 (“Огурец”», «Тербунский рубеж», «Елецкая наступательная операция» и др.);

– «*духовный центр России*» (Задонский Рождественско-Богородицкий монастырь, Раненбургская Петропавловская пустынь, Свято-Троицкий женский монастырь и др.).

Все эти идеи получают выражение на лексическом уровне вербального компонента рекламного текста (например, в используемой системе имен собственных и апеллятивов, атрибутивной лексики и других единиц), однако их исследование и комплексные описания в научной литературе пока не представлены.

Мы обращаемся к четвертой из перечисленных выше идей, эксплицированной в системе экклезионимов, функционирующих в туристическом рекламном дискурсе.

Фактическим материалом исследования послужили сайты «Туры выходного дня с Еленой Дорофеевой» (<https://turizmlipetsk.ru>), «48onTour» (<https://48ontour-tury-iz-lipetska.clients.site>), «Lipetsk-reisen» (<https://lipetsk-reisen.com/>), «Школа путешествий» (<https://xn--80aieaqgbi0amydj3ei.xn--p1ai/>), «Амиго» (<https://amigo-elets.vsite.pro/>), «Елецкий паломник» (<https://el-eparhy.ru/palomnicheskij-otdel/>), «Паломническая служба Воронежской епархии» (<https://palomnikrus.ru/>) и др. Их контент позволяет заключить, что посещение религиозных объектов Липецкой области может предлагаться и как часть светского экскурсионного путешествия в регион с культурно-познавательной целью («Туры выходного дня с Еленой Дорофеевой», «Мир туризма», «Lipetsk-reisen» и др.), и как религиозная и паломническая поездка с целью духовно-нравственного роста («Елецкий паломник», «Божья благодать» и др.). Всего нами было проанализировано 180 рекламных текстов, из которых методом сплошной выборки извлечено 37 экклезионимов.

При всем многообразии подходов к структуре экклезионимов и словообразовательных моделей, описываемых ономастами (например, этот вопрос подробно освещен в [12]), модели экклезионимов, отмеченные непосредственно в текстах рекламы туристических маршрутов и объектов Липецкой области, традиционны. Они включают два основных компонента: номенклатурный и проприальный.

Номенклатурный термин, занимающий препозитивное или постпозитивное положение, позволяет классифицировать экклезионимы на четыре подгруппы:

1) наименование комплексов богослужебных, жилых и хозяйственных построек, используемых религиозными общинами монахов или монахинь [13; с. 295] (номенклатурный термин «*монастырь*»): *Успенский Липецкий монастырь* (православный мужской монастырь в г. Липецке), *Рождественский Богородицкий монастырь* (мужской монастырь Липецкой епархии Русской православной церкви в г. Задонске) и др.;

2) наименования главных христианских храмов на территории Липецкой области, «где совершает богослужение высшее духовное лицо (патриарх, епископ, архимандрит)» [14; с. 171] (номенклатурный термин «*собор*»): *Богоявленский собор* (православный храм Липецкой епархии, расположенный в г. Усмань), *собор Рождества Христова* (кафедральный собор русского архитектора швейцарского происхождения Т. Адамини в г. Липецке) и др.;

3) наименования строений, предназначенных «для совершения богослужений и религиозных обрядов», таинств [14; с. 623]. Эта группа включает наименования с номенклатурными терминами «*церковь*» и «*храм*»: *Великокняжеская церковь* (храм во имя святых князей Александра Невского и Михаила Тверского, сооруженный к 300-летию династии Романовых (1909–1911 гг.) и расположенный в г. Ельце); *Михайло-Архангельский храм* (церковь, построенная в 1812 г. в имени графа Г.И. Чернышова в с. Скорняково) и др.;

4) наименования небольших церковных зданий «с иконами без алтаря» [14; с. 653], в которых не служат литургию (номенклатурный термин «часовня»): часовня *Плющань* (часовня в Краснинском районе Липецкой области), часовня *Вознесения Господня* (каменная часовня в г. Ельце, построенная в 1801 г.) и др.

Например: «Посещение *Знаменского женского монастыря*, основанного на месте скита *Троицкого мужского монастыря* на *Каменной горе*» («Воронежский паломник», <https://palomnikrus.ru/marshruty/marshruty-po-rossii/zadonsk-elec/>); «*Но из множества елецких святынь самая необычная Великокняжеская Михаило-Александровская церковь...*» («Воронежский паломник», <https://palomnikrus.ru/marshruty/marshruty-po-rossii/zadonsk-elec/>) и др.

Продуктивность перечисленных подгрупп экклезионимов в рекламных текстах туристической сферы разная (см. рис. 1):

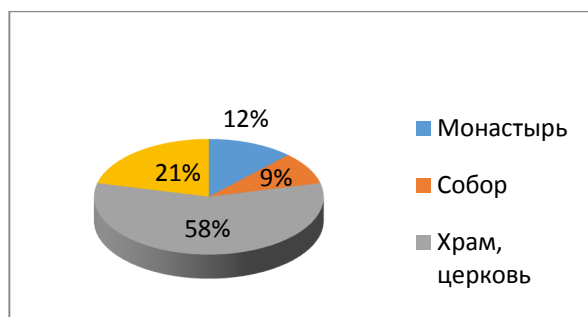

Рис. 1. Продуктивность подгрупп экклезионимов по признаку «номенклатурный термин в названии» в рекламе маршрутов и объектов Липецкой области

В основном объектом рекламы в межрегиональном и региональном туристическом дискурсе становятся монастыри, соборы и церкви, расположенные в Задонске и Ельце, что объясняется экстралингвистической причиной: высокой концентрацией в их урболандшафтах сакральных сооружений, памятников религиозной архитектуры.

Проприальный компонент отмеченных в собранном материале экклезионимов представлен следующим образом:

1) именами святых. Например, *церковь Николая Чудотворца* (православный храм Знаменского женского монастыря в г. Ельце, построенный в 2006 году), *церковь Сергия Радонежского* (храм Липецкой епархии в с. Липовке Задонского района), *Татианы церковь* (православный храм Липецкой и Задонской епархии в г. Липецке), *храм Архангела Михаила* (храм в с. Пальна-Михайловке) и др.

Причем в эту подгруппу включаем и имена угодников Божьих, святителей (*Николай Чудотворец*), и ангелов (*Михаил Архангел*), и монахов, величайших подвижников (*Сергий Радонежский*), и раннехристианских мучеников (*Татиана*);

2) наименованиями знаковых для христианства событий, праздников. Например, *Спаса Преображения церковь* (православный храм в г. Липецке), *собор Рождества Христова* (православный храм в г. Липецке, расположенный на Соборной площади города), *храм Вознесения Господня* (главный православный храм г. Ельца), *храм Богоявления* (храм в с. Бигильдино Данковского района) и др.

К таким ключевым событиям, что очевидно из приведенных примеров, относятся явление Иисуса Христа перед тремя учениками во время молитвы, описанное в синоптических Евангелиях; рождение во плоти Иисуса Христа, Спасителя и Искупителя; восшествие Иисуса Христа во плоти на небо и др.

От наименований праздников-событий христианской истории могут быть образованы прилагательные, выступающие строительными элементами экклезионимов. Например, «*Введенская*» (*Введение* – один из великих церковных праздников, который связан с упоминающимся в поздних апокрифических текстах событием, когда родители привели Пресвятую Богородицу в Иерусалимский храм для посвящения Богу) или «*Успенский*» (*Успение* – христианский праздник, посвященный воспоминанию кончины (успения) Божией Матери);

3) наименованиями икон: *храм Елецкой иконы Божией Матери* (кирпичная церковь в псевдорусском стиле, построенная в 1893–1915 гг. в г. Ельце); *храм Владимирской иконы Божией Матери* (каменная церковь 1840 г. в с. Красное);

4) именованиями мест на территории Липецкой области: *часовня Плющань* (Плющань – лесное урочище на правом берегу реки Дон).

Прямыми отсылками к месту расположения храма служат входящие в структуру экклезионимов оттопонимические прилагательные «липецкий», «елецкий», «лебединский» (*Успенский Липецкий монастырь*, *Елецкий Знаменский женский монастырь*, *Лебединский Старо-Казанский собор*). Например: «**Елецкий Знаменский епархиальный женский монастырь** – одна из православных жемчужин и святынь Ельца, благословен самим Святителем Тихоном Задонским» («Бигтранстур», <https://www.bigtranstour.ru/info/lipetsk/eleckij-znamenskij-monastyr.html>).

Частотность экклезионимов в рекламных текстах туристической сферы, включающих разные проприальные компоненты, также неодинакова (см. рис. 2):

Рис. 2. Продуктивность подгрупп экклезионимов по признаку «проприальный компонент в названии» в рекламе маршрутов и объектов Липецкой области

Наиболее активны в анализируемых текстах экклезионимы, связанные с наименованиями святых и знаковых событий христианства, что обусловлено их социальной функцией – «функцией прославления святых, сохранения памяти о них и событиях религиозной жизни» [3; с. 38]. Прозрачность мотива номинации обеспечивает простоту идентификации потенциальным туристом религиозного объекта в тексте, его узнаваемость.

В рекламе туризма в Липецкой области при употреблении экклезионимов наблюдается несколько взаимосвязанных и взаимообусловленных тенденций:

– использование упрощенного состава сложных экклезионимов, предпочтительность модели «имя прилагательное с суффиксами -ск (-еск)» + номенклатурный термин», т. е. предпочтение отдается неофициальной форме: *Введенская церковь* вместо *церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы*; *Знаменский монастырь* вместо *Елецкий Знаменский епархиальный женский монастырь* и др. Например: «*В ходе экскурсии вы ...оцените скромность и простоту **Введенской церкви***» («Туры выходного дня с Еленой Дорофеевой», https://turizmlipetsk.ru/product-category/tplo/?product_view=list) и др.;

– вариативность компонентного состава экклезионима, референтом которого выступает один и тот же объект: *Вознесенский собор – соборный храм Вознесения Господня*. Например, ср.: «**Соборный храм Вознесения Господня**, расположенный на Красной площади Ельца» («Русь», <https://www.rtoperator.ru/tury/poekhali/k-istokam-khristianstva-podzemnye-monastyri-belogorya-703/>) – «*Мы увидим величественный **Вознесенский собор**, автором которого является К.А. Тон – создатель Храма Христа Спасителя в Москве*» («Туры выходного дня из Воронежа», <https://tripvonezh.ru/2023/12/10/elets-20-yanvarya-2024/>);

– использование разных наименований одного объекта в пределах микроконтекста. Например: «*Знаковой достопримечательностью Ельца является и великолепный комплекс **Великокняжеской церкви**. Нарядная церковь святых князей Михаила Тверского и Александра Невского, возведенная по проекту архитектора Вильфарта, и Дом призрения в память 300-летия дома Романовых, построены в начале XX века на личные средства одного из богатейших елецких купцов, Александра Заусайлова*» («Магазин путешествий», <https://magput.ru/tours/elets/>);

– регулярная синтагматическая связь экклезионимов с атрибутивными словоформами, содержащими семы 'красота', 'роскошь', 'торжественность' (*великолепный, величественный, нарядный*). Например: «*Вы увидите Красную площадь и величественный Вознесенский собор, Введенский спуск и маленькую церковь, у стен которой философ Розанов уверовал в Бога*» («Трипстер», <https://experience.tripster.ru/experience/24941/>).

Возможность рассматривать экклезионимы рекламных текстов сферы туризма как лексические единицы, способные эксплицировать идею «Липецкая земля – духовный центр России» и эффективно продвигать в медиапространстве локальный геобренд «Липецкая земля», обусловлена их кумулятивной функцией и присутствием в семантике лексем лингвокультурологической составляющей, причем слагаемой не столько национально-культурным компонентом, сколько регионально-культурным.

Помимо этого, в контекстах экклезионимы оказываются связаны с другими группами онимов: хоронимами (*Русь, Липецкая область* и др.), урбанонимами (*Черная слобода, Красная площадь* и др.), антропонимами (*Александр Заусайлов, Тамерлан, И. Бунин, К. Тон, Розанов* и др.). Как правило, рекламный текст оказывается насыщен разными семантическими группами проприальных лексем, которые в совокупности репрезентируют локальный геокультурный бренд «Липецкая земля». Например: «*Городок, нареченный Ельцом (XII век), отстроен на высоком берегу Быстрой Сосны <...> Мы совершим обзорную экскурсию и осмотрим три его выдающиеся святыни. Соборный храм Вознесения Господня, расположенный на Красной площади Ельца. <...> Великокняжеская церковь – по проекту архитектора Вильфарта. Этот храм построен по инициативе Елецкого общества хоругвеносцев, на средства купца Александра Николаевича Заусайлова. <...> Введенская церковь – самое старое каменное здание в Ельце*» («Туры выходного дня с Еленой Дорофеевой», https://turizmlipetsk.ru/product-category/tplo/?product_view=lis). В приведенном примере ключевой лексемой становится астионим *Елец*, который, повторяясь, обеспечивает единство текста. С ним ситуативно и тематически связаны гидроним *Быстрая Сосна* (называет реку, на берегах которой расположен город), экклезионимы *соборный храм Вознесения Господня, Великокняжеская церковь, Введенская церковь* (проприальные единицы, именующие наиболее известные религиозные объекты в городе), агороним *Красная площадь* (площадь, выступающая не только административной единицей, но и местом, связанном с поворотными историческими событиями в жизни города), антропонимы *Вильфарт, Александр Николаевич Заусайлов* (соответственно имя одного из архитекторов комплекса Великокняжеской церкви и имя купца первой гильдии, благотворителя, почетного гражданина г. Ельца), соционим *Елецкое общество хоругвеносцев* (церковная организация, учрежденная в 1907 г.). Если астионим, гидроним маркируют пространственный компонент образа «Липецкая земля», связанный с обозначением знаковых локусов, границ территории, природно-географических, политико-административных единиц, то агороним, экклезионимы, антропонимы, соционим – историко-культурный, отвечающий уже за маркирование знаковых мест, личностей, которые имеют устойчивые смысловые коннотации и способствуют формированию внешней идентичности региона.

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

1) заметной составляющей рекламных текстов регионального и межрегионального дискурса выступают экклезионимы. Они отмечены почти в 30 % рекламных текстов авторской картотеки примеров;

2) структура экклезионимов не отличается разнообразием и преимущественно включает два компонента: номенклатурный и проприальный. К наиболее частотным по номенклатурному компоненту в анализируемом языковом материале относятся наименования храмов и церквей (58 %), а по проприальному – экклезионимы, содержащие наименования знаковых христианских событий (40 %) и имена святых (30 %);

3) для функционирования экклезионимов в рекламном туристическом дискурсе характерен ряд тенденций: упрощение состава и его вариативность, регулярность модели «имя прилагательное с суффиксами -ск (-еск)» + номенклатурный термин», взаимозаменяемость единиц, обозначающих один и тот же объект в микроконтексте, синтагматическая связь с определенными атрибутивными лексемами;

4) способность выступать средством экспликации геобренда «Липецкая земля» связана у экклезионимов с их кумулятивной функцией, наличием регионально-культурной составляющей, регулярной реализацией текстовых связей с другими семантическими группами онимов.

Библиографический список

1. Плисов Е.В. Лингвистические основы изучения языка религиозной сферы в современной германистике // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2019. № 17. С. 73–143.
2. Горюшина Р.И. Лексика христианства в русском языке: системные отношения прямых конфессиональных и производных светских значений слов: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Волгоград, 2002. 21 с.
3. Лукина О.А. Экклезионимное пространство Беларуси: монография. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2014. 110 с.
4. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 199 с.
5. Аринина Е.П. Содержательное и структурное своеобразие русских экклезионимов в типологическом аспекте: автореф. дис. канд. филол. наук. Самара, 2008. 19 с.
6. Разумов Р.В. Система урбанонимов русского провинциального города конца XVIII–XX вв.: на примере Костромы, Рыбинска и Ярославля: дис. ...канд. филол. наук. Ярославль, 2003. 293 с.
7. Заонегина В.В. Репрезентация христианского компонента в ономастиконе малого города (на примере г. Торжка) // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Филология». 2021. № 1. С. 211–215.
8. Пронченко С.М. Интертекстовые ономастические структуры в произведениях О.Э. Мандельштама: автореф. дис. ...канд. филол. наук. СПб., 2007. 21 с.
9. Очирова Н.Ч. Лексико-стилистические особенности языка художественных произведений К. Эрендженова: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Элиста, 2011. 23 с.
10. Афанасьев О.Е., Афанасьева А.В. Религиозный туризм как тренд мировой и российской туристической индустрии: концептуальная сущность и модели развития // Современные проблемы сервиса и туризма. 2019. Т. 3. № 3. С. 7–27.
11. Рейтинг городов России для паломничества. URL: <https://ekec.ru/rejting-gorodov-rossii-dlya-palomnichestva/> (дата обращения: 10.12.2023).
12. Лукина О.А. Особенности взаимодействия религионимов и экклезионимов (на материале названий культовых сооружений Беларуси) // Религия и общество: сборник научных статей XIII Международной научно-практической конференции. Могилев: Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова, 2019. С. 223–225.
13. Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 2. К–О / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1986. 736 с.
14. Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 4. С–Я / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1988. 800 с.

References

1. Plisov E.V. Linguistic Bases of Studying the Language of a Religious Sphere in Modern German Language Studies // Trudy Nizhegorodskoi dukhovnoi seminarii. 2019. No. 17. Pp. 73–143.
2. Goryushina R.I. The Lexicon of Christianity in the Russian Language: Systemic Relations of Direct Confessional and Derivative Secular Meanings of Words: abstract dis. ...cand. philol. sciences. Volgograd, 2002. 21 p.
3. Lukina O.A. Ecclesionymous Space of Belarus: monograph. Vitebsk: VGU im. P.M. Masherova Publ., 2014. 110 p.
4. Podolskaya N.V. Dictionary of Russian Onomastic Terminology. M.: Nauka Publ., 1978. 199 p.
5. Arinina E.P. Content and Structural Originality of Russian Ecclesionyms in the Typological Aspect: abstract dis. ...cand. philol. sciences. Samara, 2008. 19 p.
6. Razumov R.V. The System of Urbanonyms of a Russian Provincial City of the Late 18th–20th Centuries: on the Example of Kostroma, Rybinsk and Yaroslavl: dis. ...cand. philol. sciences. Yaroslavl, 2003. 293 p.
7. Zaonegina V.V. Representation of the Christian Component in Onomasticon of a Small City (on the Example of Torzhok) // Bulletin of Tver State University. Ser. “Philology”. 2021. No. 1. Pp. 211–215.
8. Pronchenko S.M. Intertextual Onomastic Structures in the Works of O.E. Mandelstam: abstract. dis. ...cand. philol. sciences. St. Petersburg, 2007. 21 p.
9. Ochirova N.Ch. Lexico-stylistic Features of the Language of Artistic Works by K. Erendzhenov: abstract dis. ...cand. philol. sciences. Elista, 2011. 23 p.
10. Afanasyev O.E., Afanasyeva A.V. Religious Tourism as a Trend in the Global and Russian Tourism Industry: the Conceptual Essence and Development Models // Modern problems of service and tourism. 2019. Vol. 3. No. 3. Pp. 7–27.
11. Rating of Russian Cities for Pilgrimage. URL: <https://ekec.ru/rejting-gorodov-rossii-dlya-palomnichestva/> (date of application: 12.10.2023).
12. Lukina O.A. Features of the Interaction of Religionyms and Ecclesionyms (Based on the Names of Religious Buildings in Belarus) // Religion and Society: collection of scientific articles of the XIII International Scientific-Practical Conference. Mogilev: MGU im. A.A. Kuleshova Publ., 2019. Pp. 223–225.
13. Dictionary of the Russian Language: in 4 vol. Vol. 2. K–O / Ed. A.P. Evgenieva. M.: Russkii yazyk Publ., 1986. 736 p.
14. Dictionary of the Russian Language: in 4 vol. Vol. 4. S–Ya / Ed. A.P. Evgenieva. M.: Russkii yazyk Publ., 1988. 800 p.

УДК 81.119

DOI 10.36622/2587-9510.2024.63.51.016

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры документоведения и стилистики русского языка
Зубарева Ю.М.*

Россия, г. Тула, тел. +7 (905) 112-97-31

e-mail: yuliya-tula@yandex.ru

Tula State L. Tolstoy Pedagogical University

*candidate of Sciences in Pedagogy,
docent departments of Documentation
and Stylistics of the Russian language
Zubareva Y. M.*

Russia, Tula, tel. +7 (905) 112-97-31

e-mail: yuliya-tula@yandex.ru

Ю.М. Зубарева

ИССЛЕДОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В статье рассматривается специфика региональной идентичности как предмета лингвокультурологического исследования. Анализируются особенности данного феномена, его содержание, методы и средства изучения. Подчеркивается связь между процессами становления регионального самосознания людей, проживающих на определенной территории, и формированием национальной идентичности, способствующей укреплению социальных связей внутри общества. Определение ключевых признаков значимых объектов городской инфраструктуры, их оценивание с опорой на существующие исторические, культурные традиции, эмоциональное переживание позволяют говорить о существовании особого лингвокультурологического пространства региона.

На примере изучения субкультуры Тульской области показаны методы и средства исследования различных идеографических полей, таких как «прецедентные имена», «исторические события», «региональные артефакты», «социальные структуры», «значимые локации», «особые природные объекты», «арт-объекты». С помощью теоретического анализа комплексного типа выделяются уникальные единицы различных вербальных и невербальных систем, обладающие особой семантикой и определяющие символярный региональной субкультуры: ключевые знаки, символы, эталоны, обереги, бренды, эмблемы.

Их описание и классифицирование дают возможность выявить культурно-когнитивные доминанты региона, отражающие особенности менталитета жителей. Результаты исследования демонстрируют обусловленность специфики национального самосознания особенностями субкультуры территории проживания. Особый акцент делается на важности формирования региональной идентичности в связи с тем, что она играет интегрирующую роль по отношению к сообществу, предполагает эмоциональное личное чувство, переносимое на социум, осознаваемое как патриотизм.

Ключевые слова: региональная идентичность, регион, культурно-когнитивная доминанта, менталитет, национальный характер, символярный.

Y. M. Zubareva

RESEARCH OF REGIONAL IDENTITY IN THE LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT

The article examines the specifics of regional identity as a subject of linguistic and cultural research. The features of this phenomenon, its content, methods and means of study are analyzed. The connection between the processes of formation of regional self-consciousness of people living in a certain territory and the formation of national identity, contributing to the strengthening of social ties within society, is emphasized. Identification of key features of significant urban infrastructure objects, their evaluation based on existing historical, cultural traditions, emotional experience allow us to speak about the existence of a special linguistic and cultural space of the region.

By the example of studying the subculture of the Tula region, methods and means of studying various ideographic fields are shown, such as "precedent names", "historical events", "regional artifacts", "social structures", "significant locations", "special natural objects", "art objects". With the help of a theoretical analysis of a complex type, unique units of various verbal and nonverbal systems with special semantics and defining the symbolary of the regional subcul

ture are distinguished: key signs, symbols, standards, charms, brands, emblems.

Their description and classification make it possible to identify the cultural and cognitive dominants of the region, reflecting the peculiarities of the mentality of the inhabitants. The results of the study demonstrate the conditionality of the specifics of national identity by the peculiarities of the subculture of the territory of residence. Special emphasis is placed on the importance of the formation of regional identity due to the fact that it plays an integrating role in relation to the community, implies an emotional personal feeling transferred to society, perceived as patriotism.

Keywords: regional identity, region, cultural and cognitive dominant, mentality, national character, symbolary.

Глобализация современного мира ведет к интеграции культур и языков, что обуславливает активное обсуждение проблем, связанных с национальной идентичностью. В современном общественно-политическом дискурсе понятие «идентичность» (лат. *identifico* – «отождествляю») определяется как «совокупность качественных и количественных характеристик, сопряженных с географической и культурной специфичностью индивида» (Н.А. Левочкина) [1].

Национальная идентичность – «чувство нации», ощущающей себя «связным целым», имеющей свой язык, уникальные традиции и обычаи (Е.А. Осипов) [2; с. 68]. Восприятие «общности» как «силы» позволяет считать национальную идентичность «наиболее эффективным механизмом мобилизации, побуждающий людей к коллективным действиям», поэтому «релевантность данного понятия для политической практики», влияние на общественную жизнь внутри государства не вызывает сомнения (А.А. Алаудинов) [3].

Важным фактором формирования национального самосознания в современных реалиях российского общества, где наблюдается регионализация и этнизация, является самоидентификация человека как жителя той или иной области. В связи с этим возникает необходимость научного осмысления этого феномена.

Стоит отметить, что региональная идентичность – предмет изучения социальных и гуманитарных наук, в связи с этим ее «интерпретации варьируются от эссенциалистских подходов до прагматико-инструменталистских теорий» (Е.М. Кожемякин) [4; с. 25]. Рассмотрим данное лингвокультурологическое явление подробнее.

Региональная идентичность представляет собой сложный многоаспектный социокультурный феномен, совокупность «репрезентированных различными знаковыми средствами представлений лингвокультурного сообщества о собственной самобытности, уникальности в рамках противопоставления одной локации другой» (Г.В. Токарев) [5; с. 174]. Эти убеждения основываются на «рефлексивном чувстве личной самоидентичности, целостности» и предполагают «гармоничное сочетание индивидуальной самости» и «включенности индивида в региональный социум» (Е.В. Еремина) [6; с. 216]. Г.В. Токарев отмечает следующие лингвокультурные функции вербальных средств региональной идентификации: «интеграция своих и противопоставление их чужим, брендинг региональной культуры, кумуляция знаний о самобытности региона» [5; с. 175].

Концепция региональной идентичности имеет форму своеобразной самопрезентации, в процессе которой один человек или общность людей оценивают свое положение по отношению к внешнему миру, а также междисциплинарное *содержание*, определяющееся историческими, литературными, географическими, социологическими традициями.

Региональная идентичность

1) имеет определенную структуру (как правило, в ней выделяют несколько основных компонентов: представления об особенностях группы, осознание себя её членом, оценка качеств группы и значимости членства в ней);

2) отражает как «внешнее пространственное бытие личности», так и ее «внутреннюю эволюцию», эмоциональное чувствование, перенесенное на социум, «определяемое... как местный патриотизм» (О.Е. Киричек) [7; с. 153];

3) является фактором социального и экономического развития, важным элементом политического управления (К.Е. Тумакова) [8];

4) выполняет в общественно-политическом администрировании региона ряд функций:

– формирует у членов регионального сообщества представление о себе как об определенном типе человека («интеллектуальный», «промышленный», «творческий»);

– конструирует систему ценностей, отражающую региональный менталитет через знаки и особые символы окружающего пространства;

– создает определенный тип коммуникации между жителями;

5) имеет характеристику

– положительную («жителями осознается уникальность и значимость территории, тесная связь с местом проживания»);

– нейтральную («осознается специфика региона, но связь с местом очень слабая либо вовсе отсутствует»);

– отрицательную («жителями не принимаются ни уникальность, ни положительные характеристики, ни значимость территории; связь с местом полностью отсутствует») (А.Э. Мурзин) [9].

Л.В. Смирнягин на основании социологического подхода к данному явлению выделяет следующие *методики изучения* региональной идентичности:

а) определение границ территории;

б) изучение специфики «движения людей, товаров, информации»;

в) анализ путеводителей, художественной и публицистической литературы, научных работ и т.д.;

г) лингвоанализ рекламных источников, позволяющих популяризировать территорию проживания, делать её туристически привлекательной.

Рассмотрим некоторые аспекты формирования региональной идентичности на примере Тульской области.

Изучение лингвокультурологических особенностей региона проводилось на базе Тульского государственного университета им. Л.Н. Толстого в рамках проекта «Симболоарий региональной идентичности» (куратор проекта – доктор филологических наук, профессор Г.В. Токарев) [5], [10], [11], [12], [13].

В процессе работы были использованы следующие методы: дефинирование базовых понятий, их классификация, опрос, анкетирование, теоретический анализ комплексного типа, описательный и сравнительно-сопоставительный методы, обобщение полученных результатов.

Исследование позволило интерпретировать, объединить в группы и представить в симболоарии языковые единицы, обладающие культурной семантикой, а также определить репрезентирующие концепты, выделяемые жителями как важные, значимые.

Источником исследования стали преимущественно интервью жителей локации, материалы интернет-форумов, популярные издания. Единицы идентифицированы как ключевые знаки культуры, символы, эталоны, обереги, бренды, эмблемы. Дадим определение каждому виду лингвокультурного знака.

Ключевой знак культуры – значимое для лингвокультурной общности наименование, имеющее прецедентный характер и выражающее определенные представления о действительности. Например:

– промышленные кластеры региона, заводы: «Тульский оружейный», «Чермет», «Штамм», «Кирпичный», «Комбайновый», «Патронный», «Машиностроительный», «Сплав»;

– историко-музейные комплексы: *Куликово поле, с. Монастырщино, «Тульский государственный музей оружия», «Музей обороны Тулы», дом-музей «Поленово»;*

– уникальные природные объекты, направления экотуризма: *Кондуки (Романцевские горы), реликтовый сосновый лес Алексин Бор, Белевские яблоневые сады, исток реки Дон;*

– места отдыха, оздоровления и культурного досуга: стадион «Арсенал», «Тульский цирк», санаторий «Краинка» международный музыкальный фестиваль «Дикая мята», театральный фестиваль «Толстой»;

– торгово-развлекательные кварталы: *Искра, Ликёрка;*

– святые места и объекты религиозного поклонения: *Источник Двенадцати ключей (Куликово поле);*

– памятные знаки: «Здесь проходил передний край обороны».

Символ – лингвокультурный знак, выражающий какую-либо идею и моделирующий поведение человека. Например, символы

– города: *Кремль, гимн «Тульская оборонная», герб;*

– истории, памяти: *Вечный огонь, Три штыка;*

– защиты Отечества, обороноспособности города, мужества и стойкости туляков: *Тульское оружие, Тульские засеки, папаша, пулемет «Максим», Тульский Токарев (ТТ);*

– промышленности региона, связанные с представлениями о полезных ископаемых области: *тульский уголь;*

– веры, покаяния и очищения – места паломничества: *Колупаново, Прощеный колодец (Куликово поле)*.

Эталон – лингвокультурный знак, аккумулирующий стереотипные представления о качествах человека. Например, эталоны

– защитника Отечества (доблесть и патриотизм): *Дмитрий Донской, В.Д. Руднев, Г.А. Агеев, А.П. Горшков, Саша Чекалин*;

– профессионализма, преданности своему делу: учёный, общественный деятель *А.Т. Болотов*, поэт *В.А. Жуковский*, писатели *Л.Н. Толстой, А.С. Хомяков, Г.И. Успенский, В.В. Вересаев*, врачи *В.С. Гумилевская, П.П. Белоусов*, художник *В.Д. Поленов*; оружейники, конструкторы и изобретатели *Н. Демидов, В.А. Дегтярёв, Н.Ф. Макаров, В.П. Грязев*, предприниматели и меценаты *Л.И. Лугинин, Мосоловы*, литературный персонаж – *тульский мастер Левша*.

Оберег – лингвокультурный знак, необходимый для защиты от негативного влияния внешнего мира. Например: *Икона Николая Тульского, Камень любви, арт-объект Подкова счастья*, оригинальный студенческий «памятник» *ХвоСтон.net*. В определенном смысле *Кремль* тоже является оберегом города, так как всем тулякам известно, что ни разу врагу не удалось ступить на его территорию.

Бренд – лингвокультурный знак для самопрезентации данной культуры: *Тульское оружие, Л.Н. Толстой, тульская гармонь, «Октава»* (электроакустическое оборудование), кондитерская продукция фабрик *«Старая Тула»* и *«Ясная Поляна»*, молочная продукция марки *«Бежин луг»*.

Эмблема – лингвокультурный знак, используемый для этикетирования данной культуры. *Пряник, самовар* – эмблемы города, символизирующие тульское гостеприимство.

Исследования обыденных представлений туляков о себе и своём крае в первой трети XXI века позволили сформировать симболярный региональной культуры по тематическим группам:

1) «Защита Отечества»;

2) «Промыслы и производства»:

– предприятия;

– продукция тульских промыслов и производств;

– значимые персоналии – уроженцы Тульского края: писатели, музыканты, художники, известные политические деятели, историки, революционеры, предприниматели, мастера-оружейники, сыгравшие значимую роль в жизни города и области, а также литературные персонажи, в образе которых были воплощены характерные черты туляков;

3) «Жизнеустройство»:

– учебные заведения;

– учреждения здравоохранения;

– административные учреждения;

– учреждения культуры и досуга, торгово-развлекательные пространства;

– спортивные учреждения;

– природные объекты;

– мероприятия;

– святые места и объекты религиозного поклонения;

– арт-объекты;

– значимые локации.

Как видим, *культурно-когнитивные доминанты* тульской региональной идентичности, содержащие основные свойства объектов и их оценку с опорой на традиции и эмоциональное переживание, моделируются преимущественно в социально-экономических и политических категориях. Некоторые из них выходят за рамки региональной значимости, узнаваемости. Отражая внешний и внутренний мир человека, проживающего на определенной территории, они формируют национальный характер, являются культурными символами всей страны, олицетворяя знания и опыт, которые базируются на специфике, связанной с конкретным регионом.

Стоит отметить *способы формирования региональной идентичности* (классификация по А.Э. Мурзину):

– акцентуация положительных особенностей региона (фольклор: *Тульские кузнецы в работе молодцы; Дай туляку кусок железа – он сотворит чудо; «Тула – город мастеров»*; номинация *«Город Мастеров»* – торговая марка Тепло-Огаревского мясокомбината);

– упоминание об уникальности и значимости региона (*город-герой; Тула – оружейная столица* (наименования выставок, экскурсий); *Тульский край – пряничный рай* (слоган фестиваля Пряника в Тульском Кремле, кондитерской фабрики «Старая Тула» (брендинг продукции), а также назва-

ние ярмарки производителей Тульской области); «Тула – город историй. Проживи свою» (реклама официального туристического портала города); пословицы: *Мал городок, да старше Москвы на годок*);

– привитие любви к региону и гордости за него (концепция продвижения бренда города с 2017 г.: *Тула – мастерская России*; реклама службы по контракту: «*Служи в родной 106-й. Присоединяйся к лучшим!*»); пословицы: *Туляк – стальная душа; Туляки тем хороши, что все родом от Левши*);

– формирование в сознании жителей значения их города, области в стране и мире («*Тула – арсенал и щит России*» (140-е граффити на набережной Упы, а также название экскурсионного тура, традиционных выставок и конкурсов в рамках культурно-просветительской работы); узнаваемые российские бренды: *самовар, пряник, гармонь, белевская пастила, филимоновская игрушка*; музейные бренды и значимые памятные места: *Ясная Поляна, Бежин луг, Тульский музей оружия*; пословицы: *Для друзей у Тулы – пряник, для врагов у Тулы – меч*).

Исследование региональной идентичности в лингвокультурологическом аспекте позволяет сделать вывод о том, что она формируется на базе исторических и географических реалий под влиянием культурного опыта и сложившихся в данной области традиций. Региональная идентичность играет интегрирующую роль по отношению к сообществу, предполагает эмоциональное личное чувство, переносимое на социум, осознаваемое как патриотизм. Культурно-когнитивные доминанты, определяющие субкультуру региона, отражают особенности менталитета жителей. Изучение специфики региона в лингвистическом аспекте дает возможность составить символярный инвентарь, который включает такие единицы, как символ, оберег, эталон, бренд, эмблема, имеющие прецедентный характер и аккумулирующие представления жителей территории о действительности.

Таким образом, изучение региональной идентичности как лингвокультурологического феномена является одним из перспективных направлений исследования национального самосознания.

Библиографический список

1. Левочкина Н. А. Региональная идентичность: понятие и сущность // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 1–3. С. 446–453. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=8533> (дата обращения – 25.09.2023).
2. Осипов Е. А. Фактор национальной идентичности в современной Франции // Международная жизнь. 2016. № 12. С. 68–80.
3. Алаудинов А. А. Региональная идентичность как основа формирования общенациональной политической идентичности: специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии»: дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2012. 188 с.
4. Кожемякин Е. А. Дискурсивное конструирование национальной идентичности в новогодних телевизионных обращениях Президента к гражданам // Дискурс-Пи. 2018. № 3–4 (32–33). С. 25–37.
5. Токарев Г. В. Вопросы изучения символярия региональной идентичности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2022. Т. 21, № 6. С. 173–182.
6. Еремина Е. В. Понятие региональной идентичности и специфика ее формирования в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2012. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-regionalnoy-identichnosti-i-spetsifika-ee-formirovaniya-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения – 25.09.2023).
7. Киричек О. Я. Изучение психологических особенностей региональной идентичности личности // Преподаватель XXI век. 2011. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-psihologicheskikh-osobnostey-regionalnoy-identichnosti-lichnosti> (дата обращения: 25. 09.2023).
8. Тумакова К. Е. Региональная идентичность и брендинг как социально-управленческий ресурс // Власть, 2010. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnaya-identichnost-i-brending-kak-sotsialno-upravlencheskiy-resurs> (дата обращения – 25.09.2023).
9. Мурзин А. Э. Региональная идентичность: сущность, характер, опыт изучения. М., Берлин: Директ-Медиа, 2015. 99 с.
10. Зубарева Ю. М. Ключевые знаки в системе Тульской региональной идентичности // Проблемы и перспективы реализации междисциплинарных исследований: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Воронеж, 15 мая 2023 года. Стерлитамак: Общество с ограниченной ответственностью «Агентство международных исследований», 2023. С. 114–116.
11. Кузина Ю. И. Исследование культурных смыслов микропонимов как составляющая изучения символярия региональной идентичности / Ю. И. Кузина // Русский язык в поликультурном мире : сборник научных статей: в 2 т., Ялта, 08–12 июня 2023 года. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2023. С. 52–58.

12. Мозгачева К. С. Роль прецедентных имен в становлении региональной идентичности (на примере оружейного производства Тульского края) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. № 2(10). С. 75–81

13. Токарев Г. В. Лингвокультурный символярий: квазисимволы / Министерство просвещения РФ, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого». Тула: Тульское производственное полиграфическое объединение, 2021. 113 с.

References

1. Levochkina N. A. Regional identity: concept and essence // International Journal of Applied and Fundamental Research. 2016. № 1-3. pp. 446–453. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=8533> (accessed – 25.09.2023).

2. Osipov E. A. The factor of national identity in modern France // International life. 2016. № 12. pp. 68–80.

3. Alaudinov A. A. Regional identity as the basis for the formation of national political identity: specialty 23.00.02 «Political institutions, processes and technologies»: dis. ... candidate of Political Sciences. sciences. Moscow, 2012. 188 p.

4. Kozhemyakin E. A. Discursive construction of national identity in the New Year's television addresses of the President to citizens // Discourse-Pi. 2018. № 3–4 (32-33). pp. 25–37.

5. Tokarev G. V. Issues of studying the symbolary of regional identity // Bulletin of Volgograd State University. Series 2, Linguistics. 2022. Vol. 21, № 6. pp. 173–182.

6. Eremina E. V. The concept of regional identity and the specifics of its formation in modern Russia // Socio-humanitarian knowledge. 2012. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-regionalnoy-identichnosti-i-spetsifika-ee-formirovaniya-v-sovremennoy-rossii> (accessed – 25.09.2023).

7. Kirichek O. Y. The study of psychological features of regional identity of the individual // Teacher XXI century. 2011. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-psihologicheskikh-osobennostey-regionalnoy-identichnosti-lichnosti> (accessed – 25.09.2023).

8. Tumakova K. E. Regional identity and branding as a socio-managerial resource // Power, 2010. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnaya-identichnost-i-brening-kak-sotsialno-upravlencheskiy-resurs> (accessed – 25.09.2023).

9. Murzin A. E. Regional identity: essence, character, experience of study. M., Berlin: Direct Media, 2015. 99 p.

10. Zubareva Y. M. Key signs in the system of Tula regional identity // Problems and prospects for the implementation of interdisciplinary research: a collection of articles based on the results of the International Scientific and Practical Conference, Voronezh, May 15, 2023. Sterlitamak: Limited Liability Company «International Research Agency», 2023. pp. 114–116.

11. Kuzina Y. I. The study of cultural meanings of microtoponyms as a component of the study of the symbolary of regional identity / Yu. I. Kuzina // Russian language in the multicultural world : collection of scientific articles: in 2 t., Yalta, June 08–12, 2023. Simferopol: V. I. Vernadsky Crimean Federal University, 2023. pp. 52–58.

12. Mозгачева К. С. The role of precedent names in the formation of regional identity (on the example of weapons production of the Tula Region) // Tula Scientific Bulletin. History series. Linguistics. 2022. № 2(10). pp. 75–81

13. Tokarev G. V. Linguistic and cultural symbolary: quasi-symbols / Ministry of Education of the Russian Federation, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Tula State Pedagogical University named after L. N. Tolstoy». Tula: Tula Production Printing Association, 2021. 113 p.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ INTERCULTURAL COMMUNICATION

УДК 81

DOI 10.36622/2587-9510.2024.78.18.017

*Кубанский государственный аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
Магистрант 1 курса
Ефимиади Л.К.
Россия, г. Краснодар,
тел. +7 982-194-14-15
e-mail: efimiadi01@mail.ru*

*Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
1st year master student
Efimiadi L.K.
Russia, Krasnodar,
tel. +7 982-194-14-15
e-mail: efimiadi01@mail.ru*

*Кубанский государственный аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
Кандидат филологических наук,
преподаватель кафедры иностранных языков
Карипиди А.Г.
Россия, г. Краснодар,
тел. +7 988-355-21-21
e-mail: a021nn@mail.ru*

*Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
The chair of Foreign languages
PhD, lecturer Karipidi A.G.
Russia, Krasnodar,
tel. ++7 988-355-21-21
e-mail: a021nn@mail.ru*

Л.К. Ефимиади, А.Г. Карипиди

ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ МЕТОДИК ТРАНСЛАТОЛОГИИ И ЗАИМСТВОВАНИЯ В ИТ-СФЕРЕ

В данной статье рассматриваются основные причины существования такого явления, как заимствование. Обсуждаются труды ученых XX и XXI столетия, связанные с проблемой и особенностями заимствования слов в лексический состав языка-реципиента. Детально исследуются различные лингвистические методики, используемые в транслатологии, для заимствования иноязычных единиц в контексте информационных технологий. В рамках статьи используются такие методы исследования, как: анализ, синтез, дедукция, индукция, систематизация, классификация и сравнение. Анализируются различные подходы и методы перевода и внедрения терминов компьютерной лингвистики и определяются классификационные группы заимствования английской терминологии. В статье также обсуждаются основное назначение и особенности применения этих методик. Приводится суть способов интеграции новых слов в русский язык и обосновывается целесообразность их использования. Особое внимание уделено аспектам, связанным с выявлением степени ассимиляции терминов английского происхождения в информационной отрасли. На основании исследования классификационных методик и ассимиляции заимствованной лексики составлена матрица лингвистических способов интеграции слов в русский язык с примерами англицизмов и терминов английского происхождения. На основании результатов работы выявляется частота использования каждой лингвистической методики и оценивается роль заимствований для культуры и лексического состава языка-реципиента.

Ключевые слова: англицизмы, англоязычные заимствования, ассимиляция, информационные технологии, лексика, семантика, язык-реципиент.

L.K. Efimiadi, A.G. Karipidi

RESEARCH OF LINGUISTIC METHODS OF TRANSLATOLOGY AND BORROWING IN THE IT FIELD

This article considers the main reasons for the existence of such a phenomenon as borrowing. The works of sci

entists of the 20th and 21st centuries related to the problem and features of borrowing words into the lexical composition of the recipient language are discussed. Various linguistic techniques used in translatology for borrowing foreign language units in the context of information technology are examined in detail. The article uses research methods, such as: analysis, synthesis, deduction, induction, systematization, classification and comparison. Various approaches and methods for translating and introducing computer linguistics terms are analyzed and classification groups for borrowing English terminology is determined. The article also discusses the main purpose and application features of these techniques. The essence of ways to integrate new words into the Russian language is given and the feasibility of their use is justified. Particular attention is paid to aspects related to identifying the degree of assimilation of terms of English origin in the information industry. Based on the study of classification methods and assimilation of borrowed vocabulary, a matrix of linguistic ways of integrating words into the Russian language was compiled with examples of Anglicisms and terms of English origin. In conclusion, based on the results of the work, the frequency of use of each linguistic technique is identified and the role of borrowings for the culture and lexical composition of the recipient language is estimated.

Key words: anglicisms, english borrowings, assimilation, information technology, vocabulary, semantics, recipient language.

Лексика является наиболее динамичной и быстро развивающейся стороной языка. Этот факт обуславливается непрерывным научно-техническим прогрессом, который инициирует расширение словарного состава. Особенно явно на сегодняшний день эта тенденция прослеживается в сфере информационных технологий как наиболее перспективной и прогрессивной отрасли экономики. Ежегодно появляются десятки новых устройств, алгоритмов, инновационных технологий и программ, которые требуют точных и понятных названий для появления на международном рынке, в том числе и на российском.

С конца XX века и по настоящее время основным языком для международной коммуникации признается английский. Согласно статистике, данный язык является родным для 379 млн. человек, в то время, как общее число носителей английского превышает 1,1 млрд. в более 130 странах мира. Большая часть изобретений в IT-сфере появляется за рубежом, и для выхода на мировой рынок технологии преимущественно получают названия на английском языке, общепринятом в мировом сообществе. Именно этим обусловлен большой процент заимствованных терминов английского происхождения в лексическом составе других языков.

Заимствование слов – это способ развития языка, который зависит от языковой культуры и принимающих новые слова социальных слоев общества. Стоит отметить, что заимствование является активным языковым процессом, изменяющим состав языка-реципиента путем закрепления новых иноязычных элементов. В случае компьютерной терминологии использование английских слов стало неотъемлемой частью современной индустрии информационных технологий. При переводе английских терминов на русский язык дословный перевод может создавать сложности для понимания – как для обычных пользователей, так и для экспертов в данной сфере.

Термины, заимствованные из других языков, позволяют техническим специалистам по всему миру использовать общую терминологию, что минимизирует непонимание и создает единое информационное поле. Более того, заимствование также позволяет использовать устоявшиеся и широко принятые сокращения в определенной области.

Примерами заимствований в сфере информационных технологий являются такие англицизмы, как «online», «offline», «server», «software», «web-page», «browser», а также англицизмы, входящие в состав сложных слов: «internet-магазин», «online-торговля», «web-дизайн» и др.

В современной лингвистике существует множество различных методологических подходов к изучению роли заимствованной лексики и ее классификации в языке-реципиенте.

Основная трудность изучения функционирования заимствований состоит в различных определениях данного термина, которые лингвисты дают, исходя из своих субъективных предпочтений. Разные подходы с точки зрения морфологии, фонетики и семантики создают основание для различных классификаций транслатологии иностранных слов.

Проблему заимствования в своих трудах рассматривали такие ученые как В.М. Аристова, С.А. Беляева, И.Н. Геранина, М.А. Брейтер, С.В. Гринев и другие. Некоторые ученые, такие, как, Н.М. Шанский, рассматривают заимствования как некий окончательный результат. Последний считает заимствованием любое слово, пришедшее в русский язык из другого языка, даже если морфемы внутри этого слова идентичны тем, которые используются в исконных русских словах [1, с. 96]. Аналогичную точку зрения высказывает Л.Л. Нелюбин, определяя заимствования как «обращение к лексиче-

скому фонду других языков для выражения новых понятий, для дальнейшей дифференциации уже существующих и обозначения ранее неизвестных предметов» [2, с. 78].

Согласно классификации, предложенной В.В. Виноградовым, заимствованные слова можно разделить по истории заимствования на два типа: старые, связанные с изменениями в политической и экономической системе страны, и новые, которые пришли в язык относительно недавно, в последние годы [3, с. 20]. Следует сделать акцент на том, что новые заимствования связаны в основном с научно-техническим развитием и внедрением инновационных решений.

М.А. Брейтер неоднократно высказывал мнение о своем видении процесса заимствования, использования терминов английского происхождения в речи и причин этого явления. Согласно его теории, лексика не может обойтись без заимствования слов и специальных терминов. Это происходит не только из-за влияния западной культуры и популяризации иностранной терминологии, но и появления новых предметов, понятий и изменений социальной роли некоторых из них во времени. По мнению М.А. Брейтера, такое явление, как заимствование, существенно влияет на состав языка [3, с. 133].

В данной статье заимствование рассматривается как процесс, так как изменения, происходящие с заимствованной лексикой в языке-реципиенте, связаны не только с преобразованием слова на различных языковых уровнях, но и с другими факторами, такими, как частотность и область использования. Эту же точку зрения разделяют и другие лингвисты, такие, как Ю.С. Маслов и В.Ю. Розенцвейг. Согласно Ю.С. Маслову, заимствующий язык преобразует новую лексическую единицу и «включает ее в сеть своих внутренних системных отношений» [4, с. 202]. Обработка заимствований происходит на нескольких языковых уровнях: фонемном, морфемном и лексическом [4, с. 202]. В.Ю. Розенцвейг также указывает в своей работе, что заимствование относится к процессу схождения и конвергенции языков [5, с. 6–7].

Цель исследования заключается в определении степени ассимиляции англоязычной технической терминологии в IT-сфере в русском языке, а также в выявлении наиболее используемого способа заимствования иноязычных единиц. Это исследование является особенно актуальным, поскольку профессиональная IT-терминология становится неотъемлемой частью жизни не только специалистов в данной области, но и обычных пользователей, работающих с программным и аппаратным обеспечением.

Современная лингвистика считает необходимым изучение заимствованной лексики и, в частности, англицизмов. При этом возникает необходимость деления заимствований по тематическим группам. Существует несколько различных классификаций, связанных с образованием и интеграцией заимствованных слов. В качестве основной в данной работе была принята классификация И.В. Арнольда, который выделяет четыре лингвистические методики заимствования иностранных слов: фонетическая методика, морфемное калькирование, использование семантического эквивалента и заимствования словообразовательных элементов [6, с. 229–231]. Все эти группы методов также применимы к компьютерной терминологии и позволяют сохранить точность и понятность оригинальных терминов при переносе их на русский язык.

Помимо вышеописанных методик, в IT-сфере часто используется интеграция терминов при помощи полного заимствования без перевода. Этот способ нельзя отнести ни к одной из методик, предложенной И.В. Арнольдом, поэтому в данном исследовании целесообразно выделить ее как отдельную единицу. Метод полного заимствования применим, прежде всего, к названиям IT-предприятий, работающих на международном рынке: Dell, Microsoft, Intel, Apple, IBM, Cisco, Oracle и другие. Данный подход применяется также при переводе программных продуктов и технологических стандартов: CorelDraw, VMWare, Adobe, Windows, Bluetooth, Google Chrome, ABBY FineReader и другие. Таким образом, особенностью данного способа является перенос иностранного слова в лексику без использования методик заимствования. Транслитерация или дословные переводы такого рода терминов встречаются исключительно в компьютерном жаргоне.

Методика заимствования, которая заключается в использовании основ слова через позвучное воссоздание лексической единицы, называется транскрипцией, или фонетической методикой. В отличие от транслитерации, которая представляет собой побуквенное воссоздание лексической единицы, транскрипция предназначена для фонемной передачи, при которой каждый звук (набор звуков) одного языка передается соответствующим звуком (набором звуков) другого языка. Иными словами, при использовании транскрипции, звуки из английского языка однозначно и последовательно заме-

няются соответствующими звуками в русском языке с учетом правил фонетики. Примерами могут выступать термины: форум (forum), аккаунт (account), логин (login) и принтер (printer). Как можно заметить, при таком подходе произношение английского и русского вариантов слов будет схожим. Отметим особенности данного способа. Так, замена в русском языке звука [h] может происходить двумя способами: с помощью буквы «х» (например, hacker – хакер) и с помощью буквы «г» (например, hypertext – гипертекст). Это объясняется фонетическими правилами русского языка. Звук [ch] обычно заменяется буквой «ч». Например, английское слово «chat» при использовании способа транслитерации в русском языке становится более коротким («чат»). Английские звуки [aɪ] и [eɪ] обычно заменяются сочетанием гласной буквы и «й» (например, device – девайс, interface – интерфейс). Для грамотного использования данного способа необходимо знать особенности произношения звуков, как в английском, так и в русском языках. Транскрипция является наиболее целесообразным и часто используемым вариантом передачи значения понятий в IT-сфере.

Еще одним способом интеграции иноязычных единиц в лексику является методика семантического эквивалента. Она заключается в поиске и использовании функциональных аналогов слова. Семантическим эквивалентом принято считать такой прием передачи прагмемы, когда имеет место подбор выражения, уже используемого в языке-реципиенте, которое, с точки зрения семантики, является соответствием выражению в оригинале. Замена англоязычных слов происходит путем подбора русского корня, схожего по смыслу с английским эквивалентом. Так, например, слово «сеть» в IT-сфере означает систему, обеспечивающую обмен данными между ее устройствами (звеньями). Данная лексическая единица представляет интерес с позиции основного значения данного термина в исходном языке, определяемое как «приспособление перекрещивающихся нитей для ловли рыб, птиц». В данном случае возникает полисемия на основании сходства двух понятий с точки зрения визуального представления. Другим примером использования семантического эквивалента может служить сленговое слово – «тролль», обозначающее интернет-агрессоров. В этом случае многовариантность образуется на основании сходства психофизических особенностей злобного мифического существа и провокационных комментаторов в сети. Данный подход является наиболее логичным и научным, однако при этом он считается одним из самых сложных, поскольку подбор полного эквивалента представляет собой довольно проблематичный и трудоемкий процесс.

Третий способ, который выделяет И.В. Арнольд в своей классификации, называется морфемное калькирование, или калька. Отметим, что некоторые авторы – Г.А. Бортагаев, Л.П. Ефремов, Н.М. Шанский – не относят кальку к категории заимствований, рассматривая ее как передачу внутренней формы одного языка другому. Другие авторы, такие, как, например, Ж. Багана, В.Т. Коков, Е.В. Хапилина, косвенно отмечают схожесть калькирования и заимствования. В транслатологии данная методика применяется для перевода сложных терминов путем замены лексической единицы английского языка на лексическое соответствие в русском языке с сохранением морфологических особенностей оригинала. Примером заимствования с использованием морфемного калькирования могут служить такие термины, как гиперссылка (hyperlink), домашняя страница (home page) и сервер приложений (application server). При помощи морфемного калькирования также было интегрировано слово «мышь» (mouse) в значении манипулятора для управления курсором. В компьютерном жаргоне встречаются калькированные номинации программ, например, «Огнелис» – поморфемное калькирование английской номинации «Firefox» (fire – огонь, fox – лиса). Однако стоит отметить, что наиболее часто данный способ применяется при работе с фразеологизмами и устойчивыми выражениями.

Методика заимствования словообразовательных элементов, исходя из названия, заключается в переводе отдельных англоязычных морфем на аналогичные русскоязычные. В образовании большинства существительных основным являются суффиксы –ист и –ик, которые используются, в частности, для обозначения профессий. Термины, содержащие данные морфемы, наиболее часто образуются от англоязычных слов с суффиксом –er (программист – programmer, тестировщик – tester). В данном случае, суффиксы являются заимствованным словообразовательным элементом.

Следующим этапом исследования является выявление и изучение порядка ассимиляции заимствованной лексики. Данный вопрос в своих работах поднимал Л.П. Крысин. Он выделил 5 основных стадий данного процесса.

1. Начальный этап, который характеризуется сохранением оригинальной орфографической, фонетической и грамматической форм.

2. Этап транслитерации или транскрибирования, по результатам которого слово обретает частеречную принадлежность.

3. Ограниченное употребление слова некоторыми социальными группами среди носителей языка. На этом этапе слово перестает восприниматься как чужеродное [7, с. 77].

4. Утрата «жанровостилистических, ситуативных и социальных особенностей» [7, с. 77]. Данный этап ассимиляции характерен не для всех заимствований.

5. Регистрация иноязычного слова в толковом словаре.

Рассмотрим примеры англицизмов и терминов английского происхождения в соотношении с этапами, предложенными Л.П. Крысиным. Так, например, используемый в интернет-ресурсах буквенный акроним FAQ (часто задаваемые вопросы), согласно классификации Л.П. Крысина, находится на первом этапе ассимиляции, так как характеризуется сохранением орфографической, фонетической и грамматической форм языка-донора. Однако термин ЧаВо, являющийся аналогом вышеупомянутой лексической единицы, располагается уже на третьей ступени ассимиляции, поскольку используется не всеми социальными группами и допустим в редких коммуникативных ситуациях. Термины, связанные с программированием и разработкой, включают такие англицизмы, как «interface» (интерфейс), «framework» (фреймворк) и «syntax» (синтаксис). Эти термины отражают основные аспекты программирования и разработки программного обеспечения, необходимые для создания и поддержки программных продуктов, и находятся на второй стадии ассимиляции с перспективой перехода на третью, поскольку они образованы при помощи побуквенной транслитерации или транскрипции, воспринимаются многими социальными группами как чужеродные и ограничены профессиональной средой общения. Среди терминов, отражающих технологии и платформы, можно выделить такие англицизмы, как «cloud computing» (облачные вычисления), «big data» (большие данные), «virtual reality» (виртуальная реальность) и «machine learning» (машинное обучение). Эти термины используются для описания ключевых технологий и платформ, которые применяются в IT-сфере, и, согласно классификации Л.П. Крысина, находятся на третьем этапе ассимиляции. Термин «домашняя страница», заимствованный из английского языка при помощи метода морфемного калькирования, находится на четвертой стадии ассимиляции, поскольку он относится к нейтральной лексике, употребление которой в речи не ограничено специальными коммуникативными ситуациями. В качестве примера англицизма, находящегося на пятом этапе ассимиляции, можно привести термин «алгоритм», который зарегистрирован в толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, где определяется как «совокупность действий, правил для решения данной задачи» [8]. Категория терминов, обозначающих методы и процессы, включает такие англицизмы, как «agile» (гибкий), «scrum» (скрам) и «back-up» (резервное копирование). Данные термины находятся на начальном этапе, так как используются в оригинальной форме без транслитерации и транскрибирования.

Результаты анализа лингвистических методик и классификаций И.В. Арнольда и Л.П. Крысина представлены в виде таблицы.

Таблица 1

Матрица лингвистических методик заимствования и степени ассимиляции

Методика / степень ассимиляции	Заимствование без перевода	Фонетическая методика	Семантический эквивалент	Морфемное калькирование	Заимствование морфем
1 этап	Agile, GPS, Microsoft, Intel, Apple, IBM, Cisco, Oracle, DNS, Cookie, Adobe, Windows, Bluetooth, Google Chrome, ABBY FineReader, FAQ, Wi-Fi, URL, HTML, Java, Python, E-commerce.	–	–	–	–
2 этап	–	hypertext (гипертекст),	troll (тролль)	Огнелис (жарг. от FireFox)	IT-specialist (айтишник)

		user (юзер), screenshot (скриншот), interface (ин- терфейс), device (девайс), framework (фреймворк), syntax (синтаксис), block chain (блокчейн), bot (бот), bag (баг), fake (фейк), hashtag (хештег), gamer (геймер), iPhone (айфон), like (лайк).			
3 этап	–	hacker (хакер), chat (чат), browser (брау- зер), login (логин), content (кон- тент), modem (модем), smartphone (смартфон).	cloud (облако), digital (цифро- вой).	hyperlink (гиперссылка), application server (сервер прило- жений), software (про- граммное обес- печение), hardware (аппа- ратное обеспе- чение), cyberspace, malware (вредо- носная програм- ма), ЧaBo, big data (большие дан- ные), firewall (брандмауэр).	programmer (программист), tester (тести- ровщик).
4 этап	–	virus (вирус), server (сервер).	network (сеть)	home page (до- машняя страни- ца), database (база данных).	attachment (вложение)
5 этап	–	account (акка- унт), forum (форум), printer (прин- тер), computer (ком- пьютер), inter- net (интернет), algorithm (ал- горитм).	keyboard (клави- атура)	mouse (мышь)	encryption (шифрование)

Приведенные выше примеры свидетельствуют о многообразии способов заимствования английской терминологии, связанной с IT-сферой, в русский язык. Лингвистические методики транслатологии широко используются для адаптации новых лексических единиц в словарный состав языка. На основании изучения научной литературы и толковых словарей было выявлено, что наибольшее число заимствований являются фонетическими, то есть образованными при помощи транслитерации

или транскрибирования. Несколько реже встречается методика морфемного калькирования, предполагающая дословный перевод иностранных слов с сохранением специфики их применения. Третьим по популярности является метод поиска семантического эквивалента, как способ, представляющий наиболее высокую научную ценность. Наиболее редко интеграция иноязычных единиц происходит за счет заимствования словообразовательного элемента.

Большинство заимствований находятся на начальных стадиях ассимиляции, так как они представляют собой неологизмы, но во многих случаях такие слова постепенно укореняются. Хотя звуковой облик заимствований часто существенно отличается от звукового облика оригинальных русских слов, они постепенно перестают рассматриваться носителями русского языка как иностранные из-за высокой частоты их употребления в речи. Однако пока все еще невозможно утверждать о месте англоязычной компьютерной терминологии в русском языке, поскольку преобладающее большинство таких лексических единиц только недавно начали применяться в языке-реципиенте.

Таким образом, англицизмы и термины английского происхождения в компьютерной терминологии оказывают огромное влияние на культуру и лексикон каждого современного человека и общества в целом. Данное исследование помогло определить степень ассимиляции англоязычной лексики в русскоязычной информационной среде и выявить наиболее распространенные методы заимствования иноязычных единиц.

Библиографический список

1. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Лексикология современного русского языка: учебное пособие. 4-е изд., М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 312 с.
2. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е издание, переработанное, М.: Флинта: Наука, 2006. 320с.
3. Виноградов В.В. К истории лексики русского литературного языка // Лексикология и лексикография: избранные труды. М.: Наука, 1987. С. 12–34.
4. Брейтер М. А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы. М.: АО «Диалог-МГУ», 1997. 156 с.
5. Маслов Ю.С. Введение в языковедение. 2-е изд., М.: Высшая школа, 1987. 272 с.
6. Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты: Лингвистическая проблематика. Л.: Наука, 1972. 80 с.
7. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. 2-е изд., М.: Флинта, Наука, 2012. 376 с.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: А ТЕМП, 2004. 944 с.
9. Крысин Л.П. Этапы освоения иноязычного слова // Русский язык в школе. 1991. № 2. С. 74–78.

References

1. Shansky N.M., Bobrova T.A. Lexicology of the modern Russian language: study guide. 4th ed. Moscow, 2009. 312 p.
2. Nelyubin L.L. Explanatory translation dictionary. 3rd edition, revised, Moscow, 2006. 320 p.
3. Vinogradov V.V. On the history of vocabulary of the Russian literary language // Lexicology and lexicography: selected works. Moscow, 1987. P. 12–34.
4. Breiter M.A. Anglicisms in the Russian language: history and prospects. Moscow, 1997. 156 p.
5. Maslov Y.S. Introduction to linguistics. 2nd ed. Moscow, 1987. 272 p.
6. Rosenzweig V.Y. Language contacts: Linguistic issues. Leningrad, 1972. 80 p.
7. Arnold I.V. Lexicology of modern English. 2nd ed. Moscow, 2012. 376 p.
8. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow, 2004. 944 p.
9. Krysin L.P. Stages of mastering a foreign language word // Russian language at school. 1991. Vol. 2. P. 74–78.

УДК 81.255.4

DOI 10.36622/2587-9510.2024.29.73.018

Брянский государственный технический университет

доцент кафедры «Иностранные языки»

кандидат филологических наук

Козлова Л.Н.

Россия, г. Брянск

тел. 89803066985

Bryansk State Technical University

Associate Professor of the Department of Foreign Languages

PhD in Philology

Kozlova L.N.

Russia, Bryansk

Tel. 89803066985

Л.Н. Козлова

ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПОВТОРА-ПОДХВАТА В РОМАНЕ Б. ШЛИНКА «ЧТЕЦ»

В статье рассматривается специфика использования повтора-подхвата в романе Б. Шлинка «Чтец» в сопоставлении с его переводной русскоязычной версией. Цель работы заключается в установлении возможности передачи стилистического своеобразия повтора-подхвата при переводе. Полученный методом сплошной выборки материал подвергается лингвистическому анализу, в ходе которого описываются основные функции, присущие повтору-подхвату в художественном тексте. Подчеркивается важность использования повтора-подхвата для обеспечения связности повествования, логического развертывания высказывания при эмфатическом выделении повторяемых лексем. Изучается структурное оформление и состав повтора-подхвата, рассматриваются синтаксическое расположение повторяемых компонентов и их возможные модификации, такие как замена одной из лексем, появление связующих элементов, изменение грамматических форм. Приводятся и анализируются отдельные примеры с зеркальным размещением компонентов повтора-подхвата. Отмечается накопление повторов разных типов в рамках определенных фрагментов текста. Особое внимание уделяется описанию специфики перевода повтора-подхвата с немецкого языка на русский, характеристике переводных соответствий. В качестве наиболее частотного способа перевода выделяется использование эквивалентных аналогов с трансформацией повтора-подхвата в другие типы, в первую очередь в семантический и простой лексический повтор. В заключение подчеркивается особый стиль и специфичность композиции исследуемого романа, обуславливающие высокую частотность употребления повтора-подхвата и делающие его отличительной чертой языка автора. Приводится процентное соотношение употребления разных способов перевода повтора-подхвата к общему числу выявленных примеров. Делается вывод о невозможности сохранения в большинстве случаев структурной уникальности, стилистической отмеченности и функциональной направленности повтора-подхвата при переводе.

Ключевые слова: повтор-подхват, лексический повтор, художественный текст, переводное соответствие, семантический повтор, Б. Шлинка.

L.N. Kozlova

THE TRANSLATION ASPECT OF ANADIPLOSIS USED IN B. SHLINK'S NOVEL "THE READER"

The article discusses the features of anadiplosis used in B. Shlink's novel "The Reader" in comparison with its translated Russian version. The purpose of the work is to determine if it is possible to transmit the stylistic originality of anadiplosis in the translated text. The material obtained by the continuous sampling method is subjected to linguistic analysis, which reveals the main functions of anadiplosis in a literary text. It is stressed that anadiplosis can be used as a means to ensure the coherence of the narrative, the logical unfolding of the text with emphasizing role of repeated lexemes. The structure and composition of anadiplosis are studied, the syntactic arrangement of the repeated components and their possible modifications are considered, such as the replacement of one of the lexemes, the appearance of connecting elements, and the change of grammatical forms. Some examples with mirror placement of repeated components are given and analyzed. The accumulation of different repetitions within certain text fragments is mentioned. Special attention is paid to the specifics of the anadiplosis translation from German into Russian, to the characteristics of translated equivalents. As the most frequent method of translation is highlighted the usage of equivalent analogues with the transformation of anadiplosis into other types of repetition, primarily into semantic and simple lexical repetition. Final-

ly, the special style and unusual composition of the novel under study are emphasized, which determine the high frequency of the anadiplosis usage and make it a distinctive feature of the author's language. The percentage ratio of different methods of anadiplosis translation to the total number of identified examples is given. It is concluded that it is mostly impossible to preserve the structural uniqueness, stylistic peculiarity and functions of anadiplosis in translated text.

Keywords: anadiplosis, lexical repetition, literary text, translated equivalent, semantic repetition, B. Shlink.

Повтор как важная стилистическая составляющая художественного текста, многообразие его видов, их особенности и разного рода классификации уже длительное время находятся в центре внимания многих лингвистических исследований. Актуальность изучения повторов основывается на специфике их функционирования. Являясь одним из «основополагающих принципов организации художественной структуры текста» [1; с. 206], повторы «представляют собой важное средство экспрессии и позволяют оценить предмет или явление в новом ракурсе» [2; с. 15], при этом «активно участвуют в создании определённого художественного образа и образуют семантическую сопряжённость слов» [3; с. 343].

Многократное использование повторов можно объяснить особенностями человеческого восприятия, обработки и усвоения передаваемой информации. При описании главных действующих лиц, предметов, явлений или событий, представляющих важность для повествования, повторы неизбежны [4; с. 136], поскольку «чем важнее информация, тем чаще используются языковые единицы, выражающие данную информацию» [4; с. 139].

В настоящей статье нами рассматривается повтор-подхват, или анадиплосис, который представляет собой разновидность лексического повтора и характеризуется повторением конечного элемента одного высказывания в начале другого высказывания [5; с. 97]. Новизна исследования определяется, с одной стороны, своеобразием практического материала, полученного методом сплошной выборки из текста романа Бернхарда Шлинка «Чтец» („Der Vorleser“ – [6]), ставшего международным бестселлером и получившего ряд престижных литературных наград. С другой стороны, новизну работы обуславливает её цель, которая заключается в выявлении особенностей перевода повтора-подхвата с немецкого языка на русский при сопоставлении оригинала романа и его переводной русскоязычной версии, перевод выполнен Б.Н. Хлебниковым. Также представлялось важным установить возможность передачи всего функционального спектра употребления такого уникального стилистического явления как повтор-подхват в переводном русскоязычном варианте.

Следует отметить, что повтор-подхват довольно широко представлен в исследуемом художественном произведении. В ходе работы нами было выявлено 19 случаев употребления на 207 страницах оригинала. Рассмотрим примеры:

Gertrud sagte, das sei eine Flucht, eine Flucht vor der Herausforderung und Verantwortung des Lebens... [6; с. 171].

Гертруда назвала это бегством, желанием уклониться от ответственности за решение тех проблем, которые ставит перед нами жизнь... [7; с. 77].

В данном примере повтор-подхват применяется в одной из своих основных функций, актуализируя определенный фрагмент предложения, выделяя и уточняя главное [5; с. 98]. Повторное употребление лексемы *eine Flucht* акцентирует внимание на метафорическом обозначении жизненной позиции главного героя произведения Михаэля, и в тоже время вводит последующее разъяснение, почему Гертруда считает именно так. При переводе наблюдается изменение типа повтора за счёт использования близкого по семантике словосочетания *желание уклониться*, таким образом переводчик сразу переходит к уточнению мысли Гертруды, но в определенной степени снимает образность всего предложения.

Wenn der Blick schweifte, schweifte er zum Fenster hinaus oder verstohlen zu Nachbarin und Nachbar [6; с. 65].

Если я, отвлекаясь, хотел поглазеть по сторонам, то взгляд мой либо уходил к окнам, либо косил украдкой к соседке или соседу [7; с. 33].

В предлагаемом примере повтор-подхват эмфатически выделяет, в каком конкретно направлении блуждал взгляд Михаэля во время школьных уроков, когда он отвлекался от учебы. В переводном русскоязычном варианте, как и в первом приведенном нами примере, повтор-подхват заменяется на семантический повтор, причем сначала приводится словосочетание с ярко выраженной разговор-

ной окраской (*поглазеть по сторонам*), а затем уже его синоним, по семантике более близкий к оригиналу.

*Die Erwiderungen mißlingen **regelmäßig**, und **regelmäßig** sanken die Schultern herab [6; с. 96].*

*Но возразить не получалось, и плечи **каждый раз вновь** опадали [7; с. 45].*

Данный случай содержит повтор-подхват, выполняющий фоновую функцию. Повторяемая лексема *regelmäßig* задает общий фон высказывания, указывая на регулярность, многократную повторяемость описываемых действий, вынося их на первый план. Главной героине романа Ханне не удавалось высказать свои возражения во время судебного процесса, и после каждой неудачной попытки она опускала плечи. При переводе повтор как таковой опускается, а в качестве переводного соответствия используется приближенный вариант *каждый раз вновь* (*regelmäßig* – регулярный, систематический [8]).

В структурном плане повтор-подхват может быть весьма разнообразен и включать в себя несколько повторяемых компонентов, например:

*Schon damals ... war **mir nicht wohl**, und **wohl ist mir auch jetzt nicht** [6; с. 99].*

*Уже тогда ... **мне** было очень **не по себе**, да и **сейчас мне не по себе** [7; с. 46].*

Здесь примечательно дистантное расположение повторяемых лексем при повторе-подхвате, что объясняется, в первую очередь, спецификой немецкого синтаксиса, и в частности, употреблением отрицательной частицы *nicht*. Общий стилистический эффект усиливается также за счёт повтора необходимого дополнения в дательном падеже, выражаемого личным местоимением *mir*. В русскоязычном варианте используется эквивалентный перевод, однако повтор-подхват заменяется на простой расширенный повтор.

*... der Umgang rasch **vertraut wurde**. **Vertraut wurde er bald auch mit Sophie**... [6; с. 72].*

*... что быстро **сблизило нас**. Я **весьма подружился** и с Софи... [7; с. 36].*

В данном примере повтор-подхват при переводе не сохраняется, в результате чего его функциональный аспект также передается не полностью. Связанность текста и логическое развертывание, очевидно, обеспечивается переводными соответствиями, которые представляют собой синонимичные конструкции, но такого акцентирования словосочетания *vertraut werden* (стать близким, сблизиться [8]), как в оригинальном высказывании, в русскоязычном варианте нет.

*Die Verlesung dauerte **eineinhalb Tage** – **eineinhalb Tage Konjunktiv** [6; с. 101].*

*Чтение длилось **полтора дня** [7; с. 47].*

В переводной версии данной синтаксической конструкции полностью отсутствует второй ее компонент, начинающийся в оригинале с повтора-подхвата и представляющий собой семантическую компрессию. В обвинительном заключении, которое зачитывалось полтора дня, по нормам немецкого языка должно было использоваться особое наклонение – *Konjunktiv*. Для большинства читателей русскоязычного перевода данные фоновые знания, лежащие в основе компрессии, не известны, и, вероятно, именно поэтому фрагмент предложения с повтором-подхватом опускается.

*Daß **verurteilt werden müsse**, **stand für uns fest**. **Ebenso fest stand für uns**, daß es nur vordergründig um die **Verurteilung dieses oder jenes KZ-Wächters und -Schergen ging** [6; с. 87].*

***Осуждение** необходимо, это **не подлежало для нас сомнению**. Также **не подлежало сомнению**, что речь идет не просто об **осуждении** того или иного охранника концлагеря, конкретного исполнителя [7; с. 41].*

В данном примере порядок расположения повторяемых элементов при подхвате изменяется вследствие эмфатического выделения прилагательного *fest* (*fest stehen* – быть установленным [8]), при переводе на русский язык используется антонимичное выражение и подобного изменения не наблюдается, однако второй компонент повтора-подхвата сокращается, в нем отсутствует словосочетание *для нас*.

В приведенном фрагменте текста помимо повтора-подхвата можно выделить также дистантный лексический повтор с частеречной модификацией повторяемого компонента: *verurteilt* и *die Verurteilung*. В русскоязычной версии в качестве переводного соответствия используется существительное *осуждение*. Отметим, что подобное накопление разных типов повтора типично для исследуемого художественного произведения.

В исследуемом романе весьма частотны также некоторые трансформации компонентов в составе повтора-подхвата. Так, например, возможна замена одной из повторяемых лексем:

*Aber es war **seine letzte Frage**. **Seine erste Frage war**: “Warum haben Sie nicht aufgeschlossen?” [6; с. 121].*

*Но это был **последний вопрос**. А **сначала он спросил**:*

– Почему вы не открыли дверь? [7; с. 54].

Замена лексемы *letzte* (последний [8]) на *erste* (первый [8]) обеспечивает связанность текста, создает особый переход к описанию допроса Ханны, и в то же время выделяет основной вопрос для председательствующего. Такая функциональная направленность сохраняется при переводе, но вместо повтора-подхвата приводится дистантный лексический повтор с изменением частеречной соотнесенности повторяемого компонента (*вопрос – спросил*).

Однако, гораздо большей частотностью отличается повтор-подхват с изменением грамматической структуры повторяемого компонента.

Das sind spätere Gedanken. Auch später waren sie kein Trost [6; с. 163].

Все это размышления более позднего времени. Но и позднее они не принесли утешения [7; с. 73].

В данном примере прилагательное в сравнительной степени *später* используется в разных синтаксических функциях – как определение при первом упоминании и как обстоятельство времени при повторе-подхвате, соответственно меняются и его грамматические формы. В переводной русскоязычной версии сохраняется тип повтора и также наблюдаются соответствующие грамматические изменения, при этом применяется лексическое развертывание, добавляется лексема *время*.

... die Kleidung ... war ganz unzureichend, und noch unzureichender war das Schuhwerk... [6; с. 116].

... одежда ... была совершенно непригодной для дороги; еще хуже обстояло дело с обувью [7; с. 52].

В приведенном примере причастие *unzureichend* при повторе-подхвате используется в сравнительной степени, что обеспечивает логическую сопряженность в описании одежды и обуви заключенных. При переводе на русский язык повтор-подхват не употребляется, переводным эквивалентом служит в первом случае приближенное по семантике соответствие с лексическим развертыванием, которое уточняет, для чего конкретно не подходила одежда. Второй элемент повтора-подхвата переводится за счет комплексного преобразования, в котором, однако, также присутствует компонент в сравнительной степени – *хуже*.

Иногда одна и та же лексема может повторяться многократно, образуя различные типы повторов:

Zugleich wußte ich, daß es mir im Theater in meiner Heimatstadt nicht egal gewesen wäre. Wußte sie es auch?

Sie wußte, daß mein Leben im Sommer nicht mehr nur um sie, die Schule und das Lernen kreiste [6; с. 70].

Впрочем, я знал, что в нашем городе это было бы совсем не так. Интересно, понимала ли это она?

Во всяком случае, она понимала, что летом моя жизнь состояла не только из визитов к ней, из школы и занятий [7; с. 35].

Данный фрагмент текста изобилует повторами словоформы *wußte* в сочетании с разными подлежащими. Простому дистантному повтору в переводной версии соответствует синонимичный (*знал – понимала*). Последующее употребление *wußte* представляет собой уже повтор-подхват, сохраняемый при переводе за счет использования эквивалентных соответствий русского языка.

В рассматриваемом примере следует отметить также особое перекрестное расположение компонентов повтора-подхвата, свойственное хиазму. Хиазм как риторическая фигура состоит из двух частей с одним и тем же лексическим составом, выступающим в разных синтаксических позициях, что создает эффект их мены, перекрестия, зеркальности. Однако только сочетание подобного синтаксического параллелизма, инверсии и антитезы создает хиазм [9; с. 78]. В указанном нами случае антитеза как таковая отсутствует, а после конструкции с лексическим перекрестным повтorem высказывание продолжается, осуществляется его логическое развертывание, что дает возможность отнести данное языковое явление к повтору-подхвату.

В исследуемом нами художественном произведении аналогичное перекрестное расположение компонентов повтора-подхвата не единично:

Das wirkte hochmütig, und hochmütig wirkte auch, daß sie nicht mit den anderen Angeklagten und kaum mit ihrem Anwalt sprach [6; с. 95].

Это выглядело довольно высокомерно, как высокомерным казалось и то, что Ханна никогда не разговаривала с другими подсудимыми и почти не общалась со своим адвокатом [7; с. 45].

Здесь, как и в большинстве рассмотренных выше примеров, эмфатически выделяется повторяемый элемент высказывания, а зеркальное расположение составляющих повтора-подхвата еще больше усиливает этот эффект. Переводной вариант данного предложения передает стилистическое своеобразие оригинала лишь частично: повтор-подхват лексемы *hochmütig* сохраняется, при этом эквивалентное русскоязычное соответствие *высокомерно* меняет грамматическую форму в связи с использованием глагола *казаться* при семантическом повторе, применяемом для перевода немецкого *wirken*.

С точки зрения синтаксического оформления и семантики повтора-подхвата весьма интересен также следующий пример:

Als er damit fertig war, war er damit fertig [6; с. 126].

Эта мысль работала сама по себе, и сама додумала себя до конца [7; с. 56].

Лексическая наполняемость первой части приведенного высказывания практически полностью дублируется во второй, усиливая ее смысловую нагрузку, однако типичный для сложносочиненного предложения немецкого языка порядок слов приводит к образованию особого рода повтора-подхвата. При переводе на русский язык применяется целостное преобразование выражения *fertig sein* (быть готовым, закончить [8]) и дается семантический повтор, в следствие чего вся синтаксическая конструкция теряет свою специфичность и соответствующее стилистическое воздействие не производит.

Таким образом, можно сделать вывод, что основные функции, свойственные повтору-подхвату, заключаются в создании связанности художественного текста, оформлении логичного, последовательного высказывания. При этом, как правило, происходит эмфатическое выделение повторяемых лексем, реже повтор-подхват выступает в фоновой функции. Частотное употребление повтора-подхвата в исследуемом произведении обусловлено, как кажется, спецификой построения романа, который по сути представляет собой размышления о прошлом, своеобразный анализ пережитых событий. Рассказчик, от лица которого ведется повествование, равно как и сам Бернхард Шлинк, является юристом, и повтор-подхват с учетом специфики его функционирования оказывается особенно уместным в его речи, становится отличительной черной индивидуально-авторского стиля.

Структура повтора-подхвата может быть разнообразна. Повторению подлежат как одна, так и несколько лексем, возможны различные модификации повторяемых компонентов, появление между ними соединительного элемента в виде вводного слова или союза.

Перевод повтора-подхвата осуществляется разными способами. Около 60 % выявленных нами примеров переводятся на русский язык за счет эквивалентных соответствий, но с изменением типа повтора, в первую очередь в переводном варианте используется семантический повтор, реже – простой или расширенный лексический повтор. В 25% случаев повтор-подхват при переводе сохраняется, в 15 % повтор в переводной русскоязычной версии отсутствует полностью. Таким образом, нельзя говорить о полной передаче всех стилистических особенностей употребления повтора-подхвата и сохранении своеобразие его функциональных характеристик.

Библиографический список

1. Денисова А.К. Виды лексико-семантических повторов в немецкоязычном художественном тексте // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. № 4. С. 206-209.
2. Булатая Е.В. Повтор как средство актуализации иронического смысла в художественном тексте (на материале произведений Н.В. Гоголя и их перевода на немецкий язык) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2017. № 1. С. 13-18.
3. Атажахова С.Т. Стилистические функции повторов в художественном тексте // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2 (75). С. 341-343.
4. Боровик Н.С. Повторы в текстах художественной литературы // Общие и частные вопросы филологии и переводоведения в контексте межкультурного взаимодействия: сборник научных статей по материалам XXXI Международной научно-практической конференции. Чебоксары: Изд.-во. Чувашского государственного педагогического ун-та им. И.Я. Яковлева, 2021. С. 136-145.
5. Петренко А.Ф., Петренко С.А., Орлова Н.А. О многоплановости приема повтора-подхвата в дискурсе художественного текста // Казанская наука. 2019. № 10. С. 97-99.
6. Schlink B. Der Vorleser Diogenes Taschenbuch, 1995. 207 S.
7. Шлинк Б. Чтец. М.: Азбука-Аттикус, 2015. 112 с.

8. АБВУУ Lingvo x6 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lingvolive.com/> (дата обращения 27.06.2023).

9. Шмелева Т.В. Хиазм в научной и медийной стилистике // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 4-2. С. 77-86

References

1. Denisova A.K. Types of lexico-semantic repetitions in a German-language literary text // Bulletin of Kostroma State University. 2017. Vol. 23. No. 4. pp. 206-209.

2. Bulataya E.V. Repetition as a means of actualizing ironic meaning in a literary text (based on the material of N.V. Gogol's works and their translation into German) // Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Series: Philology, pedagogy, psychology. 2017. No. 1. pp. 13-18.

3. Atazhakhova S.T. Stylistic functions of repetition in an imaginary text // The world of science, culture, education. 2019. No. 2 (75). pp. 341-343.

4. Borovik N.S. Repetitions in the texts of fiction // General and particular issues of philology and translation studies in the context of intercultural interaction: collection of scientific articles based on the materials of the XXXI International Scientific and Practical Conference. Cheboksary: Publishing House of Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev, 2021. pp. 136-145.

5. Petrenko A.F., Petrenko S.A., Orlova N.A. On the multiplicity of the reception of repetition-picking up in the discourse of a literary text // Kazan Science. 2019. No. 10. pp. 97-99.

6. Schlink B. Der Vorleser Diogenes Taschenbuch, 1995. 207 p.

7. Schlink B. The Reader. M.: ABC-Atticus, 2015. 112 p.

8. АБВУУ Lingvo x6 [Internet resource]. URL: <https://www.lingvolive.com/> / (Date of access: 27.06.2023).

9. Shmeleva T.V. Chiasm in scientific and media stylistics // Ecology of language and communicative practice. 2019. No. 4-2. pp. 77-86

ЖУРНАЛИСТИКА В ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ JOURNALISM IN HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECT

УДК: 82

DOI 10.36622/2587-9510.2024.44.73.019

*Санкт-Петербургский государственный
медицинский университет им. И.И. Мечникова
канд. филол. наук, доцент кафедры русского
языка*

Белова А.В.

Россия, Санкт-Петербург,

+79119447714,

e-mail: ioanna.ventina@gmail.com

*St. Petersburg State
medical University named after I.I. Mechnikov
candidate of Philology, assistant professor of Rus-
sian language*

Belova A.V.

Russia, Saint-Petersburg,

+79119447714,

e-mail: ioanna.ventina@gmail.com

А.В. Белова

АЛЕКСАНДР ЧЕХОВ - РЕДАКТОР

Статья посвящена исследованию творчества Александра Чехова, писателя, публициста и автора мемуаров об А.П. Чехове, старшего брата Антона Павловича Чехова, на примере его редакторской работы в журналах «Слепец», «Пожарный», «Вестник Российского общества покровительства животным». Отражение личного элемента в произведениях — это то, чем зачастую отличался слог беллетристических произведений Александра Чехова. Об этом не раз ему указывал Антон Павлович Чехов. Думается, что и редакторская работа именно в этих изданиях не обошлась без влияния «личного элемента», который проявился у Александра Павловича в следствие жизненных обстоятельств, которые ему пришлось пережить в своей жизни: внезапная слепота, а также репортерская работа с выездом на городские пожары и другие происшествия, и их последующими описаниями. Для исследования в данной статье используются материалы писем Ал.П. Чехова к его брату Антону Павловичу с 1875-1904 гг., а также воспоминания отца Павла Егоровича Чехова и сына Михаила Павловича-Александровича Чехова. Приведенные в тексте статьи отрывки писем, которые имеют явный отсыл к жизни Александра Павловича Чехова, призваны подтвердить точку зрения автора статьи о том, что возможно, выбор именно этих изданий (по крайней мере именно двух: «Слепец» и «Пожарный») редактор Александр Чехов сделал несознательно, невольно, но в этой невольности прослеживается ассоциативная связь с его личным жизненным опытом.

Ключевые слова: Александр Чехов, журнал, личность автора, редактор.

A. V. Belova

ALEXANDER CHEKHOV - EDITOR

The article is devoted to the study of the work of Alexander Chekhov, a writer, publicist and author of memoirs about A.P. Chekhov, the elder brother of Anton Pavlovich Chekhov, on the example of his editorial work in the magazines "Slepets", "Fireman", "Bulletin of the Russian Society for the Protection of Animals". The reflection of the personal element in the works is what often distinguished the style of the fictional works of Alexander Chekhov. Anton Pavlovich Chekhov pointed this out to him more than once. It seems that the work in these publications was not without the influence of the "personal element", which manifested itself in Alexander Pavlovich as a result of the life circumstances that he had to endure: sudden blindness, as well as reporter work with a trip to city fires and other incidents, and their subsequent descriptions. For research in this article, materials from the letters of A.P. Chekhov to his brother Anton Pavlovich from 1875-1904, as well as the memoirs of his father Pavel Yegorovich Chekhov and brother Mikhail Pavlovich Chekhov. The excerpts of letters cited in the text of the article, which have a clear reference to the life of Alexander Pavlovich Chekhov, are intended to confirm the point of view of the author of the article that it is possible that the choice of these particular publications (at least two: "Slepets" and "Fireman") editor Alexander Chekhov did it unconsciously, involuntarily, but in this involuntariness there is an associative connection with his personal life experience.

Key words: Alexander Chekhov, journal, personality of the author, editor.

Александр Чехов, писатель, публицист и автор мемуаров об А.П. Чехове, старший брат Антона Павловича Чехова, работавший журналистом в газете «Новое время», являлся в разное время редактором нескольких журналов: «Слепец», «Пожарный», «Вестник Российского общества покровительства животным». Были и другие предложения возглавить издания в качестве редактора (из письма А.А. Чирковой к Антону Павловичу: «У нас в Кишиневе издается новая газета, для которой нужен редактор за очень приличное вознаграждение, я хотела бы это место предложить Александру Павловичу, если, конечно, он найдет для себя выгодным» [1-6, с. 628]. Энциклопедические знания, любознательность, живость слога, безусловно, привлекали в Александре Павловиче многих издателей. Думается, что было распространённым явлением предлагать редакторство пишущим людям, в том числе и Антону Павловичу не раз было сделано такое предложение, но он предпочел отказаться: «Тебе хотят предложить стать на место Шеллера и редактировать «Живописное обозрение» [2, с. 606], «На днях я получил письмо от издательницы «Родника» Марфы Харитоновны Рылиндровой (так шутливо называл А.П. Чехов Е.А. Сысоеву — А.Б.), <...> Само собой разумеется, что у своей новой поклонницы я работать не буду» [2, с. 809].

Отражение личного элемента в произведениях — это то, чем часто отличался слог беллетристических произведений Александра Чехова. Об этом не раз ему указывал Антон Павлович Чехов. Поневоле напрашивается мысль, что оба эти издания (по крайней мере именно «Пожарный» и «Слепец») явно перекликаются с жизненными перипетиями Александра Павловича Чехова: внезапная слепота, сразившая его в мае 1886 г., и его репортерская работа (более двадцати лет) в газете «Новое время», связанная с пожарами, взрывами и другими городскими происшествиями, коих повидал и описал он в своей жизни немало. Вот как вспоминает об этом его младший сын Михаил Александрович Чехов: «Отец мой сам был пожарным-любителем. Над его кроватью висел особый телефонный аппарат, извещавший его о пожарах, и он часто уезжал на пожары днем и ночью» [3, с. 20]. «Журналистом он мог быть отменным. Личная порядочность и общественный темперамент, важнейшие составляющие журналистского *habitus*`, а, наличествовали у него в избытке» [2, с. 21]. О себе Александр Павлович писал так: «Я почти целый день в беготне, дома только обедаю и сплю» [2, с. 484], «Сейчас недалеко от меня пожар горит» [2, 506], «Как добросовестный и дельный репортер я пользуюсь таким доверием в других редакциях, что, буде уйду из «Нового времени», то в убытке не буду» [2, с. 640].

Оба издания он начинает возглавлять в качестве редактора практически в одно и то же время — в 1892 году: «Я привинчен к Питеру. Теперь уж мне не скоро удастся приехать к тебе в обещанный тобой курятник слушать пожарную фальшивую тревогу. Редакторствуя, я надел на себя цепи *sui generis* (своеобразные — А.Б.) [2, с. 614].

Ежемесячный журнал «Пожарный (Вестник пожарного дела в России)» (редактором Ал.П. Чехов был только первые три номера 1892 г.) имел следующие цели: знакомил с отчетами о новинках техники и науки в пожарном деле в России и за границей, давал советы и указания, поощрял возникновение вольных пожарных обществ, способствовал обмену мыслями между деятелями и тружениками по пожарному вопросу, печатал постановления и распоряжения, знакомил с хроникой и биографиями деятелей по пожарному делу. Публикации журнала «Пожарный», первого русскоязычного пожарного издания, сочетали в себе зарубежный и российский опыт пожаротушения, носили прогрессивный, передовой характер, точно отражая нужды пожарной России [8].

В семье Чеховых положительно (старшее поколение) и с юмором воспринимали новую должность Александра Павловича: «Пожарный брат мой! Теперь я верю в предчувствия и пророчеств: когда в детстве ты <...> бегал на пожары и любил рассказывать о пожарной команде, бегущей по каменной лестнице, - тогда еще следовало предвидеть, что ты будешь пожарным редактором. Итак, поздравляю. Туши, Саша, пожары своим талантливим пером» [2, 612], «Литературный брандмайор! Возьми раскаленное железо и выжги им на своей груди мои адреса» [2, 614], «Пожарный Саша! Твой журнал получаем и с восторгом прочитываем биографии великих брандмайоров и списки пожалованных им орденов» [2, с. 615], «Родственникам твоим весьма лестно, что ты ведешь дело вместе с графом (имеется ввиду также участие издателя, а с № 4 1892 г. редактора графа А.Д. Шереметева — А.Б.) и помещаешь портреты князей» [2, с. 616]. Да и сам Александр Павлович много шутил по поводу своего редакторства: «Алтон Палч! Вспоминай ежедневно и ежечасно, что ты хоть и гейним, а все-таки не более, как только сотрудник, тогда как твой старший брат — редактор, и преисполняйся уважения ко мне. За поздравления — спасибо» [2, с. 613], «Твой брат Редактор (а не такая тля, как ты

— сотрудник) Ал. Чехов. P.S. Ек забудь, что у меня жена величает себя *PPРедакторшей*» [2, с. 614]. Однако, несмотря на насмешки по отношению к редакторству старшего брата в журнале «Пожарный», Антон Павлович давал ему дельные советы и способствовал развитию этого издания: «В программе журнала вы пропустили отдел: судебные процессы, относящиеся к поджогам и страховым операциям» [2, 613], ««2-ой номер «Пожарного составлен лучше, чем 1-й» [2, с. 616], «Вчера актер Гарин-Виндинг говорил мне, что хочет послать тебе статью «Пожары театров» [2, с. 613].

Именно в 1892 году была открыта первая Всероссийская пожарная выставка, в июне этого года состоялся съезд российских пожарных деятелей. Эти события освящаются Александром Чеховым в редактируемом им журнале «Пожарный», и в газете «Новое время» (о съезде были напечатаны очерки в нескольких номерах газеты):

№ 5852. Ч. Открытие съезда пожарных деятелей. С.2.

№ 5853. Ч. Съезд пожарных деятелей. С.2–3.

№ 5855. Ч. Съезд пожарных деятелей. С.2–3.

№ 5856. Ч. Съезд пожарных деятелей. С.2.

№ 5857. Ч. Съезд пожарных деятелей. С.2–3.

№ 5858. Ч. Съезд пожарных деятелей. С.3.

В этой связи можно вспомнить и еще одну «пожарную» историю, которая произошла в Малихове в 1895 году и связана с Александром Павловичем Чеховым. Он подробно описал ее в очерке-воспоминании «В Мелихове», напечатанном в журнале «Нива» в 1911 году: «Кругом было тихо. Вдруг недалеко от сада, - вспоминал в своем очерке Александр Павлович, - раздалась тревожные голоса и во дворе брата зазвонили в колокол, сзывающий рабочих. Занавеска, которой было задернуто мое окно, вдруг стала розово-красной. Я выскочил в сад и осмотрелся. На крестьянской избушке, ближайшей к усадьбе, горела соломенная крыша. В один миг я оказался подле загоревшей избы в качестве зрителя, но какая-то баба со стоном бегала около крылечка и причитала: - Старик там! Старик там! Я вбежал в избу (опасности пока еще не было) и не без труда вытолкал оттуда пьяного и почти обалдевшего и ничего не понимающего старика крестьянина». Причиной пожара оказалось желание пьяного крестьянина посмотреть на дом, который он решил поджечь. Этого крестьянина и спас Александр Чехов [5].

Помимо работы в журнале «Пожарный» в том же 1892 году Александром Чеховым был издан «Исторический очерк пожарного дела в России»: «Получил я «Историю пожарного дела» и подумал: кто б мог предположить, что из нужника выйдет такой гений?» (из письма Антона Павловича Александру Чехову) [2, с. 620].

«Исторический очерк пожарного дела в России» — уникальное издание, описывающее историю пожарного дела в России на протяжении XVIII-XIX вв. В нем рассказывается об устройстве пожарного дела Москвы и Санкт-Петербурга, о работе пожарных команд в столичных и провинциальных городах России. Пожарное общество до революции осуществляло свою работу за счет пожертвований, на общественных началах. В книге приводятся сведения о законодательстве в области пожарного дела, о мерах по охране лесов, меры безопасности на корабле, противопожарные меры в городах и селах, а также о том, что в некоторых случаях прибегали к помощи солдат для тушения пожаров, кроме того отражены размеры штрафов и приведены другие меры в качестве наказания за пожар, в том числе размеры пособий для тех, кто пострадал от пожара [6].

В 99 номере газеты «Санкт-Петербургские ведомости» (от от 15(27) апреля 1892 г.) читаем: «Редактор недавно возникшего журнала «Пожарный», издаваемого А.Д. Шереметевым, Ал. П. Чехов, по выпуску № 3 журнала, отказался от редакторства». Это произошло из-за возникшей ссоры с издателем, шефом пожарной дружины графом А.Д. Шереметевым, в связи с чем ему пришлось покинуть журнал.

6 апреля 1892 года в письме к А.С. Суворину Антон Павлович Чехов пишет: «Амбулаторный тиф моего брата очень меня беспокоит. Не говорю уж о беспорядочности, свойственной этой форме тифа, но он разрушает его здоровье, старит его не по дням, а по часам. А дети — малолетки. Говорят, он расходится с Шереметевым, у которого, если верить ему, он получал приличное жалованье. Воображаю положение Шереметева, которого Александр, вероятно, бонбандирует тифозными письмами. Вообще грустно» [1-5, с. 46-47]. «Расхождение» окончательное, хотя домашние и надеялись на примирение. 13 мая 1892 года из письма А.П. Чехова к А.И. Смагину становится понятно, что разрыв этот окончательный: «Мой пожарный братец уже не редактирует «Пожарного» и поссорился с Шереметевым. Теперь уж он, если приедет, не будет командовать» [1-5, с. 63-65].

В 1885 г. Совет Попечительства Императрицы Марии Александровны о слепых начал издавать в Санкт-Петербурге плоскочечатный журнал «Русский слепец», через три года у журнала появилось другое название — «Слепец» [7].

Ежемесячный журнал «Слепец», редактором которого был Александр Чехов с 1892 (с № 10) - 1893 г., включительно (до него с 1889 г. и после него с января 1894 г. это издание возглавлял редактор-издатель Г.П. Недлер), имел следующую программу: обсуждение вопросов для улучшения положения слепых — психология, методы обучения, занятия и ремесла для слепых, призрение неспособных к труду слепых, меры к предупреждению слепоты, иностранная литература о слепых и объявления. Журнал печатался плоским шрифтом. Издание включало несколько разделов: «В начале журнала печатали постановления Совета Попечительства о слепых и сообщения о пожертвованиях. Затем публиковали материалы о методах воспитания и обучения незрячих, о правилах приема слепых детей в училища, а взрослых незрячих в мастерские и убежища. В конце номера размещались разделы: «Почтовый ящик» и «Объявления».

Данное издание было призвано прежде всего улучшить условия жизни незрячих. Здесь можно было найти статьи о расширении круга профессий для таких людей, высказывались предложения ввода обучения в училищах токарному и сапожному делу, музыкальной специализации. Встречались сообщения о возможности работать слепым после специальной подготовки в качестве телефонистов, органистов, настройщиков роялей, массажистов.

Именно тут можно было найти статьи ученых-дефектологов. Так «были напечатаны статья Г. Недлера «Первоначальное воспитание слепого ребенка» (1914) и научный труд немецкого ученого Ф. Цеха «Воспитание и обучение слепых» (1914–1916).

На страницах журнала опубликовали информацию, посвященную книге слепоглохой Элен Келлер «История моей жизни». Печатали краткие сведения о выдающихся отечественных и зарубежных слепых: философе А. Щербине, скрипаче М. Карасике, скульпторе Д. Гонелли, математике Ф. Домене и других» [7].

В журнале публиковались новости о создании особых тифлоприборов, с помощью которых могли общаться слепоглухонемые, о доске Гебольда для плоского письма. Здесь можно было узнать о специальных видах спорта для незрячих.

Помимо отечественных новостей, журнал знакомил читателей и с положением слепых за рубежом. Интересен был опыт иностранных ученых из институтов для слепых из Франции, Англии, Австрии, Германии, Америки.

Помимо этого журнал публиковал художественные и публицистические произведения незрячих авторов. Все это давало надежду на повышение уровня жизни слепых и открывало перспективы развития для человека с ограниченными возможностями. Журнал «Слепец» выходил до декабря 1917 г. [10].

Будучи редактором журнала «Слепец» Александр Павлович занимается фотографией для издания («Я изготовил большую работу по фотографии в громадном формате, приготовил несколько снимков из быта училища слепых. Снимки эти пойдут на выставку в Чикаго» [2, с. 632], к этому занятию он очень тяготел, часто снимал родных, сам проявлял карточки, отсылал их, в 1892 году он издал отдельной брошюрой «Химический словарь фотографа», переизданный второй раз спустя четыре года: «Одно из первых в России пособий по фотоделу — четкое, содержательное, увлекательно и просто написанное» [2, с. 21].

Александр Павлович нередко озаглавливал свои письма к брату Антону «Редактор журнала «Слепец», Невский 132» и шутливо приписывал: «Друже Алтоша! Надеюсь, что ты от одного вида заголовка придешь в жизнерадостное состояние. Не у всякого бывает брат-редактор» [2, с. 658].

Из письма Александра Чехова к брату Антону Павловичу от 21 мая 1886 г. из Новороссийска: «Антоша. Не было ни гроша и вдруг алтын. Пишет тебе Анна, но от моего имени. Комедия эта продлевается потому, что волею Божию ослеп и не могу писать тебе собственноручно <...> Поставил себе сухие банки и засел во тьму кромешную, не вижу ровно ничего. Помощи ждать неоткуда; ни со стороны медицины, ни со стороны казны <...> Главный интересующий меня теперь вопрос — это вопрос о лечении. У нас в захолустье об этом и думать нечего и средств нет, а махнуть рукой на болезнь не имею права как отец. На службе слепца держать не станут и прогонят, давши 100 р. пенсии в год. Сам приехать в Москву лечиться я не могу — нет денег» [2, с. 406]. Из письма жены Александра Чехова: «Антон Павлович <...> Саша ослеп вдруг вчера в 5 часов вечера, он после обеда лег спать, по

обыкновенно выпив порядочно, потом проснулся в 5 часов, вышел из своей комнаты, поиграл с детьми и велел подать себе воды, выпил воду, сел на постель и говорит мне: ничего не видит» [2, с. 406-407]. «Дорогой Алтоша! <...> Пишу ощупью» (июнь 1886 г.) [2, с. 407].

Из письма П.Е. Чехова: «Прошу моих детей беречь глаза больше всего, занимайтесь писанием больше днем, а не ночью, действуйте разумно, - без глаз плохо <...> Саша ничего не видит, подают ему хлеб и ложку — и все. Вот последствия своей воли и влечения своего разума на худое, увещаний моих он не послушал» [8, с. 121-122]. Передраги на таможне, где служил Александр Павлович, жизненные неурядицы, неприкаянность и обильное употребление «успокоительного» средства-алкоголя — всё, думается, это поспособствовало возникновению слепоты.

В июне того же года Александр Павлович приезжает из Новороссийска в Петербург, затем Москву, после — к брату Антону Павловичу в Бабино: «У меня живет Агафопод <...> Он был слеп, но теперь <...> стал видюш» [1-1, с. 250]. Зрение восстановилось, но опыт незрячего человека, страх остаться незрячим, конечно, остался на всю жизнь: «Страх и пристрастие к очкам с синими стеклами остались» [2, с. 20].

Нужно принять во внимание и то, что проблема слепых поднималась Александром Павловичем и до его редакторства в журнале «Слепец», так еще в 1888 г. он публикует в газете «Новое время» статью «Слепые в Европе и у нас» (номер от 11 января 1888 г.). Вот как он говорит о ней: «Работы у меня много, Собеседования с старообрядцами меня очень поддерживали денежно, а Суворину понравилась мое изложение. Статья моя «Слепые в Европе и у нас» тоже пришлась ему нутру» [2, с. 503].

Вероятно, тема эта была ему близка, отчасти, конечно, и, получив предложение редактировать журнал «Слепец», он продуктивно работает на этом поприще, понимая, как важно помочь людям с ограниченными возможностями зрения — дать им возможность заработка, лечения, образования, приюта.

Помимо журналов «Слепец» и «Пожарный», некоторое время Александр Павлович Чехов редактирует и журнал «Вестник Российского общества покровительства животным». Журнал издавался в Петербурге с 1868 г. с перерывами, начиная с 1899 г. стал издаваться ежемесячно.

Упоминания об этом обществе находим в письме к Антону Павловичу еще в 1887 году: «Общество покровительства животным» решило в последнем собрании своим благодарить тебя за теплое отношение к быкам в статье «Холодная кровь». Вероятно, пришлют письменный адрес. Буренин советует для смягчения «животного» восторга подсунуть этому обществу твой рассказ, где Неро съедает котят» (имеется в виду рассказ А.П. Чехова «Событие», опубликованный 24.11.1886 г. в «Петербургской газете» - А.Б.) [2, с. 493].

В ноябре 1899 года Александр Чехов писал брату Антону Павловичу: «Я утвержден редактором «Вестника Общества покровительства животным». Работать буду gratis для того, чтобы ты мною мог гордиться. Не напишешь ли ты мне для январского № 1-го ничтожный, плевый рассказец в небольшое количество строк хотя бы о том, как в твоём Мелихове <...> скворцы прилетали весною <...> Прислать нужно к 1 декабря. За бедностью журнала присылай рассказ на свой счет» [2, с. 825].

Более упоминаний о редакторстве в этом журнале в переписке братьев Чеховых нет. Как нет и документального подтверждения об Александре Павловиче как редакторе этого издания.

Перечисляя издания, которые в свое время согласился редактировать Александр Чехов, невольно ловишь себя на мысли, что и в данном случае не обошлось без «личного элемента» с его стороны. По крайней мере, это касается, на наш взгляд, двух журналов: «Слепец» и «Пожарный».

Библиографический список

1. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти тт. Письма в 12-ти тт. М.: Наука, 1974–83 гг. - Т.1. - С. 250.
2. Александр и Антон Чеховы. Воспоминания. Переписка // Под ред И.Н. Сухих. Сост., подг. текста и коммент. Е.М. Гушанской, И.С. Кузьмичева. – М.: «Захаров», 2012. – 960 с.
3. Чехов М. А. Путь актёра: Жизнь и встречи / Михаил Чехов. — М.: Издательство АСТ, 2019. — 352 с.
4. А.П. Чехов и пожарная охрана [Электронный ресурс] Режим доступа: (дата обращения 18.05.2023) // <https://xn--b1ae4ad.xn--p1ai/blog/post/ap-chekhov-i-pozharnaya-okhrana>
5. Кириченко А. Пожарный Чехов Александр // Подмосковные известия. – 1997. – № 43.
6. Пожарное дело в России (Конволют) Чехов А. П. Исторический очерк пожарного дела в России. Львов А. Д. Городские пожарные команды. Опыт руководства к их устройству и отправлению ими службы [Электронный ресурс] Режим доступа: (дата обращения 18.05.2023) // <https://capellabook.ru>

7. 130 лет со дня выхода первого номера журнала «Слепец» [Электронный ресурс] Режим доступа: (дата обращения 18.05.2023) // <http://rgbs.ru/tifology/tiflonevs/yubileynye-i-pamyatnye-daty/2016u/130-let-so-dnya-vykhoda-pervogo-nomera-zhurnala-slepets>.

8. Кузичева А. П. Чехов. Жизнь «отдельного человека». М.: Молодая гвардия, 2012. — 848 с.

References

1. Chekhov A.P. Complete works and letters in 30 vols. Letters in 12 vols. Moscow: Nauka, 1974–83 .- T.1. - S. 250.
2. Alexander and Anton Chekhov. Memories. Correspondence // Under the editorship of I.N. Dry. Comp., preparation of text and comments. EAT. Gushanskaya, I.S. Kuzmichev. - М.: "Zakharov", 2012. - 960 p.
3. Chekhov M. A. The path of the actor: Life and meetings / Mikhail Chekhov. - М.: AST Publishing House, 2019. - 352 p.
4. A.P. Chekhov and the fire brigade [Electronic resource] Access mode: (accessed 05/18/2023) // <https://xn--b1ae4ad.xn--plai/blog/post/ap-chekhov-i-pozharnaya-okhrana>
5. Kirichenko A. Fireman Chekhov Alexander // Moscow News. - 1997. - No. 43.
6. Firefighting in Russia (Konvolyut) Chekhov A.P. Historical essay on firefighting in Russia. Lvov A.D. City fire brigades. The experience of accessing their devices and sending a service by them [Electronic resource] Access mode: (date of access 05/18/2023) // <https://capellabook.ru>
7. 130 years since the publication of the first issue of the magazine "Slepets" [Electronic resource] Access mode: (accessed 05/18/2023) // <http://rgbs.ru/tifology/tiflonevs/yubileynye-i-pamyatnye-daty/2016u/130-let-so-dnya-vykhoda-pervogo-number-magazine-blind>.
8. Kuzicheva A. P. Chekhov. The life of an individual. М.: Young Guard, 2012. - 848 p.

УДК 81'282.8

DOI 10.36622/2587-9510.2024.84.42.020

*Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России
Доктор филологических наук, профессор
Профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин
Анисимова Т.В. Россия, Калининград
atvritor@yandex.ru*

*Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Doctor of Philology, Professor
Professor of the Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines
Anisimova T.V. Russia, Kaliningrad
atvritor@yandex.ru*

Т.В. Анисимова

ПОХВАЛА И ОДОБРЕНИЕ КАК ЖАНРЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ НА ИНТЕРНЕТ-КАНАЛЕ

В статье рассматриваются особенности жанрового состава комментариев к статьям интернет-канала, посвященного пропаганде принципов здорового образа жизни. Предметом исследования являются комментарии, содержащие положительную оценку высказанных автором идей. Объектом исследования являются жанровые характеристики этих комментариев. Цель исследования – выявление особенностей выражения положительной оценки подписчиками приведенной автором информации, характерных для интернет-общения и описание жанрового своеобразия таких комментариев. Установлено, что основным жанром, с помощью которого подписчики положительно оценивают деятельность блогера, является *похвала*. Конечной целью посланий в этом жанре является создание положительного эмоционального фона общения, гармонизация отношений. Именно поэтому в комментариях регулярно встречаются однотипные оценочные реплики, ничего не добавляющие к обсуждению и сводящиеся только к положительной оценке поста или автора. Вторым популярным жанром для выражения положительной оценки является *одобрение*. В отличие от *похвалы*, в рамках которой адресант оценивает самого человека, одобрять можно только слова, идеи, концепции и т.п. Третий жанр группы положительно оценочных жанров – *комплимент* – встречается на канале редко. Этот жанр служит для выражения субъективной непосредственной положительной оценки внешних сторон личности адресата с целью установления более теплых отношений. Для косвенной положительной оценки содержания канала используются и другие жанры: совет, просьба, благодарность и пр. Среди терминов, обозначающих жанры положительной оценки лица, выделены однозначные (всегда обозначающие жанры речи) и многозначные (способные называть как жанры речи, так и указывать на характер речи по сверхзадаче).

Ключевые слова: жанры речи, интернет-коммуникация, сетевой комментарий, одобрение, похвала, комплимент, оценочное суждение, виртуальное общение

T.V. Anisimova

PRAISE AND APPROVAL AS GENRES OF EXPRESSING A POSITIVE ASSESSMENT ON THE INTERNET CHANNEL

The article discusses the features of the genre composition of comments on articles of the Internet channel dedicated to the promotion of the principles of a healthy lifestyle. The subject of the study is comments containing a positive assessment of the ideas expressed by the author. The object of the study is the genre characteristics of these comments. The purpose of the study is to identify the features of expressing a positive assessment by subscribers of the information provided by the author, characteristic of Internet communication and a description of the genre originality of such comments. It is established that the main genre by which subscribers positively evaluate the blogger's activities is praise. The ultimate goal of messages in this genre is to create a positive emotional background of communication, the harmonization of relationships. That is why the comments regularly contain the same type of evaluation remarks that add nothing to the discussion and are reduced only to a positive assessment of the post or the author. The second popular genre for expressing a positive assessment is approval. Unlike praise, in which the addressee evaluates the person himself, only words, ideas, concepts, etc. can be approved. The third genre of the group of positively evaluative genres – a compliment – is rare on the channel. This genre serves to express a subjective direct positive assessment of the external aspects of the addressee's personality in order to establish warmer relations. For an indirect positive assessment of the content of the channel, other genres are also used: advice, request, gratitude, etc. Among the terms denoting genres

of a positive assessment of a person, unambiguous (always denoting genres of speech) and ambiguous (capable of naming both genres of speech and indicating the nature of speech according to a super-task) are highlighted.

Key words: genres of speech, Internet communication, network commentary, approval, praise, compliment, value judgment, virtual communication

Актуальность предпринятого исследования обусловлена стремительным развитием социальных сетей, в которые вовлекаются представители самых разных возрастных и социальных групп, что переводит виртуальное общение в один из ведущих способов коммуникации (наряду с устной и письменной речью). Особое место в системе современных исследований интернет-коммуникации занимают работы, посвященные оценке жанровой специфики в интернет-общении.

Одним из наиболее популярных жанров интернет-коммуникации является жанр сетевого комментария, который «представлен текстами, выражающими аффективные, спонтанные эмотивные «реактивные» коммуникативные действия пользователей» [1, с. 111]. Распространенность и значимость этого жанра во многом обусловлена тем, что характер комментариев (содержание, тональность, количество и пр.) существенно отражается на общем восприятии основного (первичного) текста другими читателями (см. об этом [2])

Общие особенности интернет-комментария регулярно привлекают внимание исследователей [3; 4 и др.]. Особенно часто объектом исследований становятся употребляемые в них формы выражения несогласия [5; 6 и др.]. Гораздо реже исследователей привлекают комментарии, с помощью которых читатели высказывают одобрение того материала, который содержался в основном посте [7; 8 и др.]. Вместе с тем изучение этого источника может внести существенный вклад прежде всего в разработку нового раздела жанроведения, который Е.И. Горошко предлагает назвать дигитальным (виртуальным) жанроведением [9].

Материалом исследования послужили комментарии к каналу о здоровом образе жизни (1815 текстов из появившихся на канале в первом квартале 2023 года) Дарьи Савельевой Nice&Easy (<https://dzen.ru/dashsavelieva>), который входит в топ 50 наиболее популярных каналов Дзена и имеет 352,8К подписчиков. Все статьи автора сопровождаются большим количеством комментариев пользователей. Отличительной чертой канала является практически полное отсутствие негативных реакций на публикации. Все цитаты приведены без изменения авторской орфографии и пунктуации.

Таким образом, предметом исследования являются комментарии к публикациям канала, содержащие положительную оценку высказанных автором идей. Объектом исследования являются жанровые характеристики этих комментариев. Цель исследования – выявление особенностей выражения положительной оценки подписчиками приведенной автором информации, характерных для интернет-общения и описание жанрового своеобразия таких комментариев.

Основным жанром, с помощью которого подписчики положительно оценивают деятельность блогера, является *похвала*. В реальном общении адресантом *похвалы*, как правило, выступает человек, имеющий право (в силу возраста, образования, должности и т.п.) объективно оценивать те или иные действия других людей как соответствующие или не соответствующие нормам и правилам, принятым в социуме. Например, начальник может похвалить подчиненного (за своевременную сдачу отчета), тренер – спортсмена (за достижение более высоких результатов) и т.п. Кроме того возможен и вариант *похвалы* равного по статусу (или даже имеющего ситуативно несколько более высокий статус) адресата. В этом случае похвала обязательно касается действий адресата, прямо или косвенно затрагивающих лично адресанта, и содержит поэтому элементы благодарности. Так, пациент, конечно, не может объективно оценить квалификацию врача, однако по своим ощущениям может быть доволен или не доволен его советами, вниманием к своим проблемам и т.п. Поэтому такая *похвала* строится на субъективных оценках говорящего, отражает только его мнение.

В интернет-общении используется именно второй вариант похвалы. Автор статей на канале воспринимается как старший по статусу (причем в нашем случае безусловный авторитет Дарьи в вопросах ЗОЖ не оспаривается никем из читателей канала), поскольку она владеет профессиональной информацией и обучает остальных правильному поведению. Подписчики не являются специалистами в области организации ЗОЖ, и следовательно, не могут объективно оценить достоинства предлагаемой системы. Однако, применяя советы автора на практике, они получают хорошие результаты, о чем и сообщают в комментариях. При этом блогер воспринимается не как строгий учитель, а как подруга: к ней многие подписчики обращаются на ты, используют личные формы имени (*Даша, Дашенька,*

Дашуля), заменяют имя ласковыми обращениями (*родная, дорогая*). Похвала автора часто содержит общие эмоциональные оценки личности и действий адресата, а также элементы благодарности: **Лариса Малютина:** *Даша умница! Статья актуальна особенно сейчас, весной. Очнулись от зимней спячки. С новыми силами к здоровью, к свету, к творчеству. И Вы, Даша, наш проводник в прекрасную активную жизнь без болезней.*

Все комментарии содержат большое количество оценочных суждений, которые помогают определить те ценностные ориентиры, которые объединяют участников группы (об особенностях функционирования ценностей в риторическом тексте см. [10]). Некоторые из них позиционируются как сугубо субъективные: **Люба:** *Как же мне нравятся ваши статьи! Надо советы распечатать и на кухне повесить;* **Апрель:** *Читать вас – сплошное удовольствие и эстетическое наслаждение!;* другие имеют вид объективных: **Татьяна П.** *Даша, читаю ваши статьи, как гастрономический роман. Все интересно, умно, увлекательно. Bravo!* (в первом случае оценки опираются на восприятие пишущего: *мне нравятся, я получаю удовольствие;* во втором – позиционируются как объективно присутствующие текстам: они *интересные и умные*).

Основная масса оценок имеет в качестве объекта личность блогера и ее работу в целом. Это главная ценность, принимаемая всеми подписчиками: они являются последователями Дарьи и ее системы. При этом личность автора всегда оценивается весьма эмоционально: **Ната Коновалова:** *Доброе утро, Дашенька-душенька! Вы вторая Даша на моем жизненном пути, которая круто изменила мою жизнь в лучшую сторону. Пусть всё к Вам возвращается сторицей!!* (оценивается роль общения с Дарьей для жизни автора комментария). Оценка публикуемых материалов, напротив, обычно претендует на объективность: **Наталья С.** *Хочу сказать огромное СПАСИБО Даше за тот титанический труд, что тобой проделан. Все систематизированно и доступно изложено!* (оцениваются качества, объективно присутствующие работе Дарьи).

Сюда же примыкают комментарии, в которых оцениваются части основной статьи, показавшиеся наиболее важными для пишущего: **Арольфия:** *Даша, спасибо за лайфаки, помогающие скинуть лишние килограммы! Постараюсь использовать эти несложные приемы,* а также свои ощущения от применения системы и свои достижения: **Ирина У.:** *Даша, спасибо за завтраки, я готовлю их из Вашей книги с большим удовольствием! Никогда не думала, что пишенная каша с пармезаном и тыквой может лично мне дать такую великолепную сытость.* Важно отметить, что, хотя в таких комментариях оцениваются идеи (что характерно для жанра *одобрение*), оценка персонифицируется и привязывается к личности автора статей, это свидетельствует о том, что это именно *похвала*.

Конечной целью всех посланий является создание положительного эмоционального фона общения, гармонизация отношений. Именно поэтому в комментариях регулярно встречаются однотипные оценочные реплики, ничего не добавляющие к обсуждению и сводящиеся только к положительной оценке поста или автор (или и того, и другого), например: **Марина К.:** *Спасибо, Даша, статья замечательная!;* **К.Р.:** *Доброе утро, Дашенька! Спасибо за поддержку! Доброго здоровья и отличного дня!* Эти послания имеют следующие функции: 1) они способствуют установлению межличностных отношений между автором и комментатором, что весьма важно для любого типа социальных сетей; 2) они выполняют роль психологического «поглаживания», сближают членов сообщества, вызывают у всех положительные эмоции; 3) они принимают участие в формировании имиджа автора, поскольку чем больше публикуется положительных отзывов о предлагаемой системе, тем большее доверие она вызывает у новых подписчиков; 4) они принимают участие в формировании собственного имиджа подписчика, поскольку его активность оценивается по количеству комментариев, а не по их качеству.

Более половины всех комментариев начинаются со слов благодарности в адрес автора (Дарьи Савельевой). С их помощью читатели не просто оценивают труд Дарьи, но и выделяют отдельные аспекты темы: те, которые показались им наиболее важными. Таким образом, благодарность в данном случае выполняет в тексте роль аргумента, с помощью которого оценивается работа автора: **Анна Ч.:** *Даша сколько для нас полезностей припасла!)) Спасибо за новые идеи заменителей глютенных макароншек. Сейчас столько вариантов разнообразить меню полезными и вкусными продуктами, грех жаловаться, что нечего есть)))*. Здесь положительная оценка идей о том, чем заменить вредную для здоровья еду, с помощью элементов благодарности привязывается к личности Дарьи.

Многочисленное повторение восторженных отзывов и слов благодарности в комментариях имеет важное значение именно для общения в социальных сетях. Поскольку личность друзей, единомышленников, поклонников и т.п. автора канала в социальных сетях невозможно достоверно идентифицировать и подтвердить их объективность, их статус гораздо ниже, чем статус единомышленников,

друзей и т.п. в реальной жизни. В связи с этим и *похвала* одного пользователя теряет свою индивидуальность и становится гораздо менее ценной, чем в непосредственном общении. Этот недостаток компенсируется количеством положительных оценок автора. Таким образом, количество друзей и количество хвалебных комментариев к постам в социальных сетях более ценно, чем их качество.

Другим частотным элементом *похвалы* являются пожелания в конце поста: **Неля М.**: ... *Желаю тебе здоровья, удачи, дальнейших успехов во всех-всех делах! Единомышленникам – здоровья, весеннего настроения и берегите себя!* Этот элемент выполняет роль стандартной последней части *похвальной речи*, характерной для институционального общения (эмоциональный вывод в форме пожелания или оценки). Однако если там пожелания всегда связаны с предметом *похвалы* (обычно желают развивать и совершенствовать тот талант, о котором шла речь в основной части), то здесь более популярны общие пожелания (здоровья, успехов и т.п.), назначение которых состоит только в демонстрации хорошего отношения к адресату. Лишь изредка встречаются пожелания, имеющие какое-либо отношение к тематике канала: **Ольга Р.**: ... *Всем белка, длинных углеводов и правильных жиров!*

Отрицательные оценки (как и вообще жанры, предназначенные для порицания) встречаются на канале крайне редко и относятся к неназванным (и находящимся за пределами канала) людям, которые не следуют рекомендациям Дарьи. При этом никто из подписчиков не использует резких выражений и грубых слов. Все оценки формулируются описательно и корректно: **Оксана Курина**: *Как всегда, все четко и кратко! Прицельно. Побежала собирать судочки на работу. Тут кстати, кто-то доказывал, что возить в метро любые контейнеры с едой просто невозможно. Чем не повод пожевать фастфуд – люди в метро. И таких поводов миллион найдется. Только хуже от этого самим этим людям. Странно, что они зачем-то придумывают поводы и отмазки. Вот моя коллега, живущая на конфетах и печеньях между скудными приемами пищи, никогда не сказала, что ей просто хочется все время есть конфеты. У нее всегда есть «веский» довод. Кто-то помешал нормально позавтракать, мозгу для активной работы нужны... Ну и дальше по шаблону.*

В некоторых случаях отрицательные оценки относятся к себе: так оценивается своя жизнь до знакомства с Дарьей или недостаточная последовательность соблюдения рекомендаций. Как правило, такие оценки дополняются самоиронией и надеждой на преодоление всех трудностей: **Евгения**: ...*А ещё больше меня радует возможность избавиться от сахарной зависимости. Я по этой теме сюда и прибилась. Хотелось бы назвать себя как-то романтично, Феей Драже, но нет, обычный сахарный наркоман. И зефирные приступы невменяемости раза два в месяц случаются, ну, хоть не два раза в день. Люди, равнодушные к сладкому, для меня приравниваются к супергероям Гастро Марвел.*

Здесь необходимо обратить внимание на важное обстоятельство. С точки зрения теории речевых актов, жанром называется каждая законченная мысль в тексте, имеющая свою интенцию и типичный способ выражения: в начале речи поблагодарил за работу (жанр благодарность), затем высказал положительное отношение к идее (жанр одобрение), далее предложил новую тему для обсуждения (жанр предложение), закончил пожеланием успехов (жанр пожелание). В связи с этим комментарии нередко квалифицируются как комбинированные, совмещающие *похвалу* с *благодарностью* (в выражениях типа: *Ну спасибо, порадовал!*) или с *поздравлением* (в выражениях типа: *Твоя работа самая лучшая. Поздравляю!*). Ср., например: «Понятие первичного речевого жанра близко к понятию речевой акт. Вторичный РЖ понимается как тип текстов, <...> структурным элементом которых выступает первичный РЖ (речевой акт)» [11, с. 640].

С точки зрения риторики, жанр можно определить только у текста в целом, причем этот жанр определяется по основной задаче автора (по тому, что он хочет получить на выходе, ради чего, собственно, старается) и почти не зависит от характера употребляемых слов (более подробно см. об этом: [12]). В связи с этим в риторике обязательно разделяются жанр *похвала* (*одобрение, благодарность, поздравление* и т.п.) и стратегия *похвала* (*одобрение, благодарность, поздравление* и т.п.), являющиеся частью текста в определенном жанре. Так, например, *похвала* является основной стратегией жанра *поздравление*. Однако от того, что оратор хвалит юбиляра, речь его не превращается в *похвалу*. *Похвала* и *поздравление* различаются ситуацией: совершение объектом хорошего поступка / оценка его поступков и качеств по случаю (по моему желанию / принудительно). Так, менеджер (учитель и т.п.) сам волен выбирать, когда и за что ему следует хвалить работников (учеников и т.п.), в то же время юбилей коллеги *требует*, чтобы сотрудники высказали похвалу в его адрес именно сейчас.

Как видно из приведенных примеров, тексты комментариев приближаются к разговорному стилю. В них часто используются эмоционально-оценочная лексика (*но досадные огрехи случаются;*

Месяц работы над собой **насмарку**), слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами (**пироженка** не из моего рациона; у меня **вопросик**), просторечная (Захотелось что-то **слямзнуть**; ходила с **сушняком** вокруг графина,) и жаргонная ("**запала**" на цикорий; Очень **круто**, что появились такие статьи) лексика; разговорные синтаксические конструкции (Всё разложено по полочкам – читай и выполняй!; День рождения же, что мне будет?; На 7 этаж теперь без лифта, после ужина небольшая прогулка) и фразеологические обороты (избавьтесь от них и будет всем счастье; бес попутал; на них уже **махнула рукой** официальная медицина), свойственные непосредственной речи. Добавляют выразительности текстам и окказионализмы, изобретенные Дарьей (Простейшая, бесплатная, не требующая усилий и не принимающая оправданий в стиле "Яжмать/отец, **мнежплохож, уме-няжработаж, всеждорогож**" практика; Богат интернет-батюшка **оправдунами** всех калибров, мастей и степени прокачки. Уровень **оправдунизма** "Бесконечность"; выкинете из холодильника **глутаматно-перекопченно-пересоленных** провокаторов и т.п.) и подписчиками (Савельевцы, ДПП, длиннотексты и т.п.)

Из графических приемов, свойственных интрнет-общению, на канале встретились только вполне типичные варианты: капслок, с помощью которого выделяются наиболее важные для автора текста слова: **Наталья Иванова**: На ужин отварная брокколи и БЕЛОК ОБЯЗАТЕЛЬНО; эмодзи в очень умеренных количествах: **Оксана**: Так захотелось пряного кальмара с помидорами от Елены Некрасовой!!! :))) ; **К.Р.**: Доброе утро, Дашенька! Спасибо за поддержку! ☀️♥️♥️♥️; а также растягивание гласных: **Валерия**: Спасибо за статьи эти, прям душа поёёёт, и сердце не плачет, а то же поёёёт!

Из стилистических приемов повышения выразительности изредка встречается параллелизм (**Царь Дадон**: ...Что ж, в доме стало меньше непонятных продуктов, в жизни непонятливых друзей, в голове непонимаемых процессов), метафоры (**Сергей Жигунов**: ...считаю ужин «высшей математикой» системы ДПП; **Евгения**: ...После исключения глютена в организме наступил штиль); аллюзии на известные произведения искусства (**Эдуард**: ...соль и сахар белая смерть, Гурченко, ёшкин кот) и др.

Все сказанное позволяет согласиться с исследователями, характеризующими «разделение между массовыми и межличностными отношениями как, своего рода, "ложную дихотомию"» [13, с. 171], и предлагающими описывать такие каналы «в терминах массовой межличностной коммуникации» [там же].

Отдельно следует упомянуть форму похвалы себе. Она всегда связана с тем, что автор комментария соблюдал все рекомендации Дарьи и добился тех или иных положительных результатов. Похвала себе здесь обязательно служит и подтверждением правильности предлагаемых рекомендаций и, таким образом, выступает в качестве аргумента одобрения всей системы (и мотивации для остальных): **Горы, море, птички**: Похвалюсь своими результатами – я ещё на 0,6 кг ближе к цели! Скинула за 10 дней. Система Даши работает на отлично!; **Лена Белодворова**: Я два с лишним года без молочка вообще)) Без самой любимой группы продуктов. Вот ведь Джедай).

Гораздо чаще автор комментария не включает самих слов самооценки (похвалюсь, я Джедай), однако описывает достижения в результате применения системы в форме рассказа о себе: ни Дарья, ни статьи, ни постулаты системы в нем не упоминаются. Однако тот результат, которого добился пользователь, говорит сам за себя и подтверждает эффективность системы: **Лица Крамер**: Почему я не сделала это раньше?! Я месяц назад отказалась от хлеба и булок, сахара и сладостей, колбасы и другой промышленной еды и стала себя чувствовать гораздо лучше и сил прибавилось и стимула. Стало появляться какое-то ощущение света изнутри, что ли, какого-то лёгкого блаженства и спокойствия. По наблюдениям Ю.В. Щуриной, «сторителлинг» – «репрезентация информации в форме жизненной истории, близкой и/или интересной подписчикам» является «одним из наиболее эффективных приемов продвижения в социальных сетях» [14, с. 158], применяемым самим блогером. На рассматриваемом канале Дарья никогда не прибегает к этому приему: информация о себе сообщается ею только небольшими дозами в виде аргумента, подтверждающего действенность системы. Вместе с тем подписчики охотно помещают в комментариях весьма развернутые рассказы о себе и своих успехах.

Другим популярным жанром для выражения положительной оценки является одобрение. В отличие от похвалы, в рамках которой адресант оценивает самого человека, одобрять можно только слова, идеи, концепции и т.п. В рамках канала самой простой формой одобрения являются «лайки»: чем их больше, тем большую ценность имеет конкретная статья и канал в целом. В комментариях в

жанре *одобрение* отсутствуют благодарности Дарье и пожелания, речь не идет о личности автора, поскольку оценивается только предлагаемая система поведения, вся статья в целом или ее отдельные части (тема, идея, конкретная рекомендация и т.п.), причем не отстраненно, а именно как руководство к действию: **Елена Мартынова**: *Статья очень нужная. Правильно все пишут, что это не разовая акция, чтобы скинуть несколько кг, а это ежедневный труд. Нельзя забывать, что если остановишься, то все может назад вернуться.* В таких комментариях чаще всего используются следующие виды аргументов:

а) Краткое подтверждение правильности высказанных в первичном тексте идей (обычно с опорой на свой опыт): **Эдуард**: *Делаю всё точно по твоим советам, считаю калории, соблюдаю баланс и прекрасно себя чувствую!*

б) Краткий пересказ (обобщение) основных положений статьи, одобряемой автором комментария: **Сильвер**: *Всем приветы. Сегодня развёрнутая и познавательная статья. Есть не хочется когда нет скачков глюкозы, нет скачков глюкозы когда выспался и съел еду не торопясь и по правилу тарелки, а выспался – когда лёг спать с ненабитым желудком, а всё это в первую очередь режим и самодисциплина. Над этим и пытаюсь работать, пока получается когда как. Этот вид реакции может и не быть аналитическим, а содержать собственные выводы о реализации предлагаемых автором идей на практике: **Марина К.**: *Так, выходит, что самый правильный обед – ленивые голубцы)))) И советская столовка с ее салатиками овощными и небольшими порциями – это почти образец ПП.**

в) Указание на те свои ошибки, которые помог исправить предложенный в статье материал: **Сергей Жигунов**: *Доброе утро Савельевцы! Вот, не новичок уже, а по сегодняшнему посту наметил себе аж 7 корректировок для ужина. Они не принципиальные, но могут существенно улучшить ситуацию со сном, глюкозой и снижением веса. Я не очень обращал внимание на жир именно в ужин, если в целом за день всё в порядке. И очень редко выхожу погулять после ужина. Также иногда мало клетчатки на ужин. Прямо сегодня и начну вводить коррективы.*

г) Дополнение информации автора основного текста той или иной деталью. В нашем случае чаще всего в качестве дополнения предлагаются рецепты своих блюд, помогающих реализовать концепцию блогера на практике: **Оксана Курина**: *Доброе утро! Очень полезные и удобные советы. Уже давно основной добавкой в фарш у меня являются кабачки, часто добавляю шпинат и другую зелень и немного молотых овсяных хлопьев. Псиллиум для заливных пирогов, взбитый белок в мясные, рыбные и печеночные суфле тоже всегда добавляю. Вкусно, сытно, при этом легко и много.*

Гораздо реже в рамках блога встречается жанр *комплимент*: субъективная непосредственная положительная оценка внешних сторон личности адресата с целью установления более теплых отношений. *Комплимент* всегда является элементом непосредственного общения. Он не только не может быть сделан третьему лицу (отсутствующему при разговоре), но и очень ограничен в ситуации, когда нет зрительного контакта с собеседником. В связи с этим в социальных сетях в принципе возможны *комплименты* одному из пользователей по поводу манеры письма или того или иного элемента комментария, однако на практике такие высказывания редкость. По крайней мере, на рассматриваемом канале ни одного такого примера обнаружить не удалось. Все найденные *комплименты* касаются только объектов на фотографиях. Это может быть сам подписчик: *(Сергей Жигунов поместил свою фотографию, где видно, как он похудел)* **Дарья Савельева**: *Серезжа, огромное спасибо за фото! Ну ты сдулся совсем! В пиджаке не так видно было; либо тот или иной элемент фотографии, привлекающий внимание адресанта *комплимента*: *(Валентина поместила фото десерта своего изобретения)* **Оксана**: *ой, а вилочка-то! Валентина, ну что за прелесть!!!!* Как видно из примеров, чаще всего основанием для *комплимента* является непосредственная положительная реакция (удивление, восхищение) адресанта на помещенное фото, сопровождаемая эмоциональными оценками. Гораздо реже встречаются *комплименты*, содержащие более рациональные элементы: **Елена Д.**: *Сергей, на фото выглядите потрясающе! Надо фото до применения ДПП и после в раздел «отзывы о системе» добавить! Ваш результат очень впечатляет! Здесь кроме субъективных эмоциональных оценок (*потрясающе, впечатляет*) высказывается пожелание поместить фото Сергея в раздел «Отзывы о системе», поскольку оно является объективным (рациональным) доказательством действенности предлагаемой системы.**

К сказанному необходимо сделать одно важное уточнение по поводу терминов. Среди слов, используемых для обозначения жанров, можно выделить однозначные термины: *комплимент, совет,*

просьба и т.п. Если они применяются, – имеется в виду только законченное высказывание в указанном жанре.

Кроме этого в языке есть слова, обозначающие не сами жанры, а характеристику речи по сверхзадаче (*любезность, бахвальство, лесть, придирка*). Так, *лесть* обычно принимает форму *комплимента, бахвальство* – форму *рассказа о себе (самохарактеристики), придирка* – форму *замечания* (более низкому по статусу субъекту) и т.п. Однако по подбору аргументов, интонациям говорящего, ситуации и т.п. адресат квалифицирует жанр не так, как он позиционировался адресантом. Например, в языке отсутствует жанровая форма *лесть*. Речь воспринимается как таковая только на фоне понимания того, что говорящий рассчитывает на некоторые предпочтения со стороны адресата (говорит для того, чтобы расположить к себе адресата с корыстной целью). Во всех подобных случаях эксплицируется типичная модель одного жанра, однако имплицитно присутствуют признаки другого, причем оратор рассчитывает на то, что эти признаки не будут обнаружены.

Наконец, встречаются многозначные термины, которые могут обозначать как конкретный жанр, так и (ситуативно) характер речи, построенной в ином жанре. Например, если учитель говорит: *Ребята! Завтра у нас в школе суббота. Все должны прийти и принять участие в уборке территории. Кто не придет, не поедет на экскурсию в Москву*, то такая речь должна быть квалифицирована как жанр *угроза*, поскольку в ней прямо представлена структура угрозы: если вы не сделаете X, то мы сделаем Y. Но возможна ситуация, когда речь по форме и содержанию строится по правилам жанра *агитационная речь* (это жанр прямой реализации), однако в интонациях и намеках говорящего адресат улавливает *угрозу* (это жанр косвенной реализации). Квалификация таких слов (*критика, реклама, угроза* и т.п.) именно как наименований жанров возможна только при условии подробной мотивации такого употребления. Так, *критикой* называют любое обсуждение недостатков в работе субъекта, которое может принимать разные формы и включаться в структуру других (как монологических, так и диалогических) жанров. Однако в деловой риторике *критикой* называют риторический жанр – выступление, содержащее обсуждение и отрицательную оценку общественно значимого события, совершенного конкретным человеком, с целью обнаружения и выправления недостатков. Аналогично, *рекламой* иногда называют отдельные произведения с соответствующим содержанием (*В этой рекламе снялась Валерия* – имеется в виду конкретный рекламный ролик), а иногда всю массу высказываний соответствующего характера (*Надоела мне вся эта реклама!* – имеется в виду вся рекламная продукция). Если исследователь не считает нужным пояснять, в каком именно значении (узком или широком) используется слово, это может привести (и приводит на практике) к разрушению самого представления о системе жанров речи. Так, например, некоторые исследователи относят к жанрам такие феномены, которые всегда обозначают только характер речи, но не могут выступать в качестве жанра: «Увлечение идеями ТРЖ приводит к тому, что в терминологии ТРЖ начинают объяснять все новые, неожиданные явления. Так, В.И. Шаховский считает речевым жанром *ложь* (вражье), С. Дённингхаус – притворство, <...> О.В. Коротеева – дефинирование (способ установления или уточнения связи языкового выражения с тем, что оно обозначает как знак языка), Ж.В. Милованова – фатику и эвристику» [15, с. 375]. В описываемом нами материале к многозначным терминам относятся *похвала* и *одобрение*, которые могут употребляться как в значении общей оценки ситуации (*Для получения кредита требуется одобрение банка*), так и для обозначения жанров речи, специально предназначенных для выражения положительной оценки лица и его действий (*похвальная речь* и *речь-одобрение*).

Для косвенной положительной оценки содержания канала используются и другие жанры. Хотя такие послания могут не содержать никаких оценок и не иметь в качестве задачи похвалу блогеру, однако сам факт их употребления является показателем доверия профессионализму автора, поэтому они косвенно служат укреплению ее авторитета.

а) **Просьба** первичный жанр, имеющий целью побудить адресата к совершению действия в своих интересах. В рамках канала нередки *просьбы*, с помощью которых подписчики побуждают Дарью сообщить им какие-либо дополнительные сведения: *Елена Аринина: Дарья посоветуйте какие анализы нужно сдать, если есть отёки на лице. Питание и движение постаралась урегулировать, отёки стали меньше, но совсем не уходят*.

б) **Совет** «Похвала и совет сходны по своему виду, потому что то, что при давании совета может служить поучением, то самое делается похвалой. <...> Так что, когда ты хочешь хвалить, посмотри, что бы ты мог посоветовать» [16, с. 46-47]. Признаки совета как риторического жанра подробно описаны в литературе (см., например, [17]). Все *советы*, встретившиеся в комментариях на рассматриваемом канале, являются конвенциональными (в ответ на запрос информации), однако степень свя-

занности с запросом может быть разная. Чаще всего *совет* высказывается в ситуации, когда конкретный подписчик жалуется на неспособность выполнить те или иные требования системы: (Светлана К. сетует, что не может удержаться вечером от поедания конфет, орехов и семечек) **Ольга Зюбина:** *Светлана, в вашей ситуации совет один: считайте калории! Зная, сколько калорий «весьт» 5 половинок грецкого и 2 штуки бразильского ореха, уже шаловливые ручки не тянутся вечером, чтобы загрести горстку орехов, потому что в голове уже есть понимание по цифрам.* Реже встречаются *советы* с косвенной конвенциональностью: подписчик по репликам разных читателей блога знает о каких-либо сложностях, возникающих при выполнении рекомендаций Дарьи, и предлагает совет, построенный как лайфхак из своего опыта: **Елена Тарасова:** *Доброго дня! У меня совет, как перестать жарить. Я купила очень хорошее масло из виноградных косточек, на котором якобы лучше всего жарить. Но оно такое дорогое, что мне жалко его тратить, стараюсь больше готовить на пару, запекать. В итоге, прошёл уже месяц, а бутылка с маслом почти целая.)* Во всех таких случаях предполагается типичность описываемой проблемы, опора на собственный опыт. Высказывание строится в стиле дружеского общения и содержит отчетливую самоиронию (*шаловливые ручки, загрести* и т.п.) Здесь важно еще раз подчеркнуть: никакого подшучивания над адресатом или иронии по поводу заданного вопроса нигде не отмечено. Во всех обсуждениях соблюдается вежливая доброжелательная тональность, отношения строятся на взаимопомощи и поддержке. Все это свидетельствует о том, что установившиеся в блоге дружеские отношения являются важной ценностью для подписчиков.

в) **Благодарность.** Как уже говорилось ранее, подписчики часто и охотно благодарят Дарью за помощь в усвоении норм здорового образа жизни. Однако чаще всего элементы *благодарности* не имеют самостоятельного значения, а включаются в другие жанры с целью акцентирования контакта с автором и подчеркивания своего положительного отношения к системе. Вместе с тем встречаются и такие комментарии, в которых выражение *благодарности* является самостоятельной целью послания: **Маргарита:** *Дарья, нет таких слов, которые могут выразить благодарность вам за ваш труд, за подачу, за юмор, за умение встряхнуть человека и вызвать интерес к самому себе!) желаю вам еще больше энергии, вы творите какое-то безумно благое дело.*

Иногда встречаются и более экзотические (для описываемой ситуации) жанровые формы: *предложение, возражение, мнение* и т.п., однако и в этих случаях мы имеем дело только с нетипичной жанровой формой. Содержание же все равно нацелено на реализацию основной задачи всех подписчиков канала: выражение положительной оценки личности автора и ее концепции, а также установление и поддержание дружеских отношений. Ср., например, комментарий в форме жанра *критика*: **Лана К.:** *Та-ак, Дашулик, ударный понедельник, значит. Где у тебя выходные, хотя бы один? Сколько времени ты уделяешь сама своему любимому организму? И не надо про свою обожаемую работу, все помню. Просто возьми один день, забудь дома телефон, ноут – и вперед. С сыном на экскурсию, за город; SPA день, фотосессия на природе, а не в студии. Извини за занудство. Но ты мне уже как родная, вот и переживаю!*

Таким образом, наиболее типичными жанрами комментариев являются *похвала* и *одобрение*. Они относятся к группе жанров, предназначенных для положительной оценки адресата (его действий, качеств, идей и т.п.), а также своего эмоционального состояния, вызванного действиями (словами, поведением и т.п.) адресата. Несмотря на близость назначения рассматриваемых жанров, каждый из них имеет набор самостоятельных признаков. Самые важные отличия между ними состоят в том, что *хвалят* человека (за определенные слова или действия), а *одобряют* идеи (или другие продукты умственного труда). С помощью *похвалы* члены виртуального сообщества подчеркивают единство сообщества и выражают эмоциональную поддержку блогеру. Демонстрация полезности (*одобрение*) его рекомендаций должна служить мотивом для автора продолжать свою работу. С другой стороны, высказывание аргументированной *похвалы* и *одобрения* в адрес автора вызывает *одобрение* со стороны самого автора в адрес написавшего такой комментарий, что выражается с помощью смайлика с портретом автора, поставленного под комментарием, а также упоминанием наиболее активных комментаторов в текстах комментариев автора.

Независимо от того, какой жанр использует комментатор, в нем обязательно присутствует элемент солидаризации (принятия) с системой поведения и питания, предлагаемой блогером. Эта система является той общей ценностью, которая объединяет всех читателей. Наиболее типичными способами выражения положительного эмоционального отклика являются благодарность, пересказ и ин-

терпретация идей автора, рассказ о том, как пользователь применяет предлагаемую систему в своей жизни, дополнение послания автора элементами новой информации. Все эти аргументы нужны, с одной стороны, для подчеркивания своей принадлежности к сообществу, а с другой стороны, для мотивации новичков: демонстрация эффективности предлагаемой автором методики является веским аргументом для присоединения к сообществу других посетителей канала.

Комментарий как явление интернет-коммуникации является сугубо субъективным отражением восприятия первичного текста читателем. Каждый участник обсуждения стремится высказать свои личные эмоции, рассказать свою историю борьбы за здоровье, предложить индивидуальные ассоциации восприятия текста автора и всей системы. Несмотря на это анализ показывает, что индивидуально-авторских смыслов в таких комментариях почти нет: все высказывания достаточно однотипны. Совпадают и выражаемые эмоции, и предъявляемые ценности, и способ оценки самого поста. Если применение предлагаемой системы идет успешно и подписчик добился определенных результатов, выражается радость, эйфория, благодарность Дарье, похвала себе. Если пока не получается, присутствуют самокритика, самоирония, выражается надежда на получение результата в будущем. Если у подписчика отсутствует понимание, что именно следует делать в его ситуации, привлекаются просьба о помощи и запрос информации. Теоретически возможна и четвертая позиция: неудача, отказ от системы, уход. Однако эта позиция на канале полностью отсутствует.

Библиографический список

1. Митягина В.А., Сидорова И.Г. Жанры персонального интернет-дискурса: коммуникативные экспликации личности // *Жанры речи*. 2016. № 2 (14). С. 106 – 115. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-106-115>.
2. Anderson A.A., Brossard D., Scheufele D.A., Xenos M.A. et al. The "Nasty Effect": Online Incivility and Risk Perceptions of Emerging Technologies // *Journal of Computer - Mediated Communication*. 2014. № 19(3). С. 373 – 378.
3. Абросимова Н.Г. Блоговая запись как эгоцентрический тип текста в реальной коммуникации // *Гуманитарные и социальные науки*. 2018. № 6. С. 68 – 80. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2018-71-6-68-80>.
4. Tameryan T.Yu., Zuybina I.A., Chupryna O.G., Borisenko V.A., Yakovenko T.I. Interlanguage Interface: Multilevel Linguocognitive Approach // *XLiguae*. 2022. № 3 (15). P. 134 – 146. <https://doi.org/10.18355/XL.2022.15.03>.
5. Богомазова В.В. Деструктивное общение в сети Интернет (на примере жанра интернет-комментарий) // *Известия Волгоградского гос. педагогического ун-та*. 2022. № 1 (164). С. 225 – 229.
6. Будко К. В. Классификация языковых средств выражения вербальной агрессии в интернет-комментариях // *Рефлексия*. 2016. № 6. С. 20 – 23.
7. Султаш С.А., Галичкина Е.Н. Жанрово-стилистические характеристики онлайн-комментария «одобрение» в социальной сети ВКонтакте // *Гуманитарные науки и образование*. 2022. Т. 13, № 4 (52). С. 153 – 160. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2022_13_04_153.
8. Юськаева Э.И. Коллективная идентичность в дискурсе сетевых сообществ // *Возможности и угрозы цифрового общества: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Ярославль, 15 апреля 2021 года / под ред. А.В. Соколова, А.А. Фролова. Ярославль: Цифровая типография, 2021. С. 304 – 308.*
9. Горошко Е.И., Жигалина Е.А. Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное // *Ученые записки Таврического национального ун-та им. В.И. Вернадского. Серия Филология. Социальные коммуникации*. 2011. Т. 24 (63), № 1, ч. 1. С. 105 – 124.
10. Анисимова Т.В. Исследование системы ценностей подсудимого как способ объяснения мотивов преступления // *Общество и человек*. 2011. № 1 (2). С. 12 – 14.
11. Иркабаева М.В. Речевые акты и речевые жанры: соотношение понятий // *Вестник Башкирского ун-та*. 2010. № 3. С. 636 – 640.
12. Анисимова Т.В. Жанры социальной рекламы // *Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2: Языкознание*. 2018. Т. 17, № 1. С. 160 – 171. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.17>.
13. Асланова А.А. Прагматическая структура реагирующего сообщения и типология форм обратной связи в блоговом тексте // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2022. № 3. С. 169 – 182.
14. Щурина Ю.В. Речевые жанры русскоязычного сегмента социальной сети Instagram // *Жанры речи*. 2020. № 2 (26). С. 155 – 165. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-2-26-155-165>.
15. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 375 с.
16. Аристотель. Риторика // *Античные риторики / под общ. ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Изд-во МГУ, 1978. С. 15 – 164.*

17. Шутова О.А. Совет как суггестивный речевой жанр поучающего дискурса // Известия Волгоградского гос. педагогического ун-та. 2019. № 5 (138). С. 129 – 134.

References

1. Mityagina V.A., Sidorova I.G. Genres of personal Internet discourse: communicative explications of personality // *Genres of speech*. 2016. Vol. 2 (14). pp. 106 – 115. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-106-115>
2. Anderson A.A., Brossard D., Scheufele D.A., Xenos M.A. et al. The "Nasty Effect": Online Incivility and Risk Perceptions of Emerging Technologies // *Journal of Computer - Mediated Communication*. 2014. Vol. 19(3). pp. 373 – 378
3. Abrosimova N.G. Blog entry as an egocentric type of text in real communication // *Humanities and social sciences*. 2018. Vol. 6. pp. 68 – 80. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2018-71-6-68-80>
4. Tameryan T.Yu., Zuybina I.A., Chupryna O.G., Borisenko V.A., Yakovenko T.I. Interlanguage Interface: Multilevel Linguocognitive Approach // *XLinguae*. 2022. Vol. 3 (15). pp. 134 – 146. <https://doi.org/10.18355/XL.2022.15.03.12>
5. Bogomazova V.V. Destructive communication on the Internet (on the example of the genre of Internet commentary) // *Izvestiya Volgograd State Pedagogical University*. 2022. Vol. 1(164). pp. 225 – 229.
6. Budko K. V. Classification of linguistic means of expressing verbal aggression in Internet comments // *Reflection*. 2016. Vol. 6. pp. 20 – 23.
7. Sultash S.A., Galichkina E.N. Genre-stylistic characteristics of the online comment "approval" in the social network VKontakte // *Humanities and education*. 2022. Vol. 13, No. 4(52). pp. 153 – 160. https://doi.org/10.51609/2079-3499_2022_13_04_153
8. Yuskaeva E.I. Collective identity in the discourse of network communities // *Opportunities and threats of digital society: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Yaroslavl, April 15, 2021 / edited by A.V. Sokolov, A.A. Frolov*. Yaroslavl: Digital Printing House, 2021. pp. 304 – 308.
9. Goroshko E.I., Zhigalina E.A. Virtual genre studies: established and controversial // *Scientific notes of the Tauride National University named after V.I. Vernadsky. Philology series. Social communications*. 2011. Vol. 24 (63), Vol. 1, part 1. pp. 105-124.
10. Anisimova T.V. Investigation of the defendant's value system as a way of explaining the motives of the crime // *Society and man*. 2011. Vol. 1(2). pp. 12 – 14.
11. Irkabayeva M.V. Speech acts and speech genres: correlation of concepts // *Bulletin of the Bashkir University*. 2010. Vol. 3. pp. 636 – 640
12. Anisimova T.V. Genres of social advertising // *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics*. 2018. vol. 17, No. 1. pp. 160 – 171. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.17/>
13. Aslanova A.A. Pragmatic structure of the reacting message and typology of feedback forms in the blog text // *Actual problems of philology and pedagogical linguistics*. 2022. Vol. 3. pp. 169 – 182.
14. Shchurina Yu.V. Speech genres of the Russian-speaking segment of the social network Instagram // *Genres of speech*. 2020. Vol. 2 (26). pp. 155 – 165. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-2-26-155-165>
15. Dementiev V.V. *Indirect communication*. M.: Gnosis, 2006. 375 p.
16. Aristotle. *Rhetoric* // *Antique rhetorics / under the general editorship of A.A. Takho-Godi*. M.: Publishing House of Moscow State University, 1978. pp.15 – 164.
17. Shutova O.A. Advice as a suggestive speech genre of the participating discourse // *News of the Volgograd State Pedagogical University*. 2019. Vol. 5 (138). pp. 129 – 134.

ЯЗЫК СМИ LANGUAGE OF MASS MEDIA

УДК 811.111'373.49:811.111'272:0709(7/8)

DOI 10.36622/2587-9510.2024.63.11.021

*Ишимский педагогический институт
им. П.П. Ершова Тюменского государ-
ственного университета (филиал)
Кандидат филологических наук, старший
преподаватель кафедры гуманитарных
дисциплин и методик их преподавания
Панин В.В.
Россия, г. Ишим
тел. 89504856821*

*Ishim Teaching Institute
named after P.P. Yershov
(a branch of Tyumen State Universit)
The chair of humanities
and methods of their teaching
PhD, senior lecturer
Panin V.V.
Russia, Ishim
tel. 89504856821*

В.В. Панин

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ФУНКЦИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭВФЕМИЗМОВ В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЕ

В статье рассматриваются социально-политические эвфемизмы современного английского языка в структурном и функциональном аспектах. Исследование эвфемии не потеряло своей актуальности, поскольку данный пласт лексики достаточно подвижен. Традиционными сферами использования эвфемизмов являются религиозные воззрения, суеверия, смерть, тяжелые болезни, физиологические потребности человека и некоторые другие. В настоящее время словарный состав языка регулярно пополняется новыми эвфемизмами, отражающими изменения в общественной жизни и идеологических воззрениях. Особенно активно процесс возникновения новых эвфемизмов наблюдается в современном английском языке под влиянием идей политкорректности, феминизма и мультикультурности. Автор проводит анализ определений понятия «эвфемизм», сфер употребления и способов образования социально-политических эвфемизмов в английском языке на материале американской прессы за последние 10 лет. Научной базой исследования послужили труды таких лингвистов, как А.М. Кацев, М.Л. Ковшова, В.П. Москвин, Л.В. Порохницкая, К. Аллан и К. Барридж, Б. Уоррен и др. Автор делает вывод о том, что эвфемизм является заменой синонимичного ему слова или словосочетания, которое представляется адресанту и/или адресату грубым, оскорбительным или неуместным в какой-либо речевой ситуации. При этом денотативное значение сохраняется, а коннотативное, дополнительное меняется в сторону нейтрального или позитивно-оценочного. На следующем этапе путем целенаправленной выборки были выделены и подвергнуты структурному анализу 5 групп социально-политических эвфемизмов, исходя из тех функций, которые они выполняют в газетных текстах. В результате анализа были выявлены наиболее распространенные функциональные типы и словообразовательные модели социально-политических эвфемизмов.

Ключевые слова: эвфемизмы, социально-политические эвфемизмы, способы образования эвфемизмов, функции эвфемизмов, американская пресса.

V.V. Panin

WAYS OF FORMATION AND FUNCTIONS OF SOCIO-POLITICAL EUPHEMISMS IN MODERN AMERICAN PRESS

The article deals with English social-and-political euphemisms in structural and functional aspects. The study of euphemisms remains relevant because the euphemistic vocabulary is rather flexible. Traditionally the spheres of using euphemisms were religious beliefs, superstitions, severe illnesses, physiological needs and some others. Nowadays the lexicon is enriched by new euphemisms which reflect the changes in social life and ideology. The process of coining euphemisms in Modern English is largely influenced by the ideas of political correctness, feminism and multiculturalism. The author analyses a number of definitions of “euphemisms”, the spheres of their use and the word-formation

patterns of socio-political euphemisms on the material of the American press published in the last 10 years. The scientific basis of the research includes the works by A.M. Katsev, M.L. Kovshova, V.P. Moskvina, L.V. Porokhnitskaya, K. Allan and K. Burridge, B. Warren et al. The author comes to a conclusion that the euphemism is a synonymic substitution of a word or a word combination which appear to the speaker or listener to be rude, offensive or inappropriate in a particular speech situation. As a result, the denotative meaning remains the same, whereas the connotative meaning acquires neutral positive evaluation. At the next stage five groups of socio-political euphemisms were singled out by way of purposive sampling on the basis of their functions in newspaper texts. The analysis resulted in distinguishing the most common functional types and word-building models of socio-political euphemisms.

Key words: euphemisms, socio-political euphemisms, the ways of forming euphemisms, the functions of euphemisms, American press.

Язык – это прежде всего общественное явление, в котором непосредственно отражаются процессы, происходящие в социуме. Одним из пластов лексики, наиболее тесно связанных с культурными установками, менталитетом носителей языка, тенденциями в обществе, являются эвфемизмы.

Вопросы определения, описания и классификации эвфемизмов были освещены в работах таких отечественных и зарубежных лингвистов, как Б.А. Ларин (1977), Л.П. Крысин (2000), А.М.Кацев (1988), М.Л. Ковшова (2007), В.П. Москвин (2001), Л.В. Порохницкая (2018), К. Alleni К. Burridge (1991), J.S. Neaman и С.G. Silver (1990), Н.А. Rawson (1981), R.W. Holder (2002), В. Warren (1992) и другие.

Обратимся к некоторым определениям эвфемизмов и эвфемии.

Н.С. Арапова понимает под эвфемизмами «эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными. Например, рус. “пожилой” вместо “старый”, “уклониться от истины” вместо “соврать”. Эвфемизмы характеризуются высокой степенью подвижности. Ими заменяются также табуированные названия, архаичные (рус. “хозяин” вместо “медведь”, “шут с ним” вместо “черт с ним”, франц. *parbleu* вместо *par dieu*) и новые (“летальный исход” вместо “смерть”, “новообразование” вместо “опухоль”» [1, с. 590].

А.М. Кацев выделяет в эвфемии три взаимосвязанных аспекта: социальный, психологический и собственно лингвистический.

Социальный аспект – это лежащие в основе эвфемии социальные, а именно моральные и религиозные мотивы. Под психическим аспектом понимается тот эффект смягчения высказывания, который сопутствует эвфемистической замене. В собственно лингвистическом аспекте А.М. Кацев различает два признака. Первый признак – обозначение негативного денотата, под которым понимается предмет или явление, отмеченное негативным к нему отношением, в силу которого прямое наименование этого предмета или явления табуируется в определенный языковой период. Второй признак – косвенность номинаций мелиоративного, то есть улучшенного характера.

Явлению эвфемии, согласно А.М. Кацеву, присущи следующие характеристики:

- 1) эвфемизмы имеют экстралингвистическую природу;
- 2) эвфемизмы вызываются языковыми запретами (табу) разной степени обязательности;
- 3) эвфемизмы предназначаются для смягчения элемента высказывания.

Таким образом, по А.М. Кацеву «эвфемизмы есть способствующие эффекту смягчения косвенные заменители наименований страшного, постыдного или одиозного, вызываемые к жизни моральными или религиозными мотивами» [2, с. 30-31].

По мнению И.Р. Гальперина, эвфемизм – это «слово или фраза, используемая для замены неприятного слова или выражения более приемлемым словом или выражением. Например, слово *to die* породило следующие эвфемизмы: *to pass away*, *to be no more*, *to depart*, *to join the majority*, *to be gone* и более шутливые – *to kick the bucket*, *to give up the ghost*, *to go west*. Таким образом, эвфемизмы – это синонимы, направленные на достижение преднамеренно смягченного эффекта» [12, с. 173].

Л.П. Крысин считает эвфемизм видом иносказания, причем главное отличие эвфемизма от других видов иносказаний заключается в его функции – к эвфемизмам прибегают тогда, когда хотят «завуалировать, закамouflировать некий смысл, который говорящий почему-то считает неудобным обозначать прямо» [4, с. 71].

В.П. Москвин полагает, что эвфемизмы представляют собой средство реализации условия ситуативной уместности речи. Эвфемия – это «использование словесных зашифровок с целью смягчить, завуа-

лизовать, изящно “упаковать” предмет сообщения, оставив все-таки возможность любому носителю языка догадаться, о чем идет речь» [6, с. 60].

Д. Болинджер причисляет эвфемизмы к классу слов с дополнительной смысловой нагрузкой (loaded words), которые используются для «обозначения чего-либо в подходящем, благоприятном для говорящего виде» (перевод наш – В.П.) [10, с. 107].

К. Аллан и К. Барридж трактуют эвфемизмы как «выражения, которые заменяют нежелательные, чтобы избежать компрометации/потерю лица» (перевод наш – В.П.) [9, с. 14].

Б. Уоррен полагает, что эвфемизмом называется «слово или выражение, которое получатель сообщения воспринимает как результат намерения отправителя указать на какой-либо чувствительный предмет или явление в более тактичной или завуалированной манере» (перевод наш – В.П.) [19, с. 133].

Обобщив приведенные выше определения, можно сделать вывод о том, что эвфемизм является словом или словосочетанием, служащим заменой синонимичного ему слова или словосочетания, которое представляется адресанту и/или адресату грубым, оскорбительным или неуместным в данной речевой ситуации. При этом денотативное, предметное значение сохраняется, а коннотативное, дополнительное становится мелиоративным.

Изучение эвфемизмов не утратило своей актуальности, поскольку данный лексический пласт достаточно подвижен – слово, которое в какой-либо период относилось к эвфемизмам, со временем перестает выполнять свою функцию и его место занимают другие эвфемизмы, требующие детального описания и классификации.

Необходимо подробнее остановиться на классификациях эвфемизмов.

Б.А. Ларин разграничивает такие разряды эвфемизмов, как 1) общеупотребительные национального литературного языка, 2) классовые и профессиональные эвфемизмы, 3) семейно-бытовые эвфемизмы [5, с. 112].

М.Л. Ковшова разграничивает обиходно-бытовые и социально-политические эвфемизмы. Обиходно-бытовые эвфемизмы «описывают жизнь человека в его интимной, семейной сфере и сфере повседневной деятельности». Социально-политические эвфемизмы «используются в особой речевой ситуации, где собеседниками являются государственный аппарат в лице чиновников с одной стороны, и народонаселение этого государства, с другой» [3, с. 72].

Рассмотренные выше классификации тесно связаны с функциональными особенностями эвфемизмов.

В.П. Москвин различает несколько групп эвфемизмов в соответствии с теми функциями, которые они выполняют в языке.

1. Эвфемизмы, используемые для замены точных названий пугающих предметов и явлений наименования некоторых заболеваний, приводящих к смерти.

2. Эвфемизмы, используемые при нежелании называть что-либо неприятное, отвратительное своим прямым именем.

3. Эвфемизмы, обозначающие то, что в данную эпоху и в данном конкретном социуме считается неприличным.

4. Этикетные эвфемизмы, используемые тогда, когда говорящий избегает прямых наименований из боязни обидеть либо собеседника, либо третье лицо.

5. Эвфемизмы, используемые с целью искажения или маскировки подлинной сущности обозначаемого.

6. Эвфемизмы, обозначающие непрестижные с точки зрения данного социума профессии, организации и т.п. [6, с. 61-62].

Л.В. Порохницкая выделяет внутрисистемные способы образования эвфемизмов и заимствования.

Внутрисистемные способы, в свою очередь, делятся на словные и сверхсловные. К словным относятся фонетические способы (звукоподражание, звуковая аналогия, редупликация и рифмованный сленг), семантическая деривация (метафора, метонимия, расширение значения, сужение значения, гиперболизация, поляризация, недосказанность, генерализация) и словообразовательные способы (аффиксация, сокращение, словосложение, стяжение, конверсия). Сверхсловные способы включают синтаксические структуры, фразеологические единицы и словосочетания [7, с. 6].

Дж. С. Нимэн и К. Дж. Сильвер приводят такие способы образования эвфемизмов: 1) использование иноязычных, в частности, греческих и латинских заимствований (напр. *halitosis* *несвежее дыхание* от лат. *halitus* *дыхание*); 2) генерализирующую номинацию (widening), напр., *growth* *новообра-*

зование вместо *canсer рак, раковая опухоль*; 3) метонимическую номинацию; 4) метафорический перенос; 5) аббревиацию (напр. *The Big C* вм. *Cancer* 'рак', *theBigD* 'дьявол') и др. (перевод наш – В.П.) [14, с. 9-11].

Б. Уоррен считает, что эвфемистические наименования создаются с помощью: 1) словообразовательных средств языка, например, словосложения: *comfort station туалет*, сокращение SAPFU (*surpassing all previous fuck-ups*) *военная неудача* и др. 2) заимствований, например, *calaboose тюрьма* (от испанского *calabozo*); 3) изменения значения, например, *growth* вместо *tumour опухоль*, *to go to the toilet ходить в туалет* вместо *urinate мочиться* или *defecate испражняться*; 4) изменения фонетической и графической форм слова: *divil, divel* (вместо *devil*) *дьявол*, *Gad, Gosh, Golly* (*God*) *Бог* (перевод наш. – В.П.) [19, с. 128-142].

Значительное количество эвфемизмов фиксируется в средствах массовой информации, в особенности газетах как источнике текстового материала на актуальные социальные и политические темы. Помимо функции информирования, газетные публикации призваны воздействовать на читателя, сформировать у него то или иное отношение к рассматриваемой в статье проблематике. В связи с этим особое внимание уделяется выбору стилистически нейтральной лексики, в том числе эвфемизмов, чтобы исключить дискриминацию, проявления расизма, ксенофобии и сексизма, а иногда и скрыть, завуалировать какие-либо отрицательные явления. Многие американские газеты имеют рекомендации по стилю и словоупотреблению, например, *The New York Manual of Style and Usage*, где авторам статей даются советы по корректному использованию той или иной лексической единицы.

Материалом для нашего исследования послужили статьи из наиболее авторитетных американских газет *The New York Times* и *The Washington Post* за последние 10 лет (2013 – 2023 гг.). Отбор эвфемизмов производился путем целенаправленной выборки с привлечением данных толковых словарей английского языка, а также словарей эвфемизмов *A Dictionary of Euphemisms and Other Double Talk* и *How Not To Say What You Mean*. Всего было проанализировано 50 статей, из которых выделено и описано 20 лексических единиц.

Большинство рассмотренных в данной статье эвфемизмов, согласно классификации М.Л. Ковшовой, относятся к социально-политическим. Представляется возможным расширить понимание социально-политических эвфемизмов М.Л. Ковшовой и включить в них лексические единицы, отражающие воззрения и установки, доминирующие в обществе. В современных США появление значительного количества эвфемизмов связано с идеями мультикультурализма и политической корректности, которые, кроме собственно идеологической составляющей, выражаются в стремлении найти новые способы языкового выражения, чтобы не задеть «чувства и достоинства индивидуума привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т.п.» [8, с. 216].

Выявленные эвфемизмы можно разделить на несколько групп в соответствии с функцией, которую они выполняют.

1. Эвфемизмы, заменяющие наименования людей с физическими недостатками, умственными отклонениями, «нестандартной» внешностью, хроническими болезнями. Данные переименования призваны исключить проявление дискриминации и неуважительного отношения и лишены уничижительного оттенка, который, например, вызывают слова *cripple калека* или *invalid инвалид*.

В обнаруженных нами примерах слово *invalid(s)* заменяют на *disabled, physically challenged* и *handicapped*.

«The change means an estimated six million more people, including about one million military veterans, will eventually qualify for the tax-favored accounts, advocates for **disabled people** say» (*The New York Times*, January 20, 2023) // Это изменение значит, что приблизительно шесть миллионов человек, включая миллион военных ветеранов, будут иметь право на налоговые льготы, утверждают адвокаты недееспособных граждан (перевод наш – В.П.).

«It is this group, those who are **physically or psychologically challenged** but employable with appropriate aid and opportunity, that reform would seek to reconnect with the labor force» (*The Washington Post*, April 8, 2017) // Реформа направлена на то, чтобы включить в число трудоспособных именно эту группу людей, которые имеют физические или психические проблемы, но которых можно нанять на работу, предоставив соответствующую помощь и возможности (перевод наш – В.П.).

«They demanded that Esquibel produce a **handicapped** driver's license» (The Washington Post, April 2, 2019) // Они потребовали, чтобы Эскибель предъявил водительское удостоверение для людей с ограниченными возможностями (перевод наш – В.П.).

Рассмотрим словарные дефиниции выделенных лексических единиц.

disabled impaired or limited by a physical, mental, cognitive, or developmental condition: affected by disability // ослабленный или ограниченный физически, психически, умственно или с ограничениями в развитии: недееспособный (перевод наш – В.П.) [18].

disabled having an illness, injury, or condition that makes it difficult to do some things that other people do // подверженный болезни, имеющий травму или состояние, которое затрудняет выполнять те же действия, которые выполняют остальные люди (перевод наш – В.П.) [17].

Слово disabled, образованное по модели V+ed путем добавления суффикса –ed к глаголу to disable *делать недееспособным, калечить* является общепринятым обозначением инвалидов и широко используется в современной прессе, однако ряд словарей рекомендует заменять словосочетанием person/people with disabilities, а также не использовать субстантивированное прилагательное the disabled – *недееспособные*.

Сложное слово physically challenged *с проблемами в физическом развитии* синонимично disabled и содержит компонент challenged:

challenged having a physical or mental problem that makes it difficult to do things as easily as other people do – used as a polite way to say that a person has a disability // имеющий физическую или умственную проблему, которая затрудняет выполнение тех же действий, которые выполняют остальные люди; используется как более вежливое наименование людей с ограниченными возможностями (перевод наш – В.П.) [16].

По модели Adv + challenged были образованы слова mentally challenged *с проблемами в умственном развитии*, vertically challenged (шутл.) *низкого роста*.

Прилагательное handicapped (модель N+ed) все еще можно встретить на страницах газет, но оно практически утратило функцию смягчения и рассматривается как оскорбительное:

handicapped sometimes offensive: having a physical or mental disability also: of or reserved for disabled persons // иногда оскорбительно: имеющий физические или умственные ограничения, относящийся к недееспособным людям (перевод наш – В.П.) [18].

Людей с лишним весом иногда именуют big-boned вместо obese или fat:

«And representing the region of, um, Texas, is Miss Texas (Alex Ringler), a **big-boned**, well-born gal who works with the «beauty-impaired» (The New York Times, July 15, 2014) // Штат Техас представляет Мисс Техас (Элекс Ринглер), дородная девушка из порядочной семьи, работающая с людьми, которым не повезло с внешностью (перевод наш – В.П.);

big-boned fat. The phrase is used of children and adults, seeking to suggest that their frame needs the extra padding // толстый. Это слово используется по отношению к детям и взрослым, как бы намекая, что таким людям по фигуре необходима одежда большего размера (перевод наш – В.П.) [13, с. 28].

Big-boned относится к сложно-производным словам и образовано по модели A + N+ ed.

В некоторых случаях употребление эвфемизма вызвано соображениями избегать слов illness или disease *болезнь*. Их заменяет слово condition *состояние*, которое имеет более общее значение и, на наш взгляд, является гиперонимом по отношению к словам illness и disease. Данный эвфемизм связан не столько с табу, сколько со стремлением не вызвать отрицательного отношения к людям, подверженным тем или иным заболеваниям.

«New cases of chronic pain occur more often in the United States than those of other chronic **conditions**, like diabetes, depression and high blood pressure, according to a study from the National Institutes of Health» (The New York Times, May 17, 2023) // Согласно исследованию Национального Института Здоровья, новые случаи хронической боли встречаются в США чаще, чем другие хронические болезни, такие как диабет, депрессия и повышенное кровяное давление (перевод наш – В.П.);

Condition an illness. Literally, any prevailing circumstance, but in matters of health any condition is bad, be it of the heart, liver, bladder, or whatever // болезнь. Буквально любое преобладающее обстоятельство, но что касается здоровья, любая болезнь – это зло, будь то это болезнь сердца, печени, мочевого пузыря или чего-либо еще (перевод наш – В.П.) [13, с. 79].

2. Эвфемизмы, направленные против расовой и этнической дискриминации. Основная цель новых наименований – не оскорбить лиц, относящихся к этническим меньшинствам, представителей

других рас и национальностей, а также подчеркнуть их самобытность и равноправный статус с большинством населения США.

Американских индейцев (American Indians) сейчас принято называть Native Americans, что акцентирует их коренное происхождение в отличие от американцев, являющихся потомками иммигрантов.

«The remains of nearly 5,000 *Native Americans* that were excavated long ago from earthen burial mounds by the Tennessee Valley Authority could soon be returned to their tribes, now that the agency has announced it is prepared to repatriate them after a decades-long wait» (The New York Times, April 4, 2023) // *Останки почти 5000 коренных жителей Америки, которые были давно извлечены во время раскопок могильного холма Администрацией долины реки Теннесси, могут скоро вернуться к своим соплеменникам; представительство компании сообщило, что готово вернуть их после многолетнего ожидания* (перевод наш – В.П.);

Native American a person with North American Indian ancestry // *человек, имеющий североамериканское индейское происхождение* (перевод наш – В.П.). [13, с. 263].

Native American a member of any of the indigenous peoples of the western hemisphere especially: a Native American of North America and especially the U.S. // *представитель любого коренного народа западного полушария, особенно североамериканский индеец из США* (перевод наш – В.П.) [18].

По модели A + N были образованы другие эвфемизмы: Asian American *американец азиатского происхождения* и African American *американец африканского происхождения*.

An accompanying surge in reported hate crimes prompted *Asian American* leaders in the city to demand that more be done to address the problem (The New York Times, March 31, 2023) // *Сопутствующий рост преступлений на национальной почве побудил американцев азиатского происхождения потребовать более активных действий для решения этой проблемы* (перевод наш – В.П.).

«She, an *African American* teenager, had been abducted, she said, and held for four days near her home in Wappingers Falls, N.Y., a Dutchess County town about 60 miles north of New York» City (The New York Times, April 25, 2023) // *По словам афроамериканского подростка, ее похитили и удерживали недалеко от ее дома в Уоппингер Фолс, городе в округе Датчесс, штат Нью-Йорк, в 60 милях к северу от города Нью-Йорк* (перевод наш – В.П.).

Когда речь идет о коренных жителях Америки или Австралии, предпочтение отдается слову indigenous *туземный, местный*, а не синонимичному native, которое приобрело ассоциации с колониализмом:

«*Indigenous* group in the Amazon, had been taken to be treated for disease, a consequence of the illegal mining that had surged in their territory under the government of former president Jair Bolsonaro» (The Washington Post, February 18, 2023) // *Группа коренных жителей долины реки Амазонки заболели и были помещены в больницу, причиной чего стали нелегальные горные работы, количество которых существенно выросло за время нахождения у властивительства во главе с президентом Жаиром Болсонару* (перевод наш – В.П.);

Indigenous having remote ancestors from the territory where you live. Literally, native, a word which has unacceptable colonial connotations // *имеющий дальних предков на территории проживания. Используется вместо слова native, которое вызывает ассоциацию с колониализмом* (перевод наш – В.П.) [13, с. 206].

3. Эвфемизмы, используемые с целью исключить проявления сексизма в языке. Борьба за равноправие полов нашла свое отражение в языке в виде эвфемизмов, например, выражения domestic partner:

«More broadly, about 35 percent of all private sector workers had access to *domestic partner* benefits for same-sex partners in 2014, according to a National Compensation Survey from the Bureau of Labor Statistics» (The New York Times, June 29, 2015) // *В целом, согласно национальному исследованию по компенсационным выплатам от Бюро трудовой статистики, приблизительно у 35 процентов всех работников частного сектора был доступ к льготам гражданского супруга для однополых партнеров в 2014 году* (перевод наш – В.П.);

domestic partner either member of an unmarried cohabiting couple especially when considered as to eligibility for spousal benefits // *любой из партнеров, находящийся в незарегистрированных отношениях, особенно когда речь идет о праве на льготы для супругов* (перевод наш – В.П.) [18];

domestic partner either partner (sense 2) of an unmarried heterosexual or homosexual couple in a relationship (domestic partnership) considered as being equivalent to marriage for the purpose of extending certain legal rights and employment benefits // *любой из партнеров пары, находящейся в незарегистрированных гетеросексуальных или гомосексуальных отношениях, рассматриваемых как эквивалентные браку, с целью предоставления прав и льгот по трудоустройству* (перевод наш – В.П.) [11].

Выражение **domestic partner** образовано по модели A + N и обозначает одного из партнеров гетеросексуальной или гомосексуальной пары, чьи отношения эквивалентны супружеским; таким образом, подчеркиваются их равные права и привилегии.

Одной из характерных особенностей современного английского языка стала замена слов с полаффиксом -man. Так, **policeman** заменяется на **police officer**, **fireman** – на **fire fighter** с целью избежать указания на пол лица, относящегося к данным профессиям:

«Four of the Memphis **police officers** charged with second-degree murder in Mr. Nichols's death should never again work in law enforcement in the state, an oversight agency says» (The New York Times, March 23, 2023) // *Как сообщает надзорный орган, четверым из полицейских города Мемфис, которым было предъявлено обвинение в убийстве Мистера Николса, запрещено работать в правоохранительных органах* (перевод наш – В.П.);

«**Fire fighters** contained the fire within hours but around 3 p.m. it had reignited, the Glynn County Board of Commissioners said on Facebook» (The New York Times, April 15, 2023) // *Пожарные (букв. огнеборцы) сдерживали огонь в течение нескольких часов, но около 3 часов дня пожар опять вспыхнул, сообщил в Фейсбуке совет директоров округа Глинн* (перевод наш – В.П.).

Сложное слово **fire fighter** образовано по модели N + N.

4. Эвфемизмы, созданные для исключения дискриминации по социальному статусу. Причиной создания таких эвфемизмов часто бывает стремление чиновников различного ранга сгладить проблемы имущественного и социального неравенства, например, бедных называют **low-income people** – *люди с низким доходом*.

«A new fund targeting health disparities in the District announced its first grantees this week, including an organization that helps **low-income** people tackle medical debt and one that helps women of color create wealth after incarceration» (The Washington Post, October 20, 2022) // *Новый фонд, направленный на преодоление различий по состоянию здоровья в округе, объявил первых обладателей грантов, среди которых организация, помогающая людям с низкими доходами оплатить долги за медицинские услуги и организация, оказывающая помощь темнокожим женщинам заработать после тюремного заключения* (перевод наш – В.П.).

К данной группе целесообразно отнести эвфемизмы, поднимающие престиж отдельных профессий.

Служащие кладбища традиционно были известны как **undertakers** – *гробовщики*; в последующие годы их стали называть **morticians**, а затем **funeral directors** – *сотрудники похоронного бюро*, а само похоронное бюро стало обозначаться эвфемизмом **funeral home** букв. *похоронный дом*. Слово **prostitute** – *проститутка* – как оскорбительное заменяют на **sex worker** или **sex care provider** – *работник сферы сексуальных услуг*.

«For officials to recognize the role Black **funeral directors** play in their communities and help them give out vaccine doses» (The Washington Post, March 8, 2022) // *Для того, чтобы власти признали роль, которую играют чернокожие сотрудники похоронных бюро в своих сообществах, и помогли им раздать дозы вакцины* (перевод наш – В.П.);

funeral director an undertaker, the person who operates a funeral home or memorial chapel // *работник похоронного бюро или мемориальной часовни* (перевод наш – В.П.) [15, с. 113];

«Advocates are encouraging an update to bring the rule into the digital age, by requiring **funeral homes** to post detailed prices online» (The New York Times, March 29, 2019) // *Адвокаты предлагают привести это правило в соответствие с современными цифровыми технологиями, обязав похоронные бюро выставлять цены за свои услуги в интернете* (перевод наш – В.П.);

«Brooks said Hall “seemed high and was looking for a date” while walking in an area of Baltimore frequented by **sex workers**» (The Washington Post, April 2, 2015) // *Брукс сказал, что Холл казалось был под воздействием наркотиков и искал себе подругу, прогуливаясь по району Балтимора, где часто бывают работницы сферы сексуальных услуг* (перевод наш – В.П.);

sex worker a person who works in the sex industry, for example, as a prostitute // *работник сексуальной индустрии, например, проститутка* (перевод наш – В.П.) [17].

Данные эвфемизмы относятся к сложным словам и образованы по модели N + N.

5. Эвфемизмы, отвлекающие от негативных факторов в экономике и политике. В течение XX века термин economic crisis – *экономический кризис* был вытеснен словом slump – *падение*, затем slump было заменено на depression – *депрессия*, что вызвало новый эвфемизм – recession (уход, отступление). Чтобы смягчить негативный эффект слов firing и laying off – *увольнение*, возникли эвфемизмы down sizing – *уменьшение размеров (кадров)*, redundancy elimination – *устранение избытка рабочей силы*:

«Germany’s economic output in the first three months of the year shrank 0.3 percent from the previous quarter, the country’s statistics office said Thursday, tipping the economy into a **recession**» (The New York Times, May 25, 2023) // *Экономические показатели Германии в первые три месяца текущего года упали на 0.3 процента по сравнению с первым кварталом прошлого года, вызвав экономический спад, сообщило в четверг бюро статистики* (перевод наш – В.П.);

recession a period of significantly reduced general economic activity that is marked especially by declines in employment and production and that lasts more than a few months // *период значительного уменьшения общей экономической деятельности, который особенно отмечен снижениями занятости и производства; длится больше, чем несколько месяцев*(перевод наш – В.П.) [18];

«The bank said it would try to achieve the job cuts through voluntary departures. “Compulsory **redundancies** will always be a last resort,” it said» (The Washington Post, December 8, 2022) // *В банке заявили, что попытаются добиться сокращения штата работников с помощью увольнения по собственному желанию. «Принудительное сокращение всегда будет крайней мерой», – отметили в банке* (перевод наш – В.П.);

redundant dismissed from employment. Originally meaning, in superabundance // *уволненный с работы. Первоначальное значение– в случае избытка (рабочей силы)* (перевод наш – В.П.) [13, с.332];

redundancy a situation in which someone loses their job because their employer does not need them // *ситуация, когда кто-либо теряет свою работу, потому что работодатель больше в нем не нуждается* (перевод наш – В.П.) [17].

С целью избежать негативных коннотаций слова cheap – *дешевый* в прессе используются слова low-budget – *малобюджетный, низкобюджетный* и low-cost – *с низкой стоимостью*:

low-budget cheap. The word *budget* is used to avoid the association of cheapness and nastiness, especially in the production of films and television programmes. *Low-cost*, with the same inferences, is more generally used // *дешевый. Слово budget ‘бюджетный’ используется, чтобы избежать ассоциаций с дешевизной и плохим качеством, особенно в производстве фильмов и телевизионных программ. Также в подобном значении используется слово low-cost* (перевод наш – В.П.) [13, с. 242];

«After successive rounds of U.N. sanctions cut off much of North Korea’s business dealings, some of the most public resistance has come from a rather surprising entity: a **low-budget** youth hostel in Berlin» (The New York Times, October 13, 2016) // *После того, как следовавшие друг за другом санкции ООН разорвали многие из северокорейских деловых связей, наибольшее противодействие этому на удивление оказал такой экономический субъект, как низкобюджетная молодежная гостиница в Берлине* (перевод наш – В.П.).

Слова low-income, low-cost и low-budget соответствуют модели A +N.

Эвфемизм pre-owned заменяет слово used – *бывший в употреблении, подержанный*:

«None of the other Big Four watchmakers have official **pre-owned** watch programs» (The Washington Post, October 5, 2017) // *Ни один из четырех крупнейших производителей часов официально не продает подержанные часы* (перевод наш – В.П.).

Изначально прилагательное pre-owned относилось к подержанным автомобилям, но в последующем его использование расширилось, и оно стало обозначать любую подержанную вещь:

pre-owned (of a car) not new. The jargon of the motor trade, forgetting the initial ownership of every new car by the manufacturer and the dealer // *(об автомобиле) не новый. Слово относится к жаргону продавцов автомобилей, чтобы забыть о принадлежности новой машины производителю и дилеру* (перевод наш – В.П.) [13,с.311].

Слово pre-ownedобразовано по модели prefix + Pt II.

В данную группу можно также включить и аббревиатуру snafu – *провал, неудача*:

«The **snafu** over 5G cellular service at U.S. airports is unfortunate and unnecessary» (The New York Times, January 19, 2022) // *Провальная идея по установке мобильных сетей 5Gв аэропортах США оказалась неудачной и излишней* (перевод наш – В.П.);

snafu the euphemistic acronym for what is euphemistically translated as «Situation Normal: All Fouled Up» // *эвфемистическое сокращение выражения «ситуация нормальная: все провалено»* (перевод наш – В.П.) [15, с. 260].

Результаты анализа можно представить в виде следующей таблицы, в которой обобщены функциональные типы выявленных эвфемизмов и способы их образования.

№	Функциональные типы социально-политических эвфемизмов	Способ словообразования			
		суффиксация	словосложение	изменение значения	аббревиатура
1	Эвфемизмы, заменяющие наименования людей с физическими недостатками, умственными отклонениями	disabled	physically challenged big-boned	condition	
2	Эвфемизмы, направленные против расовой и этнической дискриминации		Native American African American Asian American	indigenous	
3	Эвфемизмы, используемые с целью исключить проявления сексизма в языке		police officer firefighter domestic partner		
4	Эвфемизмы, созданные для исключения дискриминации по социальному статусу		low-income funeral director funeral home sex worker		
5	Эвфемизмы, отвлекающие от негативных факторов в экономике и политике	pre-owned		recession redundancy	snafu
Количество		2	13	4	1

Подводя итоги нашего исследования, можно сделать вывод о том, что эвфемизмы в текстах американских печатных средств массовой информации выполняют главным образом функцию недопущения дискриминации отдельных категорий людей, то есть связаны с доминирующими общественно-политическими установками и нормами. Структурный анализ текстов позволил выявить 4 способа образования данных лексических единиц – суффиксацию, словосложение, изменение значения и аббревиатуру. Преобладающим способом образования социально-политических эвфемизмов является словосложение с доминированием модели N+N.

Библиографический список

1. Арапова Н.С. Эвфемизмы // Языкознание. БЭС. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 590.
2. Кацев А.М. Языковое табу и эвфемия: учебное пособие к спецкурсу. Ленинград: ЛГПИ, 1988. 80 с.
3. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий терминологический словарь современных русских эвфемизмов. М.: Гнозис, 2007. 320 с.
4. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 385-405.
5. Ларин Б.А. Об эвфемизмах // История русского языка и общее языкознание. Избранные работы. М.: Просвещение, 1977. С. 101 – 112.

6. Москвин В.П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования // Вопросы языкознания. 2001. № 3. С. 58 – 70.
7. Порохницкая Л.В. Концептуальные модели в семантике эвфемизма: монография. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018. 167 с.
8. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 264 с.
9. Allan K., Burrige K. Euphemism and Dysphemism: Language used as Shield and Weapon. Oxford University Press, New York, Oxford, 1991. 263 p.
10. Bolinger D. Language: The Loaded Weapon. Longman, London, New York, 1984. 214 p.
11. Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/> (дата обращения: 20.06.23).
12. Galperin I.R. Stylistics. М.: Higher School, 1977. 336 p.
13. Holder R.W. How Not To Say What You Mean. A Dictionary of Euphemisms. Oxford University Press, 2002. 470 p.
14. Neaman J.S., Silver C.G. Kind Words. A Thesaurus of Euphemisms. Facts on File, New York, Oxford, Sydney, 1990. 410 p.
15. Rawson H. A Dictionary of Euphemism and Other Doubletalk. Crown Publishers Inc., New York, 1981. 312 p.
16. The Britannica Dictionary. URL: <https://www.britannica.com/dictionary> (дата обращения: 25.06.23)
17. The Cambridge English Dictionary. URL: <https://www.dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (дата обращения: 19.06.23)
18. The Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 10.06.23)
19. Warren B. What Euphemisms Tell Us About the Interpretation of Words // Studia Linguistica. 1992. N.46. № 2. P. 128-145.

References

1. Arapova N.S. Euphemisms // Linguistics. UED. Moscow, 2000. P. 590.
2. Katsev A.M. Language taboo and euphemisms: the manual to a special course. Leningrad, 1988. 80 p.
3. Kovshova M.L. Semantics and pragmatics of euphemisms. A Concise terminological dictionary of modern Russian euphemisms. Moscow, 2007. 320 p.
4. Krysin L.P. Euphemisms in the modern Russian speech // The Russian language of the end of the XX century (1985 – 1995). Moscow, 2000. P. 385-405.
5. Larin B.A. On euphemisms // History of the Russian language and general linguistics. Selected works. Moscow, 1977. P. 101-112.
6. Moskvin V.P. Euphemisms: system links, functions and ways of formation // Problems of Linguistics. 2001. Iss. 3. P. 58 – 70.
7. Porokhnitskaya L.V. Conceptual models in the semantics of a euphemism: a monograph. Moscow, 2018. 167 p.
8. Ter-Minasova S.G. Language and cross-cultural communication. Moscow, 2000. 264 p.
9. Allan K., Burrige K. Euphemism and Dysphemism: Language used as Shield and Weapon – Oxford University Press, New York, Oxford, 1991. 263 p.
10. Bolinger D. Language: The Loaded Weapon. Longman, London, New York, 1984. 214 p.
11. Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/> (date of application: 20.06.23).
12. Galperin I.R. Stylistics. Moscow: Higher School, 1977. 336 p.
13. Holder R.W. How Not To Say What You Mean. A Dictionary of Euphemisms. Oxford University Press, 2002. 470 p.
14. Neaman J.S., Silver C.G. Kind Words. A Thesaurus of Euphemisms. Facts on File, New York, Oxford, Sydney, 1990. 410 p.
15. Rawson H. A Dictionary of Euphemism and Other Doubletalk. Crown Publishers Inc., New York, 1981. 312 p.
16. The Britannica Dictionary. URL: <https://www.britannica.com/dictionary> (date of application: 25.06.23).
17. The Cambridge Dictionary. URL: <https://www.dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (date of application: 19.06.23).
18. The Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com> (date of application: 10.06.23).
19. Warren B. What Euphemisms Tell Us About the Interpretation of Words // Studia Linguistica. 1992. Vol.46. Iss. 2. P. 128 – 145.

СОБЫТИЯ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ EVENTS AND REVIEWS

УДК 811.161.1

DOI 10.36622/2587-9510.2024.21.37.022

*Самарский государственный социально-педагогический университет, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания
Иванян Е.П.*

*Россия, г. Самара,
тел. +79879053900
e-mail: ivanyan@pgsga.ru*

*Самарский государственный социально-педагогический университет, аспирант кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания
Агафонцев М.С.*

*Россия, г. Самара,
тел. + 79170366484
e-mail: agafontsev.m@psga.ru*

Samara State University of Social Sciences and Education

Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language, Standards of Speech and Methods of its Teaching

*Ivanyan E.P.
Russia, Samara
tel. +79879053900
e-mail: ivanyan@pgsga.ru*

Samara State University of Social Sciences and Education

Postgraduate student of the Department of Russian Language, Standards of Speech and Methods of its Teaching

*Agafontsev M.S.
Russia, Samara
tel. + 79170366484
e-mail: agafontsev.m@psga.ru*

Е.П. Иванян, М.С. Агафонцев

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА НА VII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ТЕКСТ: ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ, РЕГИОНАЛЬНЫЙ И МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ»

Е.П. Ivanyan, М.С. Agafontsev

ISSUES OF STUDYING AND TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE AT THE VII INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE «TEXT: PHILOLOGICAL, SOCIO-CULTURAL, REGIONAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS»

С 17 по 19 апреля 2023 года на базе ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет» (ТГУ) состоялась VII Международная научная конференция «Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты», посвященная 80-летию юбилею заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, заслуженного работника высшего профессионального образования Самарской области, доктора педагогических наук, профессора Галины Николаевны Тараносовой.

В рамках конференции была организована работа 12 секций, в каждой из которых раскрывались различные аспекты изучения текста в гуманитарных науках, среди которых можно отметить следующие: лингвистический, литературоведческий, журналистский, исторический, межкультурный, методический, социологический, педагогический, а также лингвокриминалистический. Выступить с докладами возможно было как в очном формате, на базе ТГУ, так и в дистанционном, с помощью платформы «Яндекс. Телемост». Благодаря этой возможности география конференции была расширена и включала в себя доклады из разных государств: Австрия, Беларусь, Казахстан, Приднестровье, Российская Федерация Таджикистан, Узбекистан. Участниками конференции стали как ученые, пре-

подаватели, так и аспиранты, магистранты и студенты различных гуманитарных направлений подготовки разных университетов России и зарубежья, что позволило рассмотреть феномен текста с различных точек зрения.

Данная статья посвящена характеристике лингвистического и лингвометодического аспектов изучения текста в рамках названной конференции. Секцию «Лингвистические проблемы текста: научно-теоретический аспект» открыл доклад руководителя секции, д.филол.н., профессора кафедры русского языка, литературы и лингвокриминалистики ТГУ М.Г. Соколовой «Образные репрезентанты дендронима *ветла* в русской поэзии XIX–XXI веков». Исследование было выполнено на материале текстов русской поэзии, содержащих в своем составе наименование вида ивы – *ветла*. Профессор, основываясь на собственном научном опыте [1], [2], а также опираясь на имеющиеся в науке исследования в области семантики дендронимов, пришла к выводу, что употребление лексемы *ветла* в русской лирике основывается на мифопоэтическом представлении человека о природе и отождествлении себя с ней. *Ветла* – отражение состояния лирического героя, его непоколебимости, мудрости, большого жизненного опыта.

Рассмотрению онимов в рамках изучения текста посвящены также исследования канд. филол. наук, старшего преподавателя кафедры русского языка Института русской и романо-германской филологии Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского Ю.В. Милютинной на тему «Этнонимы и топонимы как ценное наследие истории и культуры», а также старшего преподавателя кафедры «Русский язык, литература и лингвокриминалистика» ТГУ В.С. Бычковой, которая представила доклад на тему «Анализ онимов с номинациями *провинциал*, *провинциалка*». В нем исследователь рассмотрела семантический характер наименований человека из провинции, формируемое к нему отношение русской языковой личности, что выражается в употреблении в речи различного рода адъективных номинаций совместно с лексемами *провинциал*, *провинциалка*. На основе толковых словарей русского языка, а также Национального корпуса русского языка (НКРЯ), автор пришла к выводу, что данные онимы реализуют отношения городских жителей к людям родом из провинции на основе позитивного / негативного восприятия их места рождения, а также аспектов характера, внешности, поведения. Данный вопрос предполагает перспективу более детального изучения указанных номинаций с опорой на имеющийся опыт исследования, ср.: [3].

Доклад к. филол. н., доцента, заведующего кафедрой русского языка, литературы и лингвокриминалистики ТГУ О.Д. Паршиной «Провинция как проприальная единица» посвящен рассмотрению вопроса функционирования лексемы «провинция» как источника создания имен собственных на рубеже XX – XXI вв. Исследовательница показала, что данная языковая единица является базой для формирования как эргонимов, урбанонимов, так и библионимов, прагматонимов и артионимов в зависимости от типа денотативной основы. Как оказалось, при этом существует определенная географическая закономерность использования лексемы «провинция» в качестве проприальной: употребление наиболее характерно для Центрального, Приволжского, Уральского и Сибирского федеральных округов. Данный доклад продолжил серию исследований семантики провинции, ср.: [4], [5], [6].

Рассмотрение вопроса, связанного с изучением лексики в рамках полевого подхода к исследованию языка, также нашло отражение в работе секции. Так, доклад к. филол. н., доцента кафедры русского языка Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва, г. Саранск Н.И. Ершовой на тему «Парадигматические связи наименований, составляющих семантическое поле «Рыболовство», в русских говорах Мордовии» был посвящен характеристике лексических единиц, относящихся к лексемам диалектным, семантически соотнесенным с темой рыболовства. Автор определила, что в настоящее время наблюдаются некоторые трудности, касающиеся определения частеречной принадлежности слова, обозначающего в мордовских говорах действия или предметы, входящие в семантическое поле «Рыболовство». К примеру, наблюдается субстантивная транспозиция собственно диалектных слов адъективного типа, что затрудняет его отнесение к тематическим группам рассматриваемого семантического поля. Однако исследования в данной области продолжаются, ср.: [5].

Полевой подход к изучению языка был освещен в работе аспиранта, ассистента кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет» (СГСПУ) М.С. Агафонцева. Доклад на тему «Характеристика семантического поля наказания в повести Н.Г. Помяловского «Очерки бурсы» был посвящен рассмотрению лексики наказания, используемой воспитанниками бурсы. Выявленные конститuentы по-

ля исследователь распределил на 6 тематических групп с учетом семантики входящих в них компонентов. Исследователь показал, что анализируемые компоненты являются маркерами языковой культуры описываемого в тексте образовательного учреждения и его воспитанников. Докладчик отметил, что тема наказания входит в число основополагающих для понимания жизненного уклада бурсы и дает ученым-русистам некоторое представление о семантическом поле наказания в русском дискурсе в целом с опорой на диахронический аспект его изучения. Выступление продолжает характеристику перцептивного компонента фразеологизмов наказания в русском дискурсе, отраженную в прошлых работах, ср.: [8].

Семантическое поле тесно связано с понятием «концепт», которое рассматривается в докладе к. филол. н., доцента кафедры русского языка как иностранного Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, г. Саранск Е.В. Пулова на тему «Концепт «Россия» в творчестве Н.С. Лескова (на примере романа «Некуда»). Вербально-семантический уровень».

В рамках работы секции значительное количество докладов было посвящено проблемам изучения лексической составляющей произведений различных авторов. Исследования выполнены в русле начатой в данном направлении работы лингвистов. Среди них отметим доклад старшего преподавателя Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ» О.А. Арбатской на тему «Употребление некоторых древнерусских и старославянских синонимов фонетического характера в «Задонщине», к. филол. н., доцента кафедры русского языка Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского Н.В. Атамановой «Лексическая сочетаемость слов-звукообозначений в поэтическом словаре Ф.И. Тютчева», ср.: [9], доклад аспиранта СГСПУ И.А. Аглашовой «Особенности употребления прилагательных цвета в сравнительной степени в произведениях К. Маккалоу», доклад старшего преподавателя кафедры русского языка филиала Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» в г. Сызрани (ВУНЦ ВВС «ВВА») Е.В. Джур на тему «Абсурд, его связь с нормой и их языковое выражение в произведениях Алексея Славовского», к. филол. н., доцента кафедры теории, истории государства и права и гуманитарных дисциплин Брянского филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова О.Г. Никулкиной на тему «Пространственный мир в историческом романе А.К. Толстого «Князь Серебряный», выполненный на основе имеющегося опыта исследования, ср.: [10], к. и. н., доцента Свердловского художественного училища им. И.Д. Шадра Я.А. Самodelкина «К вопросу об истории и психологии юмора, мотивационной сферы личности на основе изучения фразеологизмов в произведениях А.П. Чехова».

Значительное количество докладов, представленных на секции, было посвящено общим вопросам лингвистического изучения текста. К таковым отнесем доклад к. филол. н., доцента кафедры русского языка Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета Т.Д. Богачановой «Текст в лингвоперсоналогическом аспекте». Автор рассмотрела различные способы построения классификации типов языковой личности. Этому способствуют два критерия: степень проявленности метаязыкового сознания, а также способ восприятия текста языковой личностью. Исследователь пришла к выводу о том, что типы языковой личности делятся на две группы, которые отличаются однозначным или вариативным типом языковой личности в тексте [11]. Проблема проявления авторской индивидуальности в научном тексте была поднята в исследовании д. филол. н., профессора кафедры филологии, лингводидактики и перевода Нижневартковского государственного университета Э.М. Рянской и аспиранта кафедры филологии, лингводидактики и перевода Нижневартковского государственного университета Ю.В. Шевченко.

Выступление старшего преподавателя Луганского государственного аграрного университета Н.В. Брюховецкой и к. пед. н., доцента Луганского государственного аграрного университета Е.Н. Жадановой было обращено к вопросу актуальных парадигм исследования научного текста. К этой же области научного изучения текста относится доклад к. филол. н., доцента, заведующего кафедрой русской и иностранной филологии Орловского государственного института культуры А.Г. Пастухова «К обоснованию динамической теории текста», в котором автор обратился к разным медиатекстам, отметив их функциональный потенциал для решения задач коммуникативного и когнитивного характера различных языковых культур, рассматриваемых в предыдущих исследованиях автора, ср.: [12].

Магистрант Тверского государственного университета А.И. Алцибеева подняла вопрос рассмотрения словарной статьи как отдельного типа текста. В исследовании на тему «О точности словарного толкования как связного текста (на материале психологических словарей)» автор отметила,

что толкования значений слов, представленных в словаре, представляют собой связный текст, поскольку словарная статья обладает определенными типами логических отношений.

В качестве особенного текста на секции рассматривались слоганы к фильмам, что нашло свое отражение в докладе к. филол. н., ассистента Казанского (Приволжского) федерального университета Ф.У. Галихановой на тему «Прагматический аспект графического оформления слоганов к фильмам (на материале русско- и англоязычных слоганов)». Автор рассмотрел корпус слоганов к российским и англоязычным художественным фильмам, вышедшим в период с 2010 по 2019 год, отметив, что в значительном количестве слоганов присутствует трансформация фразеологических и графических структур, что находит свое отражение в восприятии реципиентом подобных слоганов и в расширении смысловых границ представленных слоганов, что также отражено в предыдущей работе исследователя на данную тему, ср.: [13].

В рамках работы секции прозвучали доклады, освещающие разнообразные аспекты изучения текста от зарубежных исследователей. Канд. филол. наук, доцент кафедры современного русского языка и общего языкознания факультета русской филологии Худжандского государственного университета им. академика Бободжона Гафурова Ш.В. Дусматова рассмотрела общие вопросы выражения экспрессии в художественной речи в докладе на тему «Текстология и лексико-семасиологические каноны стилизации экспрессии художественной речи». Исследовательница обратилась к вопросам стилизации экспрессии в художественном повествовании, избрав в качестве материала исследования поэтику К. Худжанди. В докладе была дана лингвистическая характеристика стилизации экспрессии, охарактеризованы способы отражения художественных реалий, что подчеркивается также и в других исследованиях на данную тему, ср.: [14].

Доклад И.И. Ризаева, доцента кафедры гуманитарных наук Самаркандского филиала Ташкентского университета информационных технологий им. Мухаммада аль-Хорезми и Н.К. Хаккулова, докторанта Самаркандского государственного института иностранных языков был посвящен вопросу теории и практики текстовой и корпусной лингвистики, а выступление докторанта Института узбекского языка, литературы и фольклора Академии наук Республики Узбекистан А.М. Хасанова «Изучение речи персонажа в тексте» раскрыло основные вопросы организации речевой составляющей художественного текста с позиции персонажа и его интерпретации читателем.

Безусловно, текст, относясь к междисциплинарному понятию, включает в себя значительное количество аспектов его рассмотрения. Одним из таковых является изучение текста как феномена, аккумулирующего в себе эмотивно-оценочную лексику. Этому вопросу был посвящен доклад аспиранта СГСПУ, преподавателя филиала ВУНЦ ВВС «ВВА» в г. Сызрани Н.Н. Немич на тему: «Современный газетный текст как эмотивно-оценочное пространство». Исследовательница обратилась к выявленным конституентам поля семантики невыразимого, представленного в газетном дискурсе. Как оказалось, в газетных текстах при затруднении в определении и передаче эмоций авторы газетных статей употребляют определенные фразеологизмы (например, *нет слов*), указывающие на интенсивность проявления положительных или отрицательных эмоций. При этом газетный текст аккумулирует в себе языковое воплощение эмоционального поведения человека. Этот вопрос поднимался автором также и в предыдущем исследовании, ср.: [15].

Методический аспект изучения текста рассматривался в работе секции «Текст в педагогическом аспекте», в рамках которой отметим доклад магистранта СГСПУ А.А. Абрашовой и д. филол. н., профессора кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания Е.П. Иванян на тему: «Изучение языковой личности В.И. Даля в педагогическом аспекте». В докладе был поднят вопрос значения языковой личности В.И. Даля для его изучения в рамках как урочной, так и внеурочной деятельности по русскому языку. Исследователи отметили, что изучение языковой личности В.И. Даля должно опираться на трехуровневую модель, предложенную Ю.Н. Карауловым и содержащую вербально-семантический, лингвокогнитивный и мотивационный уровни [16]. Данное исследование выполнено в русле цикла статей, посвященных возможностям рассмотрения языковой личности В.И. Даля на разных уровнях образования (в начальных классах, среднем звене и вузе, ср.: [17], [18].

Проблемы преподавания русского языка в школе поднимались также в докладе старшего преподавателя ТГУ С.Е. Анфисовой на тему «Аксиологический потенциал прецедентного текста в формировании ценностного отношения учащихся к русскому языку», в котором исследовательница рассмотрела прецедентный текст как лингвистический феномен, показав возможности его применения в

обучении русскому языку. Близкое по тематике исследование представителей г. Андиган, магистранта педагогического факультета Андиганского государственного университета У. М. Касимова и учителя русского языка и литературы школы №35 О.У. Тургуновой на тему «Лингвистическая игра в системе средств обучения русскому языку как иностранному» раскрыло вопрос изучения лингвистической игры как средства обучения русскому языку как иностранному, позволяющего развивать мотивационную сферу обучающихся.

В рамках конференции вопросы преподавания русского языка поднимались также в работе секции «Текст в аспекте методики преподавания русского языка и литературы». Среди исследований, выполненных в лингвометодическом аспекте, можно отметить доклад, посвященный проблеме заинтересованности обучающихся в изучении названных дисциплин, к. филол. н., доцента кафедры филологии и методики преподавания Гуманитарно-педагогической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского Н.А. Лобачевой на тему «Web-квест на уровне текста как способ совершенствования лингвистической компетенции школьников в обучении русскому языку». В своем выступлении автор подняла вопрос интеграции информационно-коммуникационных технологий в процесс обучения русскому языку в средней школе и их пользы при освоении определенных тем [19]. Однако вопрос обучения русскому языку актуален не только для средней школы, но и для высшей. Об этом свидетельствует доклад научного сотрудника Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, старшего преподавателя Московского педагогического государственного университета Е.В. Корпечковой на тему «Художественный текст как материал для работы по расширению словарного запаса на занятиях по русскому языку в высшей школе». Исследователь обратилась к возможностям изучения художественного текста как лингвистического феномена при работе над обогащением лексикона студентов, что особенно актуально в современном мире.

В заключение отметим, что значительное количество участников конференции, исследующих текст в лингвистическом и лингвометодическом аспекте, подчеркивает значимость изучения текста в названном освещении. Многообразие вопросов, поднимаемых при изучении текста в лингвистике и лингводидактике, формирует основу дальнейших изысканий в данной области.

Библиографический список

1. Соколова М.Г. Реализация традиционных образов сравнения компаративных тропов с диминутивными дендронимами в русской поэзии XIX–XXI веков // Известия Саратовского университета. Серия: Филология. Журналистика. 2023. №2. С. 108–114.
2. Соколова М.Г. «Антропонимы как образы сравнения тропов с компонентом «клён» в русской поэзии 20-50-х гг. XX в.» // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т.9. № 1. С. 304–307.
3. Бычкова В.С. Провинциал vs провинциалка: семантико-прагматический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. №9. С. 2851–2859.
4. Паршина О.Д. Дух и душа провинции как проприальные единицы // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: Воронежский государственный технический университет, 2023. С. 77–81.
5. Паршина О.Д. Русская глубинка: языковая экспликация семантики провинции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 12. С. 3859–3868.
6. Паршина О.Д. Рекурсивная репрезентация семантики столицы в русской языковой картине мира // Языковое сознание. Речевая коммуникация: Материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессора В. Е. Гольдина. Саратов: ИЦ «Наука», 2020. С. 98–101.
7. Ершова Н.И. Субстантивная транспозиция прилагательных в русских говорах на территории Мордовии: автореф. ... дис. кан. филол. наук. Волгоград. 2017. 24 с.
8. Агафонцев М.С. Перцептивный компонент фразеологизмов тематической группы «бить (колотить)» // Методологические и лингводидактические аспекты изучения языка и речи. Материалы V всероссийской научно-практической конференции с международным участием 15 декабря 2022 года. Самара. 2023. С. 19–26.
9. Атаманова Н.В. «Земное» и «Небесное» в поэтическом мировоззрении Ф. И. Тютчева и А. К. Толстого (к вопросу о звуковой картине мира художника слова) // Вестник Вятского государственного университета. 2011. №2. С. 19–24.
10. Никулкина О.Г. Особенности функционирования прецедентных имен собственных в повести А. П. Чехова «Дуэль» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. №4. С. 203–209.
11. Богачанова Т.Д. Текстовое проявление особенностей языковой личности: типологический аспект // СибСкрипт. 2018. №2. С. 162–169.
12. Пастухов А.Г. Новое в способах бытования текста: вариативное и динамическое. Политическая лингвистика. 2021. №2. С. 204–211.

13. Галиханова Ф.У. Использование трансформированных фразеологических единиц в слоганах русско-, англо- и турецкоязычных фильмов // Вопросы современной лингвистики. 2021. №4. С. 58–65.
14. Дусматова Ш.В. Лексико-грамматические модели экспрессии художественной речи и их логико-семантические структуры // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. 2019. №4. С. 105–110.
15. Немич Н.Н. Характеристика эмотивной составляющей конститuentов семантики невыразимого (на примере фразеологизма «нет слов») // Поволжский педагогический вестник. 2022. №10. С. 20–28.
16. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука. 1987. 261 с.
17. Иванян Е.П., Абрашитова А.А. Языковая личность В. И. Даля в педагогическом освещении: современные возможности изучения // Наука и культура России. 2023. Т. 1. С. 112–115.
18. Иванян Е.П. Характеристика языковой личности П. А. Леканта // Лекантовские чтения. Материалы Международной научной конференции. М., 2022. С. 13–17.
19. Лобачева Н.А. Концепция гейминга и её роль в образовательном дискурсе // Московский педагогический журнал. 2018. №2. С. 32–42.

References

1. Sokolova M. G. The realization of traditional images of comparative tropes with diminutive dendronyms in Russian poetry of the XIX–XXI centuries // *Izvestiya Saratov University. Series: Philology. Journalism*. 2023. No.2. pp. 108-114.
2. Sokolova M. G. "Anthroponyms as images of comparing tropes with the component "maple" in Russian poetry of the 20-50s of the twentieth century." // *Baltic Humanitarian Journal*. 2020. Vol. 9. No. 1. pp. 304-307.
3. Bychkova V. S. Provincial vs provincial: semantic and pragmatic aspect // *Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2022. No.9. pp. 2851-2859.
4. Parshina O. D. The spirit and soul of the province as proprietary units // *Spirit, soul and body in world culture: materials of the I All-Russian scientific and practical conference*. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2023. pp. 77-81.
5. Parshina O. D. Russian hinterland: linguistic explication of semantics of the province // *Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 2022. Vol. 15. No. 12. pp. 3859-3868.
6. Parshina O. D. Recursive representation of the semantics of the capital in the Russian linguistic picture of the world // *Linguistic consciousness. Speech communication: Materials of the international scientific conference dedicated to the memory of Professor V. E. Goldin*. Saratov: IC "Nauka", 2020. pp. 98-101.
7. Ershova N. I. Substantive transposition of adjectives in Russian dialects on the territory of Mordovia: abstract... *Philol. sciences. Volgograd*. 2017. 24 p.
8. Agafontsev M. S. Perceptual component of phraseological units of the thematic group "beat (bash)" // *Methodological and linguodidactic aspects of language and speech learning. Materials of the V All-Russian scientific and practical conference with international participation on December 15, 2022*. Samara. 2023. pp. 19-26.
9. Atamanova N. V. "Earthly" and "Heavenly" in the poetic worldview of F. I. Tyutchev and A. K. Tolstoy (on the question of the sound picture of the world of the word artist) // *Bulletin of Vyatka State University*. 2011. No. 2. pp. 19-24.
10. Nikulkina O. G. Features of the functioning of precedent proper names in the story of A. P. Chekhov "Duel" // *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*. 2020. No.4. pp. 203-209.
11. Bogachanova T. D. Textual manifestation of linguistic personality features: a typological aspect // *SibScript*. 2018. No.2. pp. 162-169.
12. Pastukhov A. G. New in the ways of text existence: variable and dynamic. *Political linguistics*. 2021. No.2. pp. 204-211.
13. Galikhanov F. U. The use of transformed phraseological units in the slogans of Russian-, English- and Turkish-language films // *Questions of modern linguistics*. 2021. No.4. pp. 58-65.
14. Dusmatova Sh. V. Lexical and grammatical models of artistic speech expression and their logical and semantic structures // *Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics. The Humanities series*. 2019. No.4. pp. 105-110.
15. Nemich N. N. Characteristics of the emotive component of the constituents of the semantics of the inexpressible (on the example of the phraseologism "there are no words") // *Volga Pedagogical Bulletin*. 2022. No.10. pp. 20-28.
16. Karaulov Yu. N. Russian language and linguistic personality. M.: Nauka. 1987. 261 p.
17. Ivanyan E. P., Abrashitova A.A. The linguistic personality of V. I. Dahl in pedagogical illumination: modern possibilities of study // *Science and Culture of Russia*. 2023. Vol. 1. pp. 112-115.
18. Ivanyan E. P. Characteristics of the linguistic personality of P. A. Lekant // *Lekant readings. Materials of the International Scientific Conference*. Moscow, 2022. pp. 13-17.
19. Lobacheva N. A. The concept of gaming and its role in educational discourse // *Moscow Pedagogical Journal*. 2018. No.2. pp. 32-42.

УДК 82

DOI 10.36622/2587-9510.2024.63.21.023

Воронежский государственный технический университет

кандидат филологических наук,

доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации

Бугакова Н.Б.

Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-406-6287

e-mail: ya_witch@mail.ru

Voronezh State Technical University

The chair of Russian language and cross-cultural communication

PhD, associate professor

Bugakova N.B.

Russia, Voronezh,

tel. +7-920-406-6287

e-mail: ya_witch@mail.ru

Воронежский государственный технический университет

доктор филологических наук,

заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации

Скуридина С.А.

Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-404-0448

e-mail: saskuridina@yandex.ru

Voronezh State Technical University

Doctor of Philology,

Head of the Department of Russian Language and cross-cultural communication

Skuridina S.A.

Russia, Voronezh,

tel. +7-920-404-0448

e-mail: saskuridina@yandex.ru

Н.Б. Бугакова, С.А. Скуридина

**ИТОГИ II ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ «ДУХ, ДУША И ТЕЛО В МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ»
(ВОРОНЕЖ, ВГТУ, 6 ДЕКАБРЯ 2023 Г.)**

N.B. Bugakova, S.A. Skuridina

**RESULTS OF THE II ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE
"SPIRIT, SOUL AND BODY IN POPULAR CULTURE"
(VORONEZH, VSTU, DECEMBER 6, 2023)**

6 декабря 2023 года в Воронежском государственном техническом университете прошли заседания II Всероссийской научно-практической конференции «Дух, душа и тело в массовой культуре», организованной кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского государственного технического университета. Целью конференции являлось обсуждение взаимодействия духа, души и тела с точки зрения лингвистики, литературы, медиа, философии, спорта и пр. Поскольку тематика конференции достаточно обширна и включает разные аспекты, в конференции приняли участие около 50 ученых из разных городов России: Казань, Барнаул, Липецк, Воронеж, Алчевск, Тула, Ростов, Тюмень и др. В исследованиях, представленных на конференции, рассматривалось функционирование как триады дух, душа и тело, так и отдельных ее элементов, в русской и мировой культуре, русской и зарубежной литературе, в контексте философской рефлексии. Одна из секций конференции посвящена репрезентации заявленной триады в медиатекстах.

Доклады, прозвучавшие на заседании секции «Дух, душа и тело в русской и мировой культуре», отличались широтой рассмотрения проблематики и были посвящены анализу фразеосочетаний немецкого языка с лексемами, обозначающими духовность [1; с. 56-59], выявлению особенностей вербализации нравственности как компонента культурно-ценностной матрицы в тексте гороскопа [2; с. 101-105]; рассмотрению способности говоров Воронежской области отражать дух жителей современной деревни [3; с. 110-115]; определению места и роли концепта «совесть» в русской языковой картине мира и ее фрагментах [4; с. 126-133]; вербализации концепта «ДУША» в русских и английских пословицах [5; с. 162-166]; описанию категории телесного в русских и туркменских пословицах

о человеке [6; с. 133-137]; рассмотрению особенностей описания тела человека в русской народной загадке [7; с. 166-170] и др.

Ученые, принявшие участие в работе секции «Дух, душа и тело в русской и зарубежной литературе», выявляли соотношение духовного, душевного и телесного начала в характере героев рассказа А.В. Тырковой «Афинянка» [8; с. 115-120]; рассматривали различные виды онимных единиц и их способность выражать духовный мир героя художественного произведения, анализировали художественные тексты Ф.М. Достоевского, И.С. Шмелева, Л. Андреева [9; с. 149-153] с точки зрения функционирования в них триады *дух, душа и тело*; определяли способы проявления категории телесности [10; с. 68-73]; анализировали библионимы отдельных художественных произведений с целью выявления их семантического потенциала [11; с. 27-31].

На заседании секции «Дух, душа и тело в медиатекстах» прозвучали доклады, анализирующие особенности освещения феномена души в СМИ [12; с. 12-19], способность подкастов влиять на формирование духовности [13; с. 31-34], а также отражать духовность молодежи [14; с. 34-37]; кроме того, рассматривались способности портрета выступать отражением духовного мира [15; с. 73-85] и осовременивание духовных ценностей классической литературы путем использования приемов графического дизайна [16; с. 93-101]; выявлялись особенности наименования сообществ в социальной сети ВКонтакте с лексемой «дух» [17; с. 142-149]; рассматривалась социальная реклама, продвигающая здоровый образ жизни [18; с. 170-177].

Секция «Дух, душа и тело в контексте философской рефлексии» включала доклады исследователей, посвященные анализу системы воспитания Франциско Амороса [19; с. 24-27], выявлению составляющих духовно-нравственного здоровья студентов [20; с. 49-53], определению духовно-нравственных качеств личности современного журналиста [21; с. 56-59] и духовных ценностей современной молодежи [22; с. 85-93]. Работы некоторых исследователей были направлены на выявление духовных ориентиров, обозначенных при помощи онимных единиц [23; с. 41-45].

Итоги конференции освещаются в сборнике научных работ ее участников. Конференция «Дух, душа и тело в массовой культуре» проводится кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации ежегодно. Подобная периодичность обусловлена интересом к актуальной тематике конференции, большим количеством интересных докладов, которые представляются на конференцию учеными из разных городов России.

Библиографический список

1. Ковалева Л.В., Андреева А.А. Особенности фразеосочетаний немецкого языка с лексемами, обозначающими духовность // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. С. 59 – 63.
2. Мубаракшина А.М., Шакирова Д.Ш. Особенности вербализации нравственности как компонента культурно-ценностной матрицы в пространстве текста // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. С. 101 – 105.
3. Недоступова Л.В., Воробьев К.Д. Дух жителей современной деревни (на примере Коломыцевского говора Воронежской области) // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. С. 110 – 115.
4. Попова Е.А. Место и роль концепта «совесть» в русской языковой картине мира и ее фрагментах // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. С. 126 – 133.
5. Фомина С.Б. Вербализация концепта «душа» в русских и английских пословицах // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. С. 162 – 166.
6. Попова Ю.С., Сулемина О.В. Телесность в русских и туркменских пословицах // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. С. 133 – 137.
7. Хан Сывэнь. Особенности описания тела человека в русской народной загадке // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. С. 166 – 170.
8. Пантелеев И.В. Соотношение духовного, душевного и телесного начала в характере героев рассказа А.В. Тырковой «Афинянка» // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. С. 115 – 120.

9. Скуридина С.А., Кузьминых Е.О. Опозиция «душа-тело» в рассказе Л. Андреева «Ангелочек» // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. С. 149 – 153.
10. Крылова М.Н. Улыбка как проявление категории телесности в лирике Серебряного века // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. С. 68 – 73.
11. Бугакова Н.Б. «Джан»: душа или дух? К вопросу о смысле названия // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. С. 27 – 31.
12. Беспалова А.О. Особенности освещения феномена души в СМИ // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. С. 12 – 19.
13. Бугакова Н.Б., Девятова М.С. О влиянии подкастов на формирование духовности // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. С. 31 – 34.
14. Бугакова Н.Б., Клепов М.Д. Современная поп-культура как отражение духовности молодежи (на материале подкастов) // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. С. 34 – 37.
15. Кудаева Т.А., Новикова М.В. Портрет как отражение духовного мира в современной фотографии // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. С. 73 – 85.
16. Михнова Л.А., Новикова М.В. Графический дизайн как попытка осовременить духовные ценности в классической литературе // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. С. 93 – 101.
17. Скуридина С.А., Русявый И.А. Специфика наименований сообществ социальной сети «VKONТАКТЕ» с компонентом «дух» // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. С. 142 – 149.
18. Черных Д.А. Продвижение здорового образа жизни в социальной рекламе (на примере материалов антиалкогольной направленности) // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. С. 170 – 177.
19. Болдырев И.И., Бугаков Н.И., Григорьев А.И. Анализ системы физического воспитания Франциско Амороса // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. С. 19 – 24.
20. Есаян Т.А. Составляющие духовно-нравственного здоровья студентов // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. С. 49 – 53.
21. Карташова Е.Н., Белимович А.С. Эмпатия как духовно-нравственное качество личности современного журналиста // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. С. 56 – 59.
22. Кузьминых Е.О., Романовская А.И. Созидательный труд как духовная ценность в восприятии современной молодежи // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. С. 85 – 93.
23. Вязовская В.В. Имена мыслителей как духовные ориентиры Н.С. Лескова // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. С. 41 – 45.

References

1. Kovaleva L.V., Andreeva A.A. Features of phraseological combinations of the German language with lexemes denoting spirituality // Spirit, soul and body in world culture: materials of the II All-Russian scientific and practical conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2024. pp. 59-63.
2. Mubarakshina A.M., Shakirova D.Sh. Features of the verbalization of morality as a component of the cultural and value matrix in the space of the text // Spirit, soul and body in world culture: materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2024. pp. 101-105.
3. Nedostupova L.V., Vorobyov K.D. The spirit of the inhabitants of a modern village (on the example of the Kolomytsevsky dialect of the Voronezh region) // Spirit, soul and body in world culture: materials of the II All-Russian scientific and practical conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2024. pp. 110 – 115.
4. Popova E.A. The place and role of the concept "conscience" in the Russian linguistic picture of the world and its fragments // Spirit, soul and body in world culture: materials of the II All-Russian Scientific and practical conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2024. pp. 126 – 133.

5. Fomina S.B. Verbalization of the concept of "soul" in Russian and English proverbs // Spirit, soul and body in World Culture: materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2024. pp. 162-166.
6. Popova Yu.S., Sulemina O.V. Corporeality in Russian and Turkmen proverbs // Spirit, soul and body in world culture: materials of the II All-Russian scientific and practical conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2024. pp. 133 – 137.
7. Han Serwen. Features of the description of the human body in the Russian folk riddle // Spirit, soul and body in world culture: materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2024. pp. 166 – 170.
8. Panteleev I.V. The correlation of spiritual, mental and bodily principles in the character of the heroes of the story of A.V. Tyrkova "The Athenian woman" // Spirit, soul and body in world culture: materials of the II All-Russian scientific and practical conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2024. pp. 115 – 120.
9. Skuridina S.A., Kuzminykh E.O. The opposition "soul-body" in L. Andreev's story "Angel" // Spirit, soul and body in world culture: materials of the II All-Russian scientific and practical conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2024. pp. 149-153.
10. Krylova M.N. Smile as a manifestation of the category of physicality in the lyrics of the Silver Age // Spirit, soul and body in World Culture: materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2024. pp. 68-73.
11. Bugakova N.B. "Jan": soul or spirit? On the question of the meaning of the name // Spirit, soul and body in world culture: materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2024. pp. 27-31.
12. Bespalova A.O. Features of the coverage of the phenomenon of the soul in the media // Spirit, soul and body in World culture: materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2024. pp. 12-19.
13. Bugakova N.B., Devyatova M.S. On the influence of podcasts on the formation of spirituality // Spirit, soul and body in world culture: materials of the II All-Russian Scientific and practical conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2024. pp. 31-34.
14. Bugakova N.B., Klepov M.D. Modern Pop Culture as a reflection of youth spirituality (based on podcasts) // Spirit, soul and body in World Culture: materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2024. pp. 34-37.
15. Kudaeva T.A., Novikova M.V. Portrait as a reflection of the spiritual world in modern photography // Spirit, soul and body in world culture: materials of the II All-Russian scientific and practical conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2024. pp. 73-85.
16. Mikhnova L.A., Novikova M.V. Graphic design as an attempt to modernize spiritual values in classical Literature // Spirit, soul and body in World Culture: materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2024. pp. 93-101.
17. Skuridina S.A., Rusyavy I.A. Specificity of the names of communities of the VKONTAKTE social network with the "spirit" component // Spirit, soul and body in world culture: materials of the II All-Russian scientific and practical conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2024. pp. 142 – 149.
18. Chernykh D.A. Promotion of a healthy lifestyle in social advertising (on the example of anti-alcohol materials) // Spirit, soul and body in world culture: materials of the II All-Russian scientific and practical conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2024. pp. 170-177.
19. Boldyrev I.I., Bugakov N.I., Grigoriev A.I. Analysis of the system of physical education of Francisco Amorosa // Spirit, soul and body in world culture: materials of the II All-Russian scientific and practical conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2024. pp. 19-24.
20. Yesayan T.A. Components of spiritual and moral health of students // Spirit, soul and body in World culture: materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2024. pp. 49-53.
21. Kartashova E.N., Belimovich A.S. Empathy as a spiritual and moral quality of a modern journalist's personality // Spirit, soul and body in world culture: materials of the II All-Russian Scientific and practical conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2024. pp. 56-59.
22. Kuzminykh E.O., Romanovskaya A.I. Creative work as a spiritual value in the perception of modern youth // Spirit, soul and body in world culture: materials of the II All-Russian scientific and practical conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2024. pp. 85-93.
23. Vyazovskaya V.V. The names of thinkers as spiritual landmarks by N.S. Leskov // Spirit, soul and body in World Culture: materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2024. pp. 41-45.

Правила оформления статей

Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4.

Статья должна включать:

- 1) УДК;
- 2) сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт TimesNewRoman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;
- 3) инициалы и фамилии авторов (шрифт TimesNewRoman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);
- 4) название статьи на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);
- 5) аннотацию (200–250 слов) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 6) ключевые слова (5–10 слов и словосочетаний) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 7) основной текст (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);
- 8) библиографический список на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см.

Выравнивание текста – по ширине.

Отступ первой строки абзаца – 1 см. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе CorelDraw либо в любом из графических приложений MSOffice. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал. Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм). Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в **квадратные скобки [1; с. 54–67], [2; т. 3, с. 4–6]** с указанием страниц.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТ. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, абзац – 1 см. **Оформлять библиографический список необходимо в порядке упоминания работ в тексте статьи по ГОСТ Р 7.05-2008.**

Рекомендации по написанию аннотации и выбору ключевых слов

Аннотация (на русском и английском языках) обязательна. Объем аннотации – 200–250 слов. Задача автора – в 4–6 предложениях выразить суть исследуемой проблемы, ее актуальность и методы решения. Аннотация – это краткое содержание статьи. Структурно аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

В тексте аннотации на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов, а также следует применять значимые слова из текста статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках) – обязательны и должны содержать 5–10 слов и словосочетаний. Ключевые слова и словосочетания отделяются друг от друга запятой. Ключевые слова, составляющие семантическое ядро статьи, являются перечнем основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы.

Пример оформления статьи

УДК 811.161.1

*Гуманитарный институт филиала
Северного (Арктического) федерального
университета имени М.В. Ломоносова
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры
языкознания
Морозова Н.С.
Россия, г. Северодвинск,
тел. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru*

*Institute of Humanities of Northern
(Arctic) Federal University named after
M.V. Lomonosov
The department of linguistics
PhD, senior lecturer*

*Morozova N.S.
Russia, Severodvinsk,
tel. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru*

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег... (200-250 слов).

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, признаки образа, ...

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow.

Key words: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, ...

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небесполуночной страны* [1]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания его современники и исследователи творчества, в т. ч. Л.Я. Гинзбург [2].

Текст, текст, текст.....

Библиографический список

1. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/> (дата обращения – 15.05.2019).
2. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.

References

1. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin's works. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/> (accessed – 15.05.2019).
2. Ginzburg L.Y. About lyrics. M., 1997. 415 p.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

№ 1(52) 2024

Издается с 2006 г.
Выходит 4 раза в год

Дата выхода в свет: 29.03.2024. Формат 60x84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 16,6. Усл. печ. л. 17,1. Тираж 30 экз. Заказ № 71
Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84